

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издаётся с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2025 Том 20 № 4 (48)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал «Жанры речи» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76706 от 02.09.2019 г.
- Подписной индекс издания 70771. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (zhanry-rechi.sgu.ru)
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К1, специальности: 5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.8)
- Журнал входит в ядро РИНЦ, включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science
- Журнал входит в международные базы данных Scopus, ERIH PLUS, DOAJ

Редакционная коллегия

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Кощеева, кандидат филол. наук, доц. (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

В. М. Алпатов, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Е. Ю. Викторова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

М. Еленевская, Ph.D., проф. (Хайфа, Израиль)

Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

И. Э. Клюканов, Ph.D., проф. (Вашингтон, США)

Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)

Э. Лассан, Ph.D., проф. (Каунас, Литва)

М. Макуховска, Ph.D., проф. (Ополе, Польша)

В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Белоруссия)

А. Мустайоки, Ph.D., проф. (Хельсинки, Финляндия)

Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Белоруссия)

Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)

В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

P. Ратмайр, Ph.D., проф. (Вена, Австрия)

В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)

М. Сифиану, Ph.D., проф. (Афины, Греция)

Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)

З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)

P. Г. Тирадо, Ph.D., проф. (Гранада, Испания)

Хуан Мэй, Ph.D., проф. (Пекин, КНР)

Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3979-2143>

Executive Secretary

Olga V. Koshcheeva (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-8506-0867>

Members of the Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4323-2832>

Elena G. Elina (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-9797-3145>

Vladimir I. Karasik (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Igor E. Klyukanov (Washington, USA), <https://orcid.org/0000-0003-2240-0980>

Tat'yana V. Larina (Moscow, Russia), <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Eleonora Lassan (Kaunas, Lithuania), <https://orcid.org/0000-0001-9415-9757>

Marzena Makuchowska (Opole, Poland), <https://orcid.org/0000-0003-1357-2211>

Valentina A. Maslova (Vitebsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8717-9231>

Mei Huang (Beijing, China), <https://orcid.org/0000-0003-3580-0107>

Arto Mustajoki (Helsinki, Finland), <https://orcid.org/0000-0002-6609-7090>

Boris Y. Norman (Minsk, Belarus), <https://orcid.org/0000-0001-8520-5387>

Natalia V. Orlova (Omsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-1761-4765>

Valery V. Prozorov (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-6386-0759>

Renate Rathmayr (Vienna, Austria), <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Vladimir A. Salimovsky (Perm, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-4925-2490>

Tat'yana V. Shmelyova (Velikiy Novgorod, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3360-0518>

Maria Sifianou (Athens, Greece), <https://orcid.org/0000-0002-3231-937X>

Tat'yana I. Steksova (Novosibirsk, Russia), <https://orcid.org/0000-0003-4275-7450>

Zifa K. Temirgazina (Pavlodar, Kazakhstan), <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Rafael Guzman Tirado (Granada, Spain), <https://orcid.org/0000-0002-4615-6436>

Elena Yu. Viktorova (Saratov, Russia), <https://orcid.org/0000-0002-3989-1897>

Maria Yelenevskaya (Haifa, Israel), <https://orcid.org/0000-0001-7155-8755>

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

Дементьев В. В. Саратов, Россия	Речежанровая семантика и ее актуальные проблемы	368
Карасик В. И. Москва, Россия	Лингвокультурные характеристики речевых жанров	380

Исследования отдельных жанров

Мкrtычян С. В., Лебедева А. А. Тверь, Россия	КОНСТИТУЦИЯ РФ как речевой жанр ядерной зоны российского законодательного дискурса	388
Кубракова Н. А. Саратов, Россия	Профессиональная самопрезентация и личные профили соискателей в структуре англоязычного резюме	398

Жанры в художественном творчестве

Москвин В. П. Волгоград, Россия	К вопросу о форме и жанре лирической миниатюры М. Ю. Лермонтова «Синие горы Кавказа, приветствую вас!»	408
------------------------------------	--	-----

Жанры СМИ

Климкова Н. А. Великий Новгород, Россия	Пользовательский комментарий к новости в немецком медиадискурсе: оценка в модально-временной перспективе	416
---	--	-----

Интернет-жанры

Байкулова А. Н., Малашенкова Е. Н. Саратов, Россия	Интернет-пожелания: социальная перцепция и речевая рефлексия	424
Судник Д. М. Минск, Беларусь	Поджанр интернет-комментария для продвижения видеоролика	442
Калинина К. В. Саратов, Россия	Видеореакция, трэш-обзор, носталгический обзор: к вопросу о новых оценочных жанрах интернет-коммуникации	447
Галичкина Е. Н., Акимова О. В. Астрахань, Россия	Игровой стрим как интернет-жанр	456

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Dementyev V. V. Saratov, Russia	Speech-genre semantics and its current problems.....	368
Karasik V. I. Moscow, Russia	Linguistic and cultural characteristics of speech genres.....	380

Studies of Individual Genres

Mkrtychian S. V., Lebedeva A. A. Tver, Russia	CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION as a speech genre of the nuclear zone of the Russian legislative discourse.....	388
Kubrakova N. A. Saratov, Russia	Professional self-presentation and a personal statement as a component of the English resume.....	398

Genres in Art

Moskvin V. P. Volgograd, Russia	On the question of the form and genre of M. Yu. Lermontov's lyrical miniature "Blue mountains of Caucasus, greetings to you!".....	408
---	--	-----

Genres of Mass Media

Klimkova N. A. Veliky Novgorod, Russia	News user comment in German media discourse: Evaluative study in a modal-temporal perspective	416
---	--	-----

Internet Genres

Baikulova A. N., Malashenkova E. N. Saratov, Russia	Internet wishes: Social perception and speech reflection	424
Sudnik D. M. Minsk, Belarus	Subgenre of Internet comments for video promotion.....	442
Kalinina K. V. Saratov, Russia	Video reaction, trash review, nostalgic review as new evaluative speech genres of the Internet communication	447
Galichkina E. N., Akimova O. V. Astrakhan, Russia	Video game stream as an Internet speech genre	456

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 368–379
Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 368–379
<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-368-379>, EDN: FDEKAU

Научная статья
УДК 811.161.1'37'38'42

Речежанровая семантика и ее актуальные проблемы

В. В. Дементьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории,
истории языка и прикладной лингвистики, dementevvv@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Аннотация. Речежанровая семантика является относительно новым, хотя непосредственно пересекающимся с традиционными проблемами лингвистики направлением жанроведения: изучается отражение свойств дискурсивных, речежанровых и т. п. феноменов в семантике языковых единиц: от организации их непосредственной лексико-семантической структуры (которая, в свою очередь, соответствующим образом представлена в коммуникативно-языковой компетенции людей и фиксируется при составлении словарей) до особенностей дистрибуции, синтаксической и pragматической валентности и др. текстопорождающих потенций.

В статье рассматриваются пересечения речежанровой семантики с когнитивной генристикой (главная задача речежанровой семантики – изучение отражения речежанровой системности в семантической структуре слов, когнитивной генристики – изучение когнитивной и семантической структуры имён речевых жанров и смежных речевых единиц), интегральным описанием речевых жанров (при претендующем на адекватность описании контекстных, pragматических, фатических и т. п. сем в семантической структуре слов проявляется тенденция к комплексности, междисциплинарности).

Обсуждаются новейшие исследования в рамках когнитивной генристики и их значение для речежанровой семантики. Так, в собственно концептуологических исследованиях последнее время активизировалось направление, где различные речевые жанры и жанроподобные явления (коммуникативная тональность, коммуникативный концепт, коммуникативный типаж) используются как источник знаний о языковых и лингвокогнитивных единицах. Речежанровая семантика оказывается востребованной при изучении речеинформационных глаголов, речевых стереотипов, особенно тех, речежанровая обусловленность которых велика (со словом «жанр» и т. п.).

Много внимания уделяется проблемам речежанровой семантики в аспекте прикладной лексикологии: речежанровым пометам в языковом сознании и словарях различных типов, прежде всего, в ассоциативных обратных словарях.

Ключевые слова: речежанровая семантика, когнитивная генристика, интегральное описание речевых жанров, речевые стереотипы, речеинформационные глаголы, речежанровые пометы в словаре

Для цитирования: Дементьев В. В. Речежанровая семантика и ее актуальные проблемы // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 368–379. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-368-379>, EDN: FDEKAU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Speech-genre semantics and its current problems

V. V. Dementyev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vadim V. Dementyev, dementevvv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7532-5788>

Abstract. Speech-genre semantics is a relatively new branch in genre studies, although it directly intersects with traditional problems of linguistics: it studies the reflection of the properties of discursive, speech-genre, and similar phenomena in the semantics of language units: from the organization of their immediate lexical-semantic structure (which, in turn, is appropriately represented in the communicative-linguistic competence of people and is recorded when compiling dictionaries) to the features of distribution, syntactic and pragmatic valence, and other text-generating potentials.

The article shows the intersections of speech-genre semantics with cognitive genristics (the main task of speech-genre semantics is to study the reflection of speech-genre systematicity in the semantic structure of vocabulary, the main task of cognitive genristics is to study the cognitive and semantic structure of names of speech genres and related speech units), an integral description of speech genres (with an adequate description of contextual, pragmatic, phatic, etc. semes, the semantic structure of words shows a tendency towards complexity and interdisciplinarity). The author discusses the latest research in the framework of cognitive genristics and its significance for speech-genre semantics. Thus, in conceptual studies proper, there has recently become more active a direction where various speech genres and genre-like phenomena (communicative tonality, communicative concept, communicative type) are used as a source of knowledge about language and linguacognitive units. Speech-genre semantics is in demand in studying speech-informative verbs, speech stereotypes, especially those whose speech-genre determinacy is high (with the word “genre”, etc.).

There is a special focus on the problems of speech-genre semantics in the aspect of applied lexicology: speech-genre labels in linguistic consciousness and dictionaries of various types, primarily in associative reverse dictionaries.

Keywords: speech genre semantics, cognitive genristics, integral description of speech genres, speech stereotypes, speech-informative verbs, speech genre labels in the dictionary

For citation: Dementyev V. V. Speech-genre semantics and its current problems. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 368–379 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-368-379>, EDN: FDEKAU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение: постановка проблемы

Термин *речежанровая семантика* может именовать направление общей теории речевых жанров и одновременно соответствующий речевой и языковой феномен (подобно таким традиционным терминам, как *фонетика, морфология, синтаксис*, которые тоже являются именованиями одновременно направлений лингвистики и соответствующих языковых феноменов).

Как раздел жанроведения речежанровая семантика вписывается в дискурсивную парадигму, где особую значимость приобретают коммуникативно-прагматический, лингвокультурологический, аксиологический факторы. Одним из новейших и одновременно наиболее актуальных направлений дискурсивных исследований является речежанровое.

Большинство лингвистических работ в этой парадигме строится в методологическом отношении центробежно: изучается актуализация языковых единиц, т. е. их роль в формальном и содержательном структурировании изучаемых речевых феноменов: собственно дискурсов (типов дискурсов), культурных сценариев, речевых жанров.

Но не менее важно, хотя гораздо менее разработано противоположное центростремительное направление – изучение отражения свойств этих дискурсивных, речежанровых

и т. п. феноменов в семантике и прагматике языковых единиц: от организации их лексико-семантической структуры (которая, в свою очередь, соответствующим образом представлена в коммуникативно-языковой компетенции людей и фиксируется при составлении словарей, а также прикладных программ компьютерного перевода, нейросетей, чат-ботов и т. п.) до особенностей дистрибуции, синтаксической и прагматической валентности и др. текстопорождающих потенций.

Это направление, хотя ближе к традиционным лингвистическим исследованиям и методам (ср. «контекстные», «прагматические», «фатические» и т. п. семы, выделяемые в ставших классическими работах по лексической семантике, например, Н. Д. Арутюновой [1], В. Г. Гака [2], Ю. Д. Апресяна [3] и др.), только в новой парадигме – коммуникативной, дискурсивной – получило настоящее развитие. Это направление мы и называем *речежанровой семантикой*.

В новейших теоретических, практических, методических работах по теории речевых жанров, где проявляется тенденция к комплексности, междисциплинарности, интегральности, данное направление естественным образом вписывается в актуальную проблематику: так, вопросы речежанровой семантики активно рассматриваются в рамках *интегрального описания речевых жанров*.

Эта формирующаяся в настоящее время речежанровая дисциплина включает параметры: культурно-исторический контекст РЖ; типологические характеристики РЖ (в том числе место в разных типологиях); речежанровая вариантология и вторичность (в том числе новые техногенные и интернет-производные от первичных, традиционных жанров); представленность в корпусах. Интегральное описание речевых жанров «складывается» прежде всего на базе жанроведческих исследований, которые отвечают критериям: 1) модель уже интегральная (многокомпонентная и междисциплинарная); 2) универсальная (применима ко многим языкам и национальным культурам, в разные исторические периоды); 3) по данной модели было осуществлено наибольшее число исследований. Первому критерию отвечает, например, «анкета РЖ» Т. В. Шмелевой, второму – универсалистская модель А. Вежбицкой, третьему – более традиционные лексическая, синтаксическая, прагматическая речежанровые модели (Н. Д. Арутюнова, В. Е. Гольдин, Т. В. Матвеева, Н. В. Орлова, В. А. Салимовский, К. Ф. Седов, Т. И. Стексова). (Подробнее см.: [4]).

В отличие от наших предыдущих работ [4, 5], где с помощью методики интегрального описания речевых жанров (ИОРЖ) анализировались непосредственно жанры, в обсуждаемой области исследований ее использование имеет более опосредованный характер: выявляются жанрово обусловленные компоненты семантической структуры слов, идиом и т. п.

В этом отношении речежанровая семантика ближе другому направлению теории речевых жанров (ТРЖ) – *когнитивной генристике*.

1. Речежанровая семантика в проблематике и методике когнитивной генристики

1.1. Когнитивная генристика

Когнитивная генристика формируется на стыке общей теории речевых жанров и таких когнитивных лингвистических дисциплин, как когнитивная семантика, когнитивная лексикология, когнитивная прагматика, психолингвистика, но прежде всего – лингвоконцептология: естественно, концепт есть содержательно ориентированная единица, а изучение концептов на современном этапе есть не что иное, как изучение – в наиболее общем виде – плана содержания языковых единиц (в том числе лексико-семантического, грамматического, а также коннотативного, стилистического и функционально-стилистического, коммуникативно-прагматического и ассоциативного компонентов плана содержания). В общей типологии концептов место концептов, непосредственно связанных с речевыми жанрами, определяется следующим образом: с РЖ связаны **коммуникативные концепты** (далее – $K_{ом}K$), а именно: имеющие четкое композиционно-тематически-стилистическое содержание. Зафиксированные в языке имена данных концептов являются или непосредственно именами речевых жанров, или

их компонентов (стратегий, тактик и т. д.), или отражают оценочное отношение к ним в рамках данной культуры.

Одним из наиболее важных признаков, который может быть положен в основу лингвокультурологической / концептологической типологии РЖ, является деление жанров и жанровых образований, используемых в коммуникативном пространстве внутри определенной речевой культуры, на поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею. Принципиально важным положением когнитивной генристики является то, что при изучении семантики слов, являющихся названиями жанров, выделяются лексемы, содержащие оценочный компонент.

Ценностный аспект речевого жанра неразрывно связан с понятием **коммуникативной речежанровой ценности**: это обусловленная важнейшими принципами национальной культуры коммуникативная категория, которая регулярно и закономерно проявляется в языковой и речевой системе (системы языковой оценки, аспекты лексической номинации, нормы конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочная деятельность) и в общих когнитивных отношениях человека с миром (аспекты оценочной культурно-языковой картины мира). По своей вертикальной организации коммуникативная речежанровая ценность производна от одной или нескольких культурных ценностей: только под общим зонтиком культуры и ее базовых установок, с санкциями соответствующих культурных ценностей, скриптов, сценариев возможно существование той или иной коммуникативной ценности. В свою очередь, коммуникативная ценность обуславливает систему конкретных коммуникативных норм, включая правила и нормы конкретных речевых жанров, этикетные нормы и т. д.

Рассмотрение речевых жанров с лингвокультурологических позиций, как и выделение в составе концепта жанрового смыслового компонента, выводят исследователя на целый ряд качественно новых проблем, например, конкретное композиционно-тематически-стилистическое наполнение коммуникативных концептов, лингвокультурологический анализ зафиксированных в языке имен жанров и их структурных элементов, структура жанровой картины мира. В этом свете особенно актуальными являются исследования речевых культур с жанровой точки зрения.

(Подробнее см.: [5: 48–79; 6: 248–257; 7–11].)

1.2. Представление структуры коммуникативных концептов в когнитивной генристике

Объективная близость речежанровой семантики и когнитивной генристики обусловлена тем, что главная задача речежанровой семантики – изучение отражения речежанровой системности в семантической структуре лексики – непосредственно пересекается с одной из главных задач когнитивной генристики – изучением когнитивной и семантической

структуры имён речевых жанров и смежных единиц.

С позиций когнитивной генристики значимыми являются характеристики коммуникативного концепта, через который представляется и осмысляется жанр: имена жанров и жанровых компонентов (ср. лексические и отчасти лексико-грамматические цепочки *речежанровой системности*), понятийный, образный, ценностный компоненты концепта.

Так, ценностный компонент концепта должен рассматриваться в связи с культурными речежанровыми ценностями / оценочными шкалами. В этом отношении очень большую значимость представляют оценки (особенно отрицательные), отражающие несоответствие жанра базовым культурным ценностям или несоответствие конкретного жанрового воплощения ценностям (положительным), изначально ему присущим: с одной стороны, экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво, злорадно, гнусно...*).

При рассмотрении языкового воплощения жанра (например лексики) важно учитывать указанные типологические характеристики: исторические (историко-этимологические), структурно-иерархические (например, лексико-семантическая группа (ЛСГ), именем которой является имя жанра, а членами – его структурные единицы – субжанры и подоб.), особенно же – лингвокультурные (зафиксированное в оценочной лексике, фразеологии и т. п. соответствие или несоответствие культурным сценариям, системам ценностей).

Иными словами, языковые единицы должны рассматриваться не только сами по себе, но и через типологии, значимые речежанрово, например, лексемы, именующие жанры, – через цепочки речежанровой системности (имя жанра, сферы коммуникации / дискурса, типажа, речевого действия / процесса, тональности); оценочные лексемы – в связи с культурными речежанровыми ценностями / оценочными шкалами; метафоры – в связи с образным компонентом соответствующего коммуникативного концепта; полезны также учет ассоциативного потенциала слов, представление в текстовых корпусах, отображение в жанрово-ролевых сценках и подоб.

Упорядочение соответствующей лексики осуществляется в цепочках *речежанровой системности* «действие / акт ~ процесс / манера ~ роль / тип ~ тональность ~ жанр». Целая цепочка организуется коммуникативным концептом.

В случае симметричной концептуализации заполняются все звенья цепочки (такие ситуации редки). Заполнение звеньев цепочки лексикой может быть неполным и неравномерным, возможны «белые пятна», тоже разные для разных цепочек, возможно, наоборот, детализированное и многословное заполнение какого-то отдельного звена цепочки.

При реконструкции $K_{om}K$ на первый план может выходить **речежанровая типизация, действие** (коммуникативные и речевые акты), **процессуальность** (коммуникативные и речевые события и сложные события), **манера поведения, роль** в рамках данного типа коммуникации (например соревновательной или

игровой) или сам социальный тип (точнее, его коммуникативное преломление – **лингвокультурный типаж**).

Соответственно в области имен данных $K_{om}K$ на первый план может выходить (как производящая основа при последующей словообразовательной деривации) **имя типажа** (естественно, это существительное), **речевого действия**: однократного (речевой акт) и длительного (и тогда это глаголы, соответственно, сов. и несов. вида), **имя процесса** (существительное), **тональности** (наречие) или же непосредственно **имя жанра** (в этой функции тоже более вероятны существительные, чем глаголы, которые чаще именуют речевые акты).

Представляют большой интерес случаи, когда лексемы – имена для единиц, составляющих $K_{om}K$, а) относятся к разным частям речи и лексико-семантическим (лексико-грамматическим) классам; б) представляют собой оценочные, экспрессивные, образные, нелитературные слова, в) метафоры, г) неологизмы, в том числе: д) созданные по существующим / традиционными словообразовательным моделям; е) заимствования.

При рассмотрении оценочных цепочек (или оценочных звеньев неоценочных цепочек) наиболее принципиальным аспектом (и звеном цепочки) является **тональность**, которая практически всегда оценочна (причем эта оценочность может быть двух разных типов: с одной стороны – экспрессивность коммуникативного поведения (*возмущенно*), с другой – оценка, даваемая коммуникантам или одному из них (и жанру в целом) наблюдателем (*неискренне, фальшиво ...*)).

Данная жанровая (жанрово релевантная) оценочность фиксируется в языке на лексическом уровне, при этом выделяются **оценочные лексемы**:

1) названия жанров (существительные) – оценка самого жанра (прежде всего «извне») (*донос, лесть, похвальба*);

2) глаголы – названия действий / РА (то же самое, но оценка несколько менее акцентирована (*кичиться, клеветать, подстрекать*));

3) оценочные характеристики жанра (или действия / акта в составе жанра – внутрижанровой стратегии и подоб.) – прилагательные, наречия: оценивается манера исполнения жанра, при этом:

а) общая оценка РЖ сохраняется и усиливается (жанр исполняется правильно): *задушевный, искренний, мудрый разговор по душам, высокохудожественный роман...*;

б) противоречит или противоположна общей оценке РЖ (жанр исполняется неправильно): *фальшивый разговор по душам, графоманский роман...*

(Подробнее см.: [5: 54–57; 12: 175–181].)

Речежанровая семантика актуальна при изучении семантической структуры различных языковых единиц, а именно: коммуникативных аспектов данной структуры. Ее адекватное осмысливание предполагает обязательный учет жанра, в рамках которого использование данной единицы (и ее близких и дальних синонимов и смежных единиц по тематическим группам, лексико-семантическим группам, сло-

вообразовательным гнездам и т. п.) более / менее естественно и более / менее значимо, жанра / жанров материала, привлекаемого для анализа данной языковой единицы и др. собственно-жанровых и опосредованно-жанровых аспектов.

Такая направленность присуща многим исследованиям современных лингвистов-лексикологов, лингвистов-коммуникативистов, лингвистов-жанроведов.

1.3. Жанрообразующие концепты

Значимым для речежанровой семантики является направление жанроведческих исследований, где в содержательной структуре жанров выделяются жанрообразующие концепты. Так, например, К. Ф. Седов противопоставлял разновидности гипержанра «разговор» на основании разных жанрообразующих концептов: для разговора по душам таким является концепт «искренность», для светского разговора (беседы) – концепт «вежливость», для разговора в компании – концепт «дружелюбие» [13: 185–197].

В последнее время в собственно концептуологических исследованиях активизировалось направление, где различные речевые жанры и жанроподобные явления (такие как коммуникативная тональность, коммуникативный концепт, коммуникативный типаж) используются как источник знаний о языковых и лингвокогнитивных единицах, данное направление уточняет и дополняет существующие представления о ряде концептов, для которых речежанровая семантика, проявление и бытование в рамках соответствующих жанров являются актуальными.

См., например, кандидатскую диссертацию Цуй Хуэйин [14], где исследуется концепт «стыд» как жанрообразующий для речевого жанра интернет-откровения, в результате концепт «Стыд» реконструируется как сложный, во многих отношениях противоречивый феномен, имеющий отчетливые речежанровые проявления: стыд является и антиценностью (стыд неприятен, мучителен, его причины – нарушения правил), и ценностю (ср. отрицат. оценку отсутствия стыда: *стыда нет, ни стыда ни совести, бесстыдный и бесстыжий*); является личностно-значимым (исследование Цуй Хуэйин выявило распространенность в текстах интернет-откровений форм 1-го лица) и анонимным (в интернет-коммуникации); затрудняет самораскрытие и самовыражение личности (говорить о стыдных вещах неприятно) и является катализатором самовыражения и раскрытия личных переживаний (Цуй Хуэйин выявляет 59 «стыдных» тем текстов в рамках речевого жанра интернет-откровения, распределенные по пяти группам: тексты о событиях, которые процируют внутренние эмоции автора, чаще всего негативные; откровения, связанные с отношениями между близкими людьми или животными; описа-

ние состояния или времени, когда люди совершают забавные или постыдные поступки, и т. д.); для речевой реализации концепта «Стыд» актуальна сниженность, но именно сниженность, цинизм и подоб. отрицают и даже исключают стыд (ср. выявляемые современными философами, культурологами, лингвистами постмодернистские тенденции в современной интернет-коммуникации); ср. также понятие ложного стыда (Об этом надо сказать без ложного стыда...) и т. п.

На основе подобных моделей может быть осуществлен анализ других концептов, для которых речежанровая семантика, проявление и бытование в рамках соответствующих жанров (как жанра интернет-откровения, так и других) тоже являются значимыми, например, концептов «Любовь», «Равнодушие», «Обида», «Верность», «Трусость», «Сила» и др.

2. Речевые стереотипы

Речежанровая семантика оказывается вос требованной при изучении речевых стереотипов, речежанровая обусловленность которых велика.

Особенно показательны в этом отношении стереотипы со словом «жанр»: так, изучение речежанровой семантики стереотипа «в жанре...» позволяет решить принципиальную для жанроведения в целом проблему представления понятия жанра в языковой компетенции носителей языка на материале высказываний, где слово «жанр» используется применительно к разнообразным феноменам человеческой жизни, деятельности, культуры.

Наше исследование [15], посвященное контекстам с выражением «в жанре...» в НКРЯ (348 вхождений, 309 документов) показало, в каких сферах жизни / культуры / коммуникации носители языка наиболее естественно «видят» явления, именуемые словом «жанр», более того: позволило сформулировать содержание понятия «жанр» в языковой компетенции современных носителей языка: феномен, которому присуще 1) общее отношение к эстетике, искусству; 2) композиционность («построенность»); 3) коммуникация. Некий «семантический минимум жанровости» состоит в том, что лексема «жанр» практически всегда именует 4) нечто распространенное, типичное, узнаваемое; 5) некий образец / прототип, причем 6) опознавание осуществляется по форме данного феномена. Контексты, даваемые НКРЯ, разделились на три группы:

а) наиболее соответствуют этому содержанию жанры в традиционном «аристотелевском» значении (жанры литературы, театра, кино, в том числе новейшие, такие как *фанфикшн, хоррор*);

б) «бахтинское» понимание жанра (речевые жанры выделяются не только в художественной, но и в нехудожественной словесности) (НКРЯ дал контексты: *в жанре диалога, спора, анекдота, вопрошания, угадывания, капустника, мальчишника*);

в) языковая игра (скажем осторожно: пока языковая игра) (эти очень интересные контексты приведем полностью, пока в виде простого списка: систематизация их – дело будущего):

Мало кто знает, что брют, сухое и полусухое шампанское считаются аперитивами и предлагаются гостям в «жанре» *а-ля фуршет* за 20 минут до того, как этих же гостей пригласят к столу [Светлана Ткачева. Искрящийся золотом напиток // «100% здоровья», 2002.12.11];

Марки Колесникова и Денисова выполнены по всем канонам *Artistamp* – искусства создавать миниатюры в жанре *почтовых марок*, в соответствии с обязательными для этого атрибутами [Не реклама (2000) // «Рекламный мир», 2000.02.15];

Правительственный кризис в Чечне развивается в жанре *подковерной борьбы* [Вадим Речкалов. Мы его теряем?. Федеральные силовики атакуют Ахмада Кадырова // «Известия», 2003.01.14];

Но главное, сама игра становится все более серьезной, активно участвуя в жанре *авторитарно ориентированного переустройства мира* [Владимир Лапенков. До и после // «Звезда», 2002];

И в завершение экскурсии в жанре *потребительского кошмара* на нижнем этаже за паутиной инженерных конструкций нам показали место для будущего детского центра развлечений [Се манифик! // «Столица», 1997.10.13];

Ксенофобская идеология овладевает массами, ее пропитан быт постсоветских людей, и люди от обычательских истерик в жанре «*Понаехали тут*» переходят к прямым действиям. [Андрей Колесников. Политическая карьера сержанта Назарука // «Известия», 2002.09.09];

Чтобы это слияние получило объяснительную силу, нам нужно будет <...> доказывать, что антропософия выразила войну и революцию в жанре *предчувствия того, что дело – дрянь*. [Григорий Ревзин. Очерки по философии архитектурной формы (2002)];

Если хотите, господа, полюбоваться на эту картинку в жанре... в жанре... как его? – *Finissez!* В жанре... в жанре Маковского. – Так вот – картинка в жанре Маковского. [Н. А. Тэффи. Нянькина сказка про кобылью голову (1910)];

Впрочем, землячество тут и ни при чем: Аркадиус выступает в жанре *enfant terrible от моды*, а они ведь, несносные дети, – словно юродивые, им все прощают. [Анна Карабаш. Как дева Мария стала супер-звездой // «Домовой», 2002.04.04];

В последнее время на ТВ появилось несколько необычных рекламных роликов, снятых в жанре «не верь глазам своим». [Александр Мельников. Мыло на шило. «Аквафреш» и «Дав» поменяли ориентацию // «Известия», 2002.01.28].

Очень интересно и показательно то, что обнаруживается экспансия понятия «жанровости»: авторы текстов, размещенных в НКРЯ, гораздо чаще, чем традиционные терминологические сочетания (жанр

романа, жанр прозы), используют более оригинальные. Рассмотрение контекстов в НКРЯ показывает, что – пусть несистемно, окказионально, на уровне языковой игры (и часто в кавычках) – слово «жанр» достаточно частотно используется применительно к несловесным феноменам. (Подробнее см.: [15; а также 16, 17].)

С точки зрения речежанровой семантики представляют интерес многие другие речевые стереотипы, не содержащие непосредственно слова «жанр», имен жанров и т. п.

3. Лексикология: речежанровая семантика в речеинформационных глаголах в составе слов автора в художественных диалогах

Актуально исследование, в котором 1) выявляется группа «речежанровых» речеинформационных глаголов (РиГ), определяется место данной группы в общем составе РиГ; 2) речежанровая семантика глаголов данной группы исследуется с применением как собственно лексико-семантической, так и прагматической и речежанровой методики.

С этой точки зрения показательно использование РиГ для именования и характеристики соответствующих речежанровых феноменов писателями, а именно: в неперформативной форме в составе слов автора в художественных диалогах (художественный подкорпус НКРЯ).

РиГ, используемые в составе слов автора в художественных диалогах в неперформативной форме, представляют собой довольно четко организованную лингвистическими и речекоммуникативными принципами группу. Эти принципы имеют разнообразную: как лексико-семантическую и лексико-грамматическую, так и речежанровую – природу. Это обуславливает богатые потенции данных слов в качестве изобразительных и характерологических средств при описании ситуаций общения и характеров персонажей авторами художественных произведений.

Обращение к художественным диалогам позволяет прояснить представление и разграничение жанров и жанроподобных явлений в языковой и речевой компетенции авторов произведений, которых, с одной стороны, можно считать рядовыми носителями языка (не специалисты-лингвисты), с другой – совсем не рядовыми: особенно внимательными и чуткими к языку, лингвокреативными (художники слова).

Материал: контексты из НКРЯ (художественного подкорпуса) с РиГ в неперформативной форме, а именно: прош. вр. сов. вида – в качестве слов автора в диалогах в художественных произведениях, – отобранные по следующим формальным критериям / запросам: лексико-грамматический поиск → словоформа «...» → дополнительные признаки → слово после тире: «сказал (он) / сказала (она)», «спросил (он) / спросила (она)», «похвалил (он) / похвалила (она)», «восхликал (он) / восхликала (она)» и т. п.

с РиГ из списка, составленного на основе семантических словарей Н. Ю. Шведовой и др., в том числе электронных.

Методика: объединение анализируемых РиГ в одну лексико-семантическую группу осуществлено составителями семантических словарей (разделы «Речь», «Речевая деятельность» и т. д.). Значимые членения слов внутри данной ЛСГ осуществляются по разработанной лингвопрагматической методике с учетом особенностей контекстов диалогического общения персонажей, изображенного в художественных произведениях. Наиболее оригинальную и, представляется, наиболее информативную часть исследования составляет речежанровый анализ, предполагающий выделение среди РиГ подгруппы, имеющей речевые жанры, и анализ данных слов по собственно речежанровым параметрам. К классификациям РиГ в неперформативной форме в составе слов автора в художественных диалогах (дополнительные семы к «сказал» и т. п., дополнительные иллокуции) добавляются собственно речежанровые классификации и типы: первичные и вторичные жанры, информативные и фатические, кооперативные и конфликтные, свободные и жесткие, разного объема и сферы коммуникации / дискурса, этикетные, письменные и устные, книжные, нелитературные.

Значимым для речежанровой семантики является противопоставление следующих типов РиГ:

1) глагол «сказал» и его наиболее близкие синонимы: «чистая» передача информации через посредство говорения (высказал, произнес, сообщил, поведал, проговорил, промолвил и вымолвил) и несильно (стилистически) отличающиеся от «сказал» синонимы (изрек, провещал).

Количественные данные в НКРЯ: *сказал* (он): 23 986 текстов, 407 629 примеров; *сказала* (она): 10 941 текст, 119 703 примера; *проговорил* 1584 текста, 9036 примеров; *произнес* 1547 текстов, 6822 примера; *сказал* 976 текстов, 1722 примера; *промолвил* 434 текста, 1473 примера; *высказал* 136 текстов, 154 примера; *поведал* 45 текстов, 55 примеров; *сказали* 3 текста, 3 примера;

2) синонимы «сказал» с дополнительными семами, имеющими значение для качественных иллокутивных характеристик речевого действия разных типов, но не меняющих основную иллокуцию – информирование: уточнения иллокуции (*передал, добавил, подчеркнул, выложил*); сюда же относятся экспрессивные уточнения (*восхликал, отчеканил, припечатал*) и уточнения произносительных, фонационных особенностей, как неметафорические (*крикнул и закричал, всхлипнул, выдохнул, побормотал, прошептал, промяглил*), так и метафорические (*бухнул, булькнул, рявкнул, чавкнул, квакнул*); особую группу составляют оценочные глаголы, в которых иллокутивная характеристика речевого действия та же, но на первый план выходит оценка данного речевого действия, прежде всего этическая (*ляпнул, отчудил, отломил*); некоторые количественные данные: *поморщился* 319 текстов, 494 примера; *нахмурился* 265 текстов, 497 примеров; *прошептал* 1286 текстов, 3084 пример; *ляпнул* 37 текстов, 40 примеров; *отчудил* 0.

Несколько примеров:

– Да нет, какая там госпитализация, – **поморщился** Нейман, – ненавидит она всякие больницы, совершенно безумная девка! Ю. Домбровский;

– **Пиковая Дама**, – **прошептал** гость в величайшем изумлении. Л. Улицкая;

– **Может, у тебя климакс?** – **ляпнул** в упор Дегтярев. Д. Донцов;

3) тоже синонимы «сказал», но с более сильными другими семами, чем собственно информирование, значительно меняющими иллокутивную характеристику речевого действия, в том числе специальнопречежанровыми: вопросы, императивы, слова с оценочными характеристиками речи по истинности, качеству, кооперативности, отмечающие состояния / цели говорящего и адресата и т. п.: *донес, намекнул, уверил, поверил, пояснил, объяснил, прокомментировал, похвалил и похвалился, извинился, ответил, (не) согласился, возразил, похвалил, обиделся, выругался, упрекнул, посоветовал, солгал и соврал, пошутил*. Противопоставляются РиГ, отражающие состояние говорящего (*ужаснулся*) (в том числе экспрессивные и выраженно произносительно-фонационные) (*испугался, обиделся, прошептал*) и направленные на взаимодействие с адресатом и управление им (*возразил, посоветовал, похвалил и похвалился*).

Несколько примеров:

– Ну, вот и на здоровье, – **похвалил** Потапов. – А теперь закуси. Ю. Домбровский;

– Ты доставляй сама себе побольше удовольствий, я думаю, что и ему это будет приятно, – **посоветовал** Павел Алексеевич дочери. Л. Улицкая;

– Зачем буйволиная? – **обиделся** он. – Кожа как кожа, из которой пальто шьют. Б. Окуджава;

– Оставь меня, Христа ради, – **испугался** буфетчик и проворно спрятал деньги. М. Булгаков.

Количественные данные (НКРЯ): *объяснил* 1128 текстов, 2454 примера; *утешил* 148 текстов, 184 примера; *пошутил* 488 текстов, 727 примеров; *посочувствовал* 79 текстов, 102 примера; *извинился* 63 текста, 69 примеров; *извинилась* 18 текстов, 19 примеров.

Данная классификация дает исследователю-лингвисту много материала для уточнения и собственно лексической / прагматической семантики данных РиГ, и лингвистических, речеактивных, речежанровых систематизаций их. Деление РиГ на жанровые и нежанровые относится именно сюда, а также релевантно для следующей выделяемой групппы;

4) контекстные синонимы «сказал», в том числе оригинальные «авторские» синонимы (метафорические), с более сильными другими семами, чем собственно передача информации через посредство говорения (*вставил, врезал, вмазал, отвесил, припечатал, разродился, утерся, вызверился, внёс свои пять копеек, звукоподражательные (фыркнул, хмыкнул, процедил*), часто это имена невербальных компонентов коммуникации (НВКК) – контекстуальные заменители собственно речевых слов (*пожал плечами, улыбнулся, поморщился, нахмурился, почесал (поскреб) в затылке, проглотил / слогнул слону, съел, сплюнул, утерся, облизнулся*):

— *Мерррррзавец, кто с нами не пьет! — припечатал певец.* А. Кучаев;

— *Предположим..м-м — да, — разродился Ломакин после тягостных н-н-нуканий и м-м-мыканьи.* А. Измайлов;

— *Поп, известное дело, врет, — отвесил Чапаев крепкую мысль.* Д. Фурманов;

— *Примено оружие! — вызверился полицай, хватая с плеч знакомую винтовку с расколотым и склепанным железкой прикладом.* В. Быков;

— *И поверь, я бы дорого дал, — он шумно слготнул слюну, — чтобы оттить из того графинчика!..»* «Ха!» — хмыкнул я польщенно. — И, главное, никакой Плутиарх такое не напишет за тебя! — заключил он. Б. Клетинич;

Для выделения в составе групп (3) и (4) собственно **речежанровых** микрогрупп требуется анализ контекстов (объем текста, необходимый для идентификации жанра / относящийся к жанру / коммуникативному фрагменту, поименованному избранным Р_иГ, может служить важным количественным критерием и идентификации жанра, и ограничения жанра отсмежных единиц — акта, субжанра): например, *утешил* в разных контекстах может обозначать иногда развернутое общение, иногда отдельную реплику — в этом отношении фактически выступает в разных значениях:

- довольно развернутое общение, включающее многочисленные НВКК:

— *Маша! — позвал Валерий девочку, которая стояла под козырьком подъезда и тряслась как овечий хвост. — Что, холодно?*

— *Ничего, — утешил Алексей.* — *Сейчас в машину сядем, натопим, тепло будет.*

Николай снял замки с "ракушки" и откинул крышу. <...> Машина быстро проехала два квартала пятиэтажек, ряд деревенских домиков вдоль главной улицы, и позади остался указатель с перечеркнутым названием населенного пункта. Потянулись поля, пересеченные рядами лесополос. Алексей включил печку, сделалось тепло.

— *Маша! — Валерий посмотрел на девочку, которая скорчилась на заднем сиденье. — Может, поспишишь? Ложись, ноги вытяни — туфли сними только.* О. Покровская;

- менее, но тоже развернутое общение:

— *На напоминания тоже нет отклика. — Что вы хотите? — утешил его Лотман.* — *Это же «Вопросы философии», а не «Ответы философии».* В. Баевский;

- отдельная реплика:

Его голосы, кривые, ломаные, как насмешка, корчились между ровными стежками Васи и Николая.

— *Ничего, сойдет, — утешил подошедший сзади Вася.* А. Уткин.

Кроме собственно количественных (объем) различий, приведенные примеры с *утешил* демонстрируют иногда довольно значительные качественные,

иллокутивные различия, подробный анализ которых — дело будущего.

Еще большие качественные, иллокутивные различия демонстрируют контексты с РиГ *извинился*: от собственно этикетной формулы с «извините» до речевых формулировок, в которых иллокуция собственно извинения вычитывается опосредованно, косвенно, почти исключительно контекстуально:

— *Прости, — извинился Фил. — Я от избытка чувств.* М. Милованов;

— *Да ведь профессия обязывает, милая моя, ты вспомни исторические примеры! Алечка, ну не обижайся, — извинился он.* Об этом говорить даже смешно, честное слово. А. Берсенева;

— *Не получилось у меня вчера, музыкки, — извинился Забелин.* С. Данилюк;

— *Вам придется подождать пару минут, пока я поставлю машину, — извинился он и направился к находившимся рядом кирпичным гаражам.* Е. Романова, Н. Романов.

Очень разнообразны контексты (а значит, и значения) Р_иГ *пояснил, похвалил, посоветовал, намекнул, пошутил, посочувствовал* и т. п.

4. Прикладная лексикология: речежанровая семантика и речежанровые пометы в словаре

Важной частью речежанровой семантики являются речежанровые пометы.

Информация о словах, входящая в базовую коммуникативно-языковую компетенцию носителя языка, содержит знания о РЖ, с которыми данные слова связаны, — знания эти, судя по всему, и составляют речежанровую семантику. Среди слов, входящих в лексический раздел языковой компетенции носителя языка («лексикон» по выражению Ю. Н. Каравулова), много жанрово нейтральных, или «всежанровых», но много и таких, которые закреплены более или менее жестко за определенными жанрами или группами жанров — от привязки к конкретному жанру до лишь приблизительных ориентиров, предпочтений по принципу «скорее используется в рамках жанра X, чем Y», при этом и роль данной единицы / слова в данном РЖ может быть разной: от ключевой, порождающей до менее значимой, инерционной.

Речежанровые ассоциации, «пометы» в сознании человека напоминают пометы в словаре (собственно, правильнее говорить наоборот, но «пометы в сознании» гораздо хуже изучены, чем разнообразные словарные пометы, используемые в лексикографии).

Вполне вероятно, что встретившиеся в гладко протекающем речевом общении языковые / речевые единицы, по которым человек идентифицирует жанр (ибо должны же

они быть, такое важное задание не может быть отдано «на откуп» чистой интуиции), не встречались ему раньше в составе данного жанра, но имеют в своей содержательной структуре речежанровые пометы, по которым и идентифицируется жанр. Слова, конструкции и речевые фигуры, имеющие в сознании адресанта и адресата речевого высказывания те же речежанровые пометы, что слова, конструкции и речевые фигуры, известные им обоим заранее, – должны встретиться в речевом общении, если оно претендует на успешное протекание. Именно речежанровые пометы служат главным механизмом «жанровой памяти» (по М. М. Бахтину), который формирует в сознании носителя языка актуальные коммуникативные связи слов, встретившихся в сходных ситуациях речевого общения, произнесенных и услышанных высказываниях: «Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, <...> мы берем их обычно из других высказываний, и прежде всего из высказываний, родственных нашему по жанру» [19: 191].

Как установлено в современных когнитивно-ориентированных исследованиях по стилистике, наличие у слова стилистической пометы, принадлежность его к тому или иному стилю, или стилистическая окраска (впрочем, следует признать, что в разных стилистических концепциях эти термины могут пониматься по-разному), означает наличие особой психологической реальности, картины мира, творимой стилем. В современных концепциях «стиля» такие пометы задают набор сфер и ситуаций общения, которые данным словом называются или в которых данное слово непосредственно используется (или хотя бы не неуместно) [20–22].

Логичным продолжением такого направления стилистических исследований будет выделение набора конкретных жанров, входящих в тот или иной стиль, или, иными словами, речежанровых помет (например, в составе стилистической пометы «офиц.-дел.» у слова в словаре задается набор именований конкретных жанров официально-делового стиля). Наличие той или иной стилистической пометы и означает предпочтительность / невозможность соответствующих жанров. Понятно, что жанровые и стилистические пометы не совпадают полностью: во-первых, стиль «задаёт» набор жанров не всегда и далеко не всегда достаточно точно; во-вторых, жанровых помет гораздо больше, и они разнообразнее.

Подобным образом должны пониматься *дискурсивные пометы* (в некоторых словарях являющиеся разновидностью помет стилистических): а) отнесение слова к тому или иному дискурсу, например, религиозному, по-

литическому, медицинскому, юридическому, документному и т. п.; б) выделение в составе данного дискурса конкретных жанров, для которых данное слово актуально (например, в составе религиозного дискурса выделяются молитва, притча, проповедь). В некоторых современных словарях, особенно специальных и узкоспециальных, представляющих какой-либо конкретный тип дискурса, прежде всего институциональный, это уже делается (например, в «Словаре терминов российского законодательства» под ред. М. В. Батюшкиной [23]), однако не всегда последовательно.

Особый тип речежанровых помет представлен в ассоциативных словарях, особенно обратных: какие стимулы вызвали реакции, в которых непосредственно именуется жанр?

Обнаружив в реакциях на то или иное слово-стимул название того или иного РЖ, можно предположить, что у данного слова-стимула есть соответствующая речежанровая помета: «входит в жанр X». Вывод такой, однако, может быть поспешным: так доказывается лишь существование в сознании носителей языка связи между словом и названием жанра. Таким образом, информация эта косвенная (как и многие семантические / когнитивные заключения, делаемые на основе ассоциативного материала в целом). Тем не менее, такая связь существует и может указывать на наличие речежанровых помет [24, 25].

Много важной информации обнаруживается при анализе ассоциативного содержания слов, обладающих богатой речежанровой семантикой, например: *анекдот, беседа, блог, болтовня, брань, «брюзжание», влог, ворчание, высмеивание, «дерзость», доказательство, жалоба, извинение, ирония, капризничание, колкость, комплимент, молва, мольба, намёк, оправдание, оскорбление, осуждение, порицание, похвала, похвальба, предсказание, предупреждение, «придирки», приказ, просьба, прощение, разговор, разрешение, рекомендация, слухи, совет, соболезнование, сочувствие, трапезог, трёп, убеждение, уверение, уговоры, угроза, укор, ультиматум, упрашивание, упрек, утешение, ухаживание, фанфик, флирт, чат, шутка, ябедничество*.

Объективное ограничение использования ассоциативного материала для выявления жанровых помет слов связано с тем, что ассоциативный материал не позволяет разграничить (или позволяет лишь косвенно) собственно речежанровые пометы, т. е. слова, используемые в составе / при протекании тех или иных жанров, и слова, составляющие речежанровую рефлексию, т. е. используемые при описании жанров. К рефлексивному материалу, по-видимому, относятся и полутерминологические характеристизаторы – устойчивые сочетания в номинациях (разговор по душам, разговор на общие темы, мужской разговор, пустой разговор).

Заключение

Проблема речежанровой семантики является одной из главных проблем одновременно

языка и речи (а тем самым – одновременно когнитивных проблем языкового сознания и коммуникативно-прагматических проблем процессов коммуникации и ее результатов, т. е. текста), конкретнее – языковой и речевой системности: отражение в семантике языковых единиц коммуникативно-речевых факторов, среди которых один из главных или главный – речежанровый.

Применительно к лексической семантике моделью, организующей речежанровую семантику, служат цепочки речежанровой системности, звенья которых составляют структуру коммуникативных концептов.

При этом в лексической семантике слов – как имен различных звеньев цепочек речежанровой системности, так и «просто» содержащих речежанровые пометы – могут отражаться самые различные аспекты системности коммуникативной, прежде всего – значимые параметры, компоненты речевых жанров. Для учета максимально большого числа таких значимых параметров используется методика интегрального описания речевых жанров.

Речежанровые пометы обсуждаются в связи с существующими и возможными типами толковых, тематических, семантических словарей (разделы «язык», «речь», «речевая деятельность», «общение», «социальные отношения»).

Информация о словах, входящая в базовую коммуникативно-языковую компетенцию носителя языка, содержит речежанровую семантику, т. е. знания о РЖ, с которыми данные слова связаны. Слова, конструкции и речевые фигуры, имеющие в сознании говорящего те же речежанровые пометы, что

слова, конструкции и речевые фигуры, известные заранее, – должны встретиться в речевом общении, если оно претендует на успешное протекание.

Таким образом, жанры рассматриваются нами не столько сами по себе, сколько как источник лингвистического содержания языковых единиц, отсюда в исследованиях по речежанровой семантике относительно меньше привлекаются собственно речежанровые методики, принципиальные для теории речевых жанров в целом и составляющие значительную часть интегрального описания речевых жанров (например, такие как «анкета речевого жанра» Т. В. Шмелевой, а также анализ текстовых структур – «горизонтальных» и «вертикальных», темо-ретмических, иллокутивных, трансакциональных, динамических и т. д. моделей текстопорождения), этим обусловлен и отбор объектов – не только и не столько собственно речежанровых, сколько языковых феноменов (лексемы, идиомы, отдельные семы и др. единицы семантической структуры соответствующих языковых единиц, обусловленные жанрово-коммуникативно, элементы / моменты грамматикализации).

Основные исследования по речежанровой семантике находятся в будущем. Однако уже сейчас можно утверждать с уверенностью, что результаты систематического исследования по речежанровой семантике являются значимыми как непосредственно для речежанровой семантики, так и – шире – для коммуникативно-прагматического, лингвокультурологического, аксиологического, социолингвистического направлений современной лингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1980. С. 156–249.
2. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология : На материале французского и русского языков. М. : Международные отношения, 1977. 264 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика (сионимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки русской культуры ; Восточная литература, 1995. 472 с.
4. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2024. 304 с.
5. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры : монография. М. : Издательский дом ЯСК, 2022. 832 с. (Studia Philologica).
6. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
7. Алефиренко Н. Ф. Концепт и значение в жанровой организации речи: когнитивно-семасиологические
- корреляции // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 50–63.
8. Слышик Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептуального анализа // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–49.
9. Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. 438 с.
10. Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. 440 с.
11. Шевченко И. С. Концепт коммуникативного поведения и жанр // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 23–29.
12. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/23110740-2020-3-27-172-194>
13. Седов К. Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М. : Издательский дом ЯСК, 2016. 440 с. (Studia Philologica).
14. Цуй Хуэйин. Специфика языковой презентации эмоционального концепта «стыд» в интернет-коммуникации (на материале речевого жанра интернет-

- откровения) : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2025. 204 с.
15. Дементьев В. В. О месте понятия «жанр» в языковой компетенции: на материале выражения «в жанре...» в НКРЯ // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 193–202. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202>
16. Шерстяных И. В. Стереотипный образ лексемы «жанр» в речи носителей русского языка (на материале Национального корпуса русского языка) // Казанская наука. 2018. № 10. С. 154–157.
17. Шерстяных И. В. Речевые жанры в сознании носителей русского языка (на материале «Русского ассоциативного словаря») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 3. С. 234–239.
18. Киселева С. В., Смирнова А. А., Трофимова Н. А. «Чат-бот коммуникация» как объект лингвистического исследования в системе цифровых коммуникаций // Дискурс. 2022. Т. 8, № 3. С. 128–146. <https://doi.org/1032603/2412-8562-2022-8-3-128-146>
19. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
20. Боронин А. А. Понятие стиль в психолингвистическом освещении // Вопросы психолингвистики. 2010. № 11. С. 59–64.
21. Джусупов Н. М. Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 65–76.
22. Culpeper J. A Cognitive Stylistic Approach to Characterisation // Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis / eds. E. Semino, J. Culpeper. Amsterdam : John Benjamins, 2002. P. 251–278.
23. Батюшкина М. В. Словарь терминов российского законодательства. М. : ФЛИНТА, 2021. 568 с.
24. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : Издательство ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5–17.
25. Старостина Е. В., Кожара О. В. Вербальные ассоциации как дополнительный источник материала при комплексном исследовании речевых жанров // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 172–178. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178>
- REFERENCES
1. Arutyunova N. D. On the problem of functional types of lexical meaning. In: *Aspekty semanticheskikh issledovanii. Otv. red. N. D. Arutyunova, A. A. Ufimtseva* [Arutyunova N. D., Ufimtseva A. A., eds. Aspects of semantic studies]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 156–249 (in Russian).
2. Gak V. G. *Sopostavitel'naya leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Comparative Lexicology: Based on the French and Russian Languages]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 264 p. (in Russian).
3. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. T. I. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskiye sredstva yazyka)*. 2-ye izd., ispr. i dop. [Selected works. Vol. I. Lexical semantics (synonymous means of language). 2nd ed., cor. and suppl.]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, Vostochnaya literatura, 1995. 472 p. (in Russian).
4. Dementyev V. V. *Integral'noye opisanie rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
5. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres]. (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
6. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. (Communication strategies of culture). Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).
7. Alefirenko N. F. Concept and meaning in the genre organization of speech: Cognitive-semasiological correlations. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 4. Zhanr i kontsept* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 4. Genre and Concept]. Saratov, ITs “Nauka”, 2005, pp. 50–63 (in Russian).
8. Slyshkin G. G. Speech genre: Prospects of conceptology analysis. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 4. Zhanr i kontsept* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 4. Genre and Concept]. Saratov, ITs “Nauka”, 2005, pp. 34–49 (in Russian).
9. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 4. Zhanr i kontsept* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 4. Genre and Concept]. Saratov, ITs “Nauka”, 2005. 438 p. (in Russian).
10. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: Coll. of sci. arts. Iss. 5. Genre and Culture]. Saratov, ITs “Nauka”, 2007. 440 p. (in Russian).
11. Shevchenko I. S. Concept of communicative behavior and genre. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 23–29 (in Russian).
12. Dementyev V. V. What Have Genre Studies Given to Modern Linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian).
13. Sedov K. F. *Obshchaya i antropotsentricheskaya lingvistika* [General and anthropocentric linguistics]. (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2016. 440 p. (in Russian).
14. Cui Huiying. *Specificity of Linguistic Representation of the Emotional Concept “shame” in Internet Communication (Based on the Speech Genre of Internet Revelation)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tomsk, 2025. 204 p. (in Russian).
15. Dementyev V. V. About the place of the concept of “Genre” in language competence: on the material of expression “in Genre...” in the Russian National Corpus. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 193–202 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-193-202>
16. Sherstyanykh I. V. Stereotypical image of the lexeme “genre” in the speech of native speakers of the Russian language (based on the material of the National Corpus of the Russian Language). *Kazan Science*, 2018, no. 10, pp. 154–157 (in Russian).
17. Sherstyanykh I. V. Speech genres in the minds of native Russian speakers (based on the Russian Associative Dictionary). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 234–239 (in Russian).
18. Kiseleva S. V., Smirnova A. A., Trofimova N. A. “Chat-bot communication” as an object of linguistic research in the digital communications system. *Discourse*, 2022, vol. 8, no. 3, pp. 128–146 (in Russian). <https://doi.org/1032603/2412-8562-2022-8-3-128-146>
19. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij. T. 5. Raboty 1940–1960 godov* [Collected works: in 5 vols. Vol. 5. Works

- of 1940–1960]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 1996, pp. 159–206 (in Russian).
20. Boronin A. A. The concept of style in psycholinguistic interpretation. *Issues of Psycholinguistics*, 2010, no. 11, pp. 59–64 (in Russian).
21. Dzhushupov N. M. Cognitive Stylistics: Current Status and Current Research Issues. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2011, no. 3, pp. 65–76 (in Russian).
22. Culpeper J. A Cognitive Stylistic Approach to Characterisation. In: Semino E., Culpeper J., eds. *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam, John Benjamins, 2002, pp. 251–278.
23. Batyushkina M. V. *Slovar' terminov rossiyskogo zakonodatel'stva* [Dictionary of terms of Russian legislation]. Moscow, FLINTA, 2021. 568 p. (in Russian).
24. Gol'din V. Ye., Dubrovskaya O. N. Genre organization of speech in the aspect of social interactions. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, iss. 3, pp. 5–17 (in Russian).
25. Starostina Ye. V., Kozhara O. V. Verbal associations as an additional source of material in a comprehensive study of speech genres. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 172–178 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178>

Поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025;
принята к публикации 28.03.2025; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 04.03.2025; approved after reviewing 28.03.2025;
accepted for publication 28.03.2025; published 28.11.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 380–387

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 380–387

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-380-387>, EDN: HDCFRK

Научная статья
УДК 81'1'38'42:008

Лингвокультурные характеристики речевых жанров

В. И. Карасик

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Россия, 117485, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 6

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего
и русского языкоznания, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Аннотация. Рассматривается лингвокультурный подход к изучению речевых жанров. Речевой жанр как комплексное коммуникативное явление может быть охарактеризован с учетом его концептуального, сценарного, типажного, сюжетного и культурно-специфического содержания. В культурно-специфическом плане предлагается выделить речевые жанры двух типов: 1) лакунарные, характерные только для какого-то лингвокультурного сообщества и отсутствующие в коммуникативной практике других языковых коллективов, как этнокультурных, так и социокультурных, 2) альтернативные, сходные по интенциональному содержанию, но различающиеся по тематике и структуре. Специфические жанры, свойственные какой-то одной лингвокультуре, обычно бывают исторически связаны с определенной эпохой. Важнейшим индикатором этнокультурной специфики речевого жанра является его несоответствие культурным доминантам поведения того сообщества, с которым себя идентифицирует субъект общения. С позиций лингвокультурного моделирования реальности принято различать этноспецифическое и социоспецифическое содержание жанра, при этом они взаимосвязаны и дифференцируются только для схематичного объяснения поведения людей. В качестве специфического проявления речевого жанра может быть и намеренное либо помимовольное его избегание в определенной лингвокультуре. Лингвокультурная специфика речевого жанра обусловлена социально-историческими условиями его существования и проявляется как в личностной, так и в институциональной коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр, лингвокультурный подход, культурная доминанта, жанровая лакуна, жанровая специфика, личностный дискурс, институциональный дискурс

Для цитирования: Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики речевых жанров // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 380–387. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-380-387>, EDN: HDCFRK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguistic and cultural characteristics of speech genres

V. I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute, 6 Acad. Volgin St., Moscow 117485, Russia

Vladimir I. Karasik, vkarasik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

Abstract. Abstract. The paper deals with linguistic and cultural approach to the study of speech genres. Speech genre as a complex communicative phenomenon can be characterized taking into account its conceptual, script, type, plot and culture-specific content. In terms of cultural specificity, it is possible to distinguish speech genres of two types: 1) lacunar, characteristic only for some linguistic and cultural community and absent in the communicative practice of other linguistic collectives, both ethno-cultural and socio-cultural, 2) alternative, similar in intentional content, but differing in theme and structure. Specific genres peculiar to one linguistic culture are usually historically connected with a certain epoch. The most important indicator of the ethno-cultural specificity of a speech genre is its inconsistency with the cultural dominants of the behaviour of the community with which the subject of communication identifies himself. From the standpoint of linguistic and cultural modelling of reality, it is customary to distinguish between ethnosecific and sociospecific content of

a genre; at the same time, they are interrelated and differentiated only for schematic explanation of people's behaviour. The specific manifestation of a speech genre can also be taken into account as a deliberate or voluntary avoidance of it in a certain language and culture. Linguistic and cultural specificity of a speech genre is conditioned by socio-historical conditions of its existence and manifests itself both in personal and institutional communication.

Keywords: speech genre, linguocultural approach, cultural dominant, genre lacuna, genre specificity, personal discourse, institutional discourse

For citation: Karasik V. I. Linguistic and cultural characteristics of speech genres. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 380–387 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-380-387>, EDN: HDCFRK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Лингвокультурология как направление антропологической лингвистики привлекает к себе внимание многих современных исследователей. Активно развивается изучение этнокультурной специфики языковой картины мира [1–8]. Во многих работах описаны особенности лингвокультурных концептов как квантов переживаемого знания [9–15]. Вместе с тем в число объектов лингвокультурологического анализа входят не только концепты, но и лингвокультурные сценарии, или скрипты [16, 17], с иных позиций рассматриваемые как речеповеденческие тактики [18], т. е. культурно специфические модели поведения в разных коммуникативных ситуациях. Особым объектом лингвокультурологии являются лингвокультурные типажи – узнаваемые типизируемые личности, поведение которых отражает этноспецифические и социоспецифические нормы определенной культуры [19–23]. Определенная лингвокультурная специфика присуща также некоторым сюжетам и сюжетным мотивам в художественных произведениях, имеются в виду культурно значимые особенности миропонимания, отраженные в различных нарративах и их компонентах [24–27]. Представляется, что продуктивным может быть и рассмотрение речевых жанров с позиций лингвокультурологии. Такой подход уже был обоснован в лингвистике: «Речевые жанры, выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [28: 111]. Вместе с тем представляется важным уточнить характеристики лингвокультурного освещения речевых жанров с учетом расширения объектов лингвокультурологии.

Лингвокультурный подход к изучению речевых жанров

Теория речевых жанров, разработанная М. М. Бахтиным, активно развивается в отечественной филологии, объединяя интересы

лингвистов и литературоведов [28–34]. Речевой жанр, понимаемый как текстотип, функционирующий в определенной коммуникативной ситуации, включает ценностно маркированное отношение к реальности и тем самым соотносится с ценностной картиной мира, которая имеет как общечеловеческие, так и этно- и социоспецифические характеристики.

Подобно другим коммуникативным феноменам речевые жанры можно разбить на маркированные и нейтральные. Например, вызов на дуэль как жанр коммуникативного поведения имеет выраженную лингвокультурную специфику, в то время как обиходное извинение такой спецификой не обладает. Имеется в виду, что лингвокультурно маркированный речевой жанр может быть непонятен представителям иного коммуникативного сообщества и поэтому требует объяснения. Речевые жанры существуют в рамках определенного типа дискурса – личностного либо институционального. В обоих случаях может проявиться та или иная лингвокультурная специфика.

Знание речевого жанра является определяющим моментом успешного коммуникативного поведения, оно входит в пресуппозиции носителя культуры. Например, диалог сотрудника автоинспекции с водителем представляет собой импликативное предложение противоправного действия:

Даже не знаю, что с вами делать... – Командир, может быть, договоримся?

Мы понимаем, что речь идет о взятке.

В голливудских фильмах-боевиках можно часто услышать фразу, которую произносит герой, обращаясь к своему командиру в ситуации смертельной опасности:

Для меня было честью служить с Вами, сэр.

Для носителей русской лингвокультуры такое высказывание звучит слишком пафосно, а пафосность ассоциируется с неискренностью. Приведенная фраза представляет

собой выражение определенного речевого жанра, который можно назвать «эмфатическое свидетельство уважения». При этом мы понимаем, что в ситуации реального боя его участники вряд ли будут столь высокопарно выражаться. Аналогичный пример эмфатического отказа вошел в историю как гордый ответ наполеоновского генерала Пьера Камбронна на предложение сдаться в битве при Ватерлоо: «Гвардия умирает, но не сдается!». На самом деле генерал, как принято считать, произнес ругательство, смысл которого состоял в отказе сдаваться.

Мы говорим о жанровой лингвокультурной специфике коммуникативного феномена в том случае, когда речевой поступок представляется чужим и не соответствует жанрам нашей лингвокультуры, либо рассматривая коммуникативный феномен с учетом культурных доминант поведения представителей определенного этнокультурного или социокультурного сообщества. Такой подход к квалификации речевого поведения как культурно маркированного соответствует принципам лингвокультурного анализа: мы сравниваем реальные языки между собой либо сопоставляем реальный язык с условным конструктом.

Заслуживает внимания сравнение названных объектов лингвокультурологического анализа. Любой факт речевого поведения может быть осмыслен как концепт. В таком случае он допускает объяснение, т. е. мы выделяем его понятийные признаки. Например, речевой жанр «стихотворение в альбом» можно объяснить как короткий стихотворный текст с выражением уважения, симпатии и шутливых признаков, который записывался приглашенным гостем в специально подготовленный для этого альбом в дворянском сообществе дореволюционной России [35]. Образно-перцептивные признаки такого концептуализированного речевого явления состоят в конкретном выражении подобных текстов. Например, стихотворение А. С. Пушкина «В альбом Сосницкой»:

Вы съединить могли с холодностью сердечной / Чудесный жар пленительных очей. / Кто любит вас, тот очень глуп, конечно; / Но кто не любит вас, тот во сто раз глупей.

Ценностные характеристики рассматриваемого концепта представляют собой определенные установки поведения: образованный человек того времени должен был моментально сочинить подобный экспромт, содержание которого сводилось к различным комплиментам. Понятно, что подавляющее

большинство таких альбомных стихотворений было создано людьми, не имеющими никаких талантов. Их тексты и не претендовали на статус произведений художественной литературы, как и стихотворения в стенгазетах или в личных поздравлениях. Однако следует отметить, что не всем гостям светские дамы предлагали сделать запись в альбоме, и между поэтами было определенное соревнование в искусстве написания подобных текстов¹.

Если речь идет о сценарном осмыслинии определенного коммуникативного поступка, то мы устанавливаем его речеактовую структуру и далее описываем последовательность коммуникативных ходов: хозяйка дома подает с улыбкой гостю большой альбом, перо и чернильницу, тот на мгновение задумывается и пишет должный текст, хозяйка читает его про себя или вслух для всех стоящих рядом, все галантно улыбаются и говорят комплименты автору текста. Иногда подобные тексты были выполнены в иной тональности, могли содержать философские рассуждения о жизни или даже насмешки. Альбомное стихотворение могло превратиться в эпиграмму. Например:

Амур спросил меня однажды, / Хочу ль испить его вина – / Я не имел в то время жажды, / Но выпил кубок весь до дна. / Теперь желал бы я напрасно / Смочить горящие уста, / Затем, что чаша влаги страстной, / Как голова твоя – пуста (М. Ю. Лермонтов).

Типажное осмысливание речевого жанра предполагает выделение двух типов субъектов – внешних агентов коммуникативного действия и внутренних агентов – персонажей, о которых идет речь. Если перед нами жанр «стихотворение в альбом», то внешними агентами этого жанра являются автор стихотворения и адресат, в альбом которого заносится этот текст. Соответственно, можно охарактеризовать участников подобных коммуникативных событий, если их образы легко поддаются типизации. Внутренними агентами подобных текстов могут быть герои, поведение которых сводится к типичным переживаниям и поступкам персонажей кукольного театра.

Сюжетная интерпретация речевого жанра состоит в выявлении логики развития событий в том или ином нарративе. Так, говоря о Владимире Ленском, А. С. Пушкин замечает:

Не мадrigалы Ленский пишет / В альбоме Ольги молодой; / Его перо любовью дышит, / Не хладно блещет остротой.

¹ Я благодарен Эльмире Маратовне Афанасьевой за это уточнение.

Развитие сюжета предполагает интригу и конфликт, и поэтому сюжетная линия повествования о любви Владимира Ленского к Ольге Лариной закономерно сталкивается с весьма правдоподобным мотивом мести Евгения Онегина Ленскому за скуку во время визита к Лариным. Кстати, про стихи в альбом Лариным со стороны Онегина в романе ничего не сказано, хотя он вполне сносно владел этим жанром, как и другие его современники. Применительно к лингвокультурной интерпретации сюжетов заметим, что замечательный комментарий Ю. М. Лотмана к «Евгению Онегину» является образцом этого подхода к лингвокультурным объектам.

Жанровый подход к описанию лингвокультурного объекта в определенной мере суммирует все другие подходы, названные ранее. Такой подход предполагает описание и объяснение коммуникативного поведения людей в типизируемой ситуации. С позиций лингвокультурного моделирования реальности принято различать этноспецифическое и социоспецифическое содержание жанра, при этом они взаимосвязаны и дифференцируются только для схематичного объяснения поведения людей.

Типы лингвокультурной специфики речевых жанров

Говоря о лингвокультурной специфике речевых жанров, мы можем выделить два их основных типа – лакунарный и альтернативный. Первый тип – это речевые жанры, которые встречаются в какой-либо культуре и отсутствуют в других. Для англоязычного мира это, например, комсомольское собрание в Советском Союзе. Лакунарным речевым жанром является экзамен, который сдавали в древнем Китае для того, чтобы занять место правительенного чиновника. Лакунарным можно признать и отсутствующий жанр, который не востребован в коммуникативной практике. Например, есть самокритика в виде самокритичного выступления на собрании, но нет самооскорбления. Отметим, что специфические жанры, свойственные какой-то одной лингвокультуре, обычно бывают исторически связаны с определенной эпохой. Есть некоторое сходство таких жанров с лакунарными концептами. Подобные лакунарные жанры речи часто конструируются в развлекательном дискурсе, художественной литературе и кинематографии.

Второй тип культурно специфических речевых жанров может быть выделен, если при интенциональном сходстве в разных культурах речевые события различаются тематически и структурно. Обычно именно такие различия признаются релевантными

в лингвокультурном плане. Например, нищий в подземном переходе в Лондоне скажет: «*Five pence won't ruin you*». (Пять пенсов тебя не разорят). Такая просьба о милостыне выглядит странно с точки зрения носителей русской лингвокультуры. Отмечено, что в речи афроамериканцев признание «*I can't understand it*» (Не могу понять этого) часто просто означает стремление услышать поддержку. Если этого не знать, то подобная реплика школьника вызывает раздражение со стороны учителя. Впрочем, и в русском коммуникативном узусе выражение «*Не понял!*», произнесенное с определенной интонацией, выражает удивление и недоумение. Аналогичным образом эмоциональная реплика жителей наших южных городов «*Чтоб ты пропал!*» вовсе не означает злопожелания. Структурное своеобразие культурно специфических речевых жанров характеризует их построение и развертывание. Например, традиционные кавказские тосты существенно отличаются от аналогичных тостов в России. Отметим, что грань между лакунарными и альтернативными речевыми жанрами весьма подвижна.

Лингвокультурная специфика речевых жанров наблюдается как в личностном, так и в институциональном типах дискурса.

В греческом коммуникативном поведении выделяется речевой жанр «просьба о помощи», когда в ней нет нужды». Концептуализация такого жанра является оценочной и семиотически фиксируется в повествованиях на эту тему. Отметим, что подобное поведение прослеживается у разных народов, показателен английский фразеологизм *to cry wolf* – поднимать ложную тревогу, сеять панику без причины. Это выражение стало фактом языка из басни Эзопа: мальчик-пастух от скуки много раз кричал «*Волк!*», люди перестали ему верить, и когда волк действительно пришел, никто не прибежал. Сюжет из басни стал явлением греческой лингвокультуры и затем в переводах был заимствован другими народами.

Заслуживает внимания намеренное избегание определенных жанров как факт коммуникативного поведения представителей разных социальных групп. Показателен этикетный речевой жанр «благодарность». В Индии говорят: *No thanks between friends*. – Никаких «спасибо» между друзьями. Подразумевается, что такая благодарность может быть оскорбительной, поскольку адресат начинает думать, что говорящий не ждал от него помощи. В мемуарах И. Губермана приводится интересное замечание. Поэту пришлось провести некоторое время в местах заключения. Он установил добрые отношения со сво-

им окружением, но однажды ему сказали: «Еще раз скажешь “пожалуйста”, получишь заточку под ребро». На зоне обычная этикетная вежливость имплицирует неискренность и стремление унизить собеседника.

Некоторые речевые жанры претерпевают культурно значимое эвфемистическое преобразование. Например, в Камеруне нельзя говорить о короле как об обычном человеке, можно изъясняться только намеками. Нельзя сказать: «Король заболел», следует говорить: «Во дворце болезнь». Такое преобразование может носить и обратный характер: взрослые люди обычно не извещают кого-либо о своем намерении посетить туалет, однако в немецких концентрационных лагерях во время Второй мировой войны заключенные должны были докладывать об этом своим надзирателям. Это было эмблематическим актом поведения – заключенные не рассматривались как полноценные взрослые люди.

Заслуживает внимания институциональный речевой жанр «Прием посетителей представителями власти». В этом коммуникативном событии можно выделить тему общения («Просьба об оказании помощи или содействия»), типовых участников (представитель власти и гражданин, обращающийся за помощью), стилистика устного диалога (уважительное дистанцированное общение), хронотоп (кабинет ответственного работника и ограниченное время приёма), ценности и нормы поведения (подчеркнутое выражение уважения к посетителю, демонстрация уверенности в том, что представитель власти сможет решить проблему).

Приведу фрагмент текста из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок». В кабинет председателя горисполкома маленького областного городка Арбатов заходит авантюрист Остап Бендер, выдающий себя за сына лейтенанта Петра Петровича Шмидта, одного из руководителей Севастопольского восстания 1905 г. После разгрома этого восстания революционер был расстрелян. Имя лейтенанта Шмидта было хорошо известно в Советской России. Представитель власти ведет беседу с посетителем:

- Простите, а как ваше имя?
- Николай... Николай Шмидт.
- А по батюшке?

«Ах, как нехорошо!» – подумал посетитель, который и сам не знал имени своего отца.

– Да-а, – протянул он, уклоняясь от прямого ответа, – теперь многие не знают имен героев. Угар нэпа. Нет того энтузиазма, Я, собственно, попал к вам в город

совершенно случайно. Дорожная неприятность. Остался без копейки.

Председатель очень обрадовался перемене разговора. Ему показалось позорным, что он забыл имя очаковского героя.

«Действительно, – думал он, с любовью глядя на воодушевленное лицо героя, – глухнешь тут за работой. Великие вехи забываешь».

– Как вы говорите? Без копейки? Это интересно.

– Конечно, я мог бы обратиться к частному лицу, – сказал посетитель, – мне всякий даст, но, вы понимаете, это не совсем удобно с политической точки зрения. Сын революционера – и вдруг просит денег у частника, у нэпмана...

Последние слова сын лейтенанта проиннес с надрывом. Председатель тревожно прислушался к новым интонациям в голосе посетителя. «А вдруг припадочный? – подумал он, – хлопот с ним не оберешься».

– И очень хорошо сделали, что не обратились к частнику, – сказал вконец запутавшийся председатель.

Затем сын черноморского героя мягко, без нажима перешел к делу. Он просил пятьдесят рублей. Председатель, стесненный узкими рамками местного бюджета, смог дать только восемь рублей и три талона на обед в кооперативной столовой «Бывший дружок».

В этом тексте отражены базовые характеристики рассматриваемого жанра. Представитель власти внимательно выслушивает посетителя и принимает решение оказать ему посильную помощь. Посетитель излагает просьбу и принимает эту помощь. Лингвокультурное содержание этого диалога состоит в аллюзиях к социально-политической реальности послереволюционной России: память о героях революции и нежелательность контакта с новой буржуазией (это был период новой экономической политики). Кроме того, мы видим, что представитель власти вынужден достаточно часто контактировать с ненормальными посетителями («А вдруг припадочный?»). Посильная помощь оказывается очень сокращенной: посетитель просит 50 рублей и получает 8. Это отразилось в типичных запросах от населения или подчиненных инстанций к власти: нужно просить в несколько раз больше, чем нужно, и тогда есть вероятность, что получишь то, что требуется. Авантюрист ведет себя бесцеремонно и нахально и немного переигрывает: «Сын революционера – и вдруг просит деньги у частника, у нэпмана...».

Следующий пример, взятый из моей карточки записей устной речи, иллюстрирует

этот же речевой жанр. Один из выпускников факультета иностранных языков стал сотрудником Волгоградской областной администрации и работал в отделе связи с религиозными организациями. К нему на прием пришел посетитель и попросил оказать ему помощь:

– *Заходите, садитесь. Слушаю Вас внимательно.*

– *Спасибо. Хочу попросить Вас о помощи. Я собираюсь основать новую религию. Нам нужен храм. Прошу оказать помощь в строительстве этого храма.*

– *Так, понятно. Давайте подойдём к окну. Видите эту площадь? Много людей, правда? Завтра они все придут в этот кабинет с такой же просьбой. К сожалению, не могу Вам помочь. Рекомендую Вам обратиться к представителям бизнеса, возможно, там Вам пойдут навстречу.*

Этот диалог записан со слов А. Т., моего бывшего студента, которому довелось принять такого посетителя. Ответственный работник вежливо выслушал посетителя, оценил содержание его просьбы и дал отрицательный ответ на нее, дополнив свою реакцию рекомендацией. Он понял, что посетитель является авантюристом. Отметим, что в годы начала перестройки в нашем лингвокультурном пространстве появился сленговый глагол «аскать» (от англ. ask – спрашивать, просить), который использовался в отношении людей, просящих на улице деньги у прохожих. В Интернете отмечено, что это «было не профессиональное попрошайничество. Чаще выглядело как дружеская просьба о помощи: друг, на билет не хватает! У нынешней молодежи такое поведение считается стыдным, а слово давно вышло из обихода» (<https://femmie.ru/5-modnyh-slovechek-iz-sssr>). Как можно видеть, аскеры проявляли изобретательность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. 331 с.
2. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 3-е. М. : URSS, 2016. 456 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянской культуры, 2009. 512 с.
6. Романова Т. В. Идеологемы и аксиологемы русского языкового сознания как отражение констант и динамики национальной ментальности : монография. Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2019. 120 с.
7. Токарев Г. В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры : монография. Тула : С-Принт, 2013. 92 с.
8. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира : материалы к словарю. М. : Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
9. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta : монография. Волгоград : Парадигма, 2014. 331 с.
10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
11. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах : монография. Волгоград : Перемена, 2001. 495 с.
12. Пименова М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ : монография. Кемерово : КемГУ, 2007. 500 с.

Заключение

Теория речевых жанров может быть расширена, если речевой жанр будет рассматриваться с позиций лингвокультурологии. В лингвокультурном плане можно выделить речевые жанры двух типов: 1) лакунарные, характерные только для какого-то лингвокультурного сообщества и отсутствующие в коммуникативной практике других языковых коллективов, как этнокультурных, так и социокультурных, 2) альтернативные, сходные по интенциональному содержанию, но отличающиеся по тематике и структуре. Речевой жанр допускает лингвокультурное объяснение с учетом его концептуального, сценарного, типажного и сюжетного содержания. Лингвокультурная специфика речевого жанра обусловлена социально-историческими условиями его существования и проявляется как в личностной, так и в институциональной коммуникации. Важнейшим индикатором этнокультурной специфики речевого жанра является его несоответствие культурным доминантам поведения того сообщества, с которым себя идентифицирует субъект общения. С позиций лингвокультурного моделирования реальности принято различать этноспецифическое и социоспецифическое содержание жанра, при этом они взаимосвязаны и дифференцируются только для схематичного объяснения поведения людей. В качестве специфического проявления речевого жанра может быть и намеренное либо помимовольное его избегание в определенной лингвокультуре. Лингвокультурная специфика речевого жанра обусловлена социально-историческими условиями его существования и проявляется как в личностной, так и в институциональной коммуникации.

13. Слыскин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты : монография. Волгоград : Перемена, 2004. 340 с.
14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
15. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкоznания. Избранные работы. Воронеж : Истоки, 2008. 595 с.
16. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур, 2011. 568 с.
17. Савицкий В.М. Культурные сценарии как когнитивная основа фольклорной и языковой образности // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 173–177. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4686820>
18. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. акад. Ю. С. Степанова. М. : Индрик, 2005. 1040 с.
19. Валяйбоб А. В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 20 с.
20. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 24 с.
21. Деревянская В. В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 22 с.
22. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М. : Гнозис, 2006. 240 с.
23. Рощина А. А. Эмблематические характеристики лингвокультурного типажа «китайский врачеватель» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 23 с.
24. Ашихманова Н. А. Сюжетный мотив « побег» как генеративный концепт в художественном тексте // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 3. С. 106–110.
25. Неклюдов С. Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1984. С. 221–229.
26. Силантьев И. В. Сюжетологические исследования. М. : Языки славянской культуры, 2009. 224 с.
27. Ханаева З. К. Мотив путешествия в загробный мир в сюжетосложении осетинского эпоса // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 10, ч. 1. С. 152–154.
28. Вежбицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 99–111.
29. Аллатов В. М. Реформатский и Бахтин о жанрах речи // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 21–24. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>
30. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основаниям гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–298.
31. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
32. Дементьев В. В. Что дало жанроведение современной лингвистике? // Жанры речи. 2020. № 3 (27). С. 172–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
33. Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 212–219. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
34. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 142–150. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
35. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
36. Михайлова Н.И. Альбом // Онегинская энциклопедия : в 2 т. Т. 1. А–К / под общ. ред. Н. И. Михайловой ; сост. Н. И. Михайлова, В. А. Кошелев, М. В. Строганов. М. : Русский путь, 1999. С. 36–43.

REFERENCES

1. Vorobyev V. V. *Lingvokul'turologiya (teoriya i metody): monografiya* [Linguoculturology (theory and methods): Monograph]. Moscow, RUDN University Publ., 1997. 331 p. (in Russian).
2. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: kody kul'tury*. Izd. 3-e [Linguocultural method in phraseology: Codes of culture. Ed. 3rd]. Moscow, URSS, 2016. 456 p. (in Russian).
3. Kornilov O. A. *Yazykooye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov*. 2-e izd., ispr. i dop. [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities. 2nd ed., rev. and suppl.]. Moscow, CheRo, 2003. 349 p. (in Russian).
4. Krasnykh V. V. *Etnopsikhologivistika i lingvokul'turologiya. Kurs lektsii* [Ethno-psycholinguistics and linguoculturology. Course of lectures]. Moscow, Gnosis, 2002. 284 p. (in Russian).
5. Larina T. V. *Kategoriya vezhlivosti i stil' komunikatsii: Sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsii* [Category of politeness and communication style: Comparison of English and Russian linguocultural traditions]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 512 p. (in Russian).
6. Romanova T. V. *Ideologemy i aksiologemy russkogo yazykovogo soznaniya kak otrazhenie konstant i dinamiki natsional'noi mental'nosti: monografiya* [Ideologems and axiologems of Russian language consciousness as a reflection of constants and dynamics of national mentality: Monograph]. Nizhny Novgorod, DECOM, 2019. 120 p. (in Russian).
7. Tokarev G. V. *Chelovek: stereotypy russkoi lingvokul'tury: monografiya* [Man: Stereotypes of Russian linguoculture: Monograph]. Tula, S-Print, 2013. 92 p. (in Russian).
8. Shmelev A. D. *Russkaya yazykovaya model' mira: materialy k slovaryu* [Russian language model of the world: Materials for the dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 224 p. (in Russian).
9. Vorkachev S. G. *Voploschchenie smysla: conceptualia selecta: monografiya* [Incarnation of sense: Conceptualia selecta: Monograph]. Volgograd, Paradigma, 2014. 331 p. (in Russian).
10. Karasik V. I. *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Linguistic circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p. (in Russian).

11. Krasavskiy N. A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoi i russkoi lingvokul'turakh: monografiya* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2001. 495 p. (in Russian).
12. Pimenova M. V. *Kontsept serdtse: Obraz. Ponyatie. Simvol: monografiya* [Heart Concept: Image. Notion. Symbol: Monograph]. Kemerovo, KemSU Publ., 2007. 500 p. (in Russian).
13. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty: monografiya* [Linguocultural concepts and metaconcepts: Monograph]. Volgograd, Peremena, 2004. 340 p. (in Russian).
14. Stepanov Yu. S. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования* [Constants. Dictionary of Russian Culture. Experience of research]. Moscow, School 'Languages of Russian Culture', 1997. 824 p. (in Russian).
15. Sternin I. A. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija. Izbrannye raboty* [Theoretical and applied problems of linguistics. Selected works]. Voronezh, Istoki, 2008. 595 p. (in Russian).
16. Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2011. 568 p. (in Russian).
17. Savitsky V. M. Cultural scripts as a cognitive basis of folklore and language imagery. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 2021, no. 3, pp. 173–177 (in Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.4686820>
18. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktil i sapientemy*. Pod red. i s poslesloviem akademika Yu. S. Stepanova [Stepanov Yu. S., ed. Language and Culture. Three linguocultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics and sapientema]. Moscow, Indrik, 2005. 1040 p. (in Russian).
19. Valyaibob A. V. *Linguocultural Personality Type 'American Pioneer': Symbolic Characteristics*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2013. 20 p. (in Russian).
20. Gulyaeva E. V. *Linguocultural Personality Type 'American Lawyer'*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2009. 24 p. (in Russian).
21. Derevyanskaya V. V. *Linguocultural Personality Type 'British Colonial Servant'*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2008. 22 p. (in Russian).
22. Karasik V. I., Yarmakhova E. A. *Lingvokul'turnyi tipazh "angliiskii chudak"* [Linguocultural type 'English weirdo']. Moscow, Gnosis, 2006. 240 p. (in Russian).
23. Roschina A. A. *Emblematic Characteristics of the Linguocultural Personality Type 'Chinese Healer'*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2012. 23 p. (in Russian).
24. Ashikhmanova N. A. Plot motif 'escape' as a generative concept in the art text. *Bulletin of Pyatigorsk State University*, 2017, no. 3, pp. 106–110 (in Russian).
25. Neklyudov S. Y. About some aspects of the study of folklore motifs. In: *Fol'klor i etnografiya: u etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [Folklore and Ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images]. Leningrad, Nauka, Leningrad. otdelenie, 1984, pp. 221–229 (in Russian).
26. Silantiev I. V. *Syuzhetologicheskie issledovaniya* [Syuzhetological Studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2009. 224 p. (in Russian).
27. Khanaeva Z. K. Motif of travelling to the afterlife in the plot structure of the Ossetian epic. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2017, no. 10, part. 1, pp. 152–154 (in Russian).
28. Wierzbicka A. Genres of speech. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 99–111 (in Russian).
29. Alpatov V. M. Reformatsky and Bakhtin on the genres of speech. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 21–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24>
30. Bakhtin M. M. Problem of speech genres. In: *Bakhtin M. M. Avtor i geroi. K filosofskim osnovaniyam gumanitarnykh nauk* [Bakhtin M. M. Author and hero. Towards the Philosophical Foundations of Humanities]. Saint Petersburg, Azbuka, 2000, pp. 249–298 (in Russian).
31. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 600 p. (in Russian).
32. Dementyev V. V. What gave genre studies to modern linguistics? *Speech Genres*, 2020, no. 3 (27), pp. 172–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-3-27-172-194>
33. Lutovinova O. V. Shaming as a speech genre. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 212–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
34. Prozorov V. V. On the typology of speech genres in the light of the theory of literary genres. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-2-16-142-150>
35. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
36. Mikhailova N. I. Albom In: *Onegin'skaya entsiklopediya: v 2 t. T.1. A–K. Pod obshch. red. N. I. Mikhailovoi; sost. N. I. Mikhailova, V. A. Koshelev, M. V. Stroganov* [Onegin Encyclopaedia: In 2 vols. Vol. 1. A–K. Mikhailova N. I., total ed. Mikhailova N. I., Koshelev V. A., Stroganov M. V., comp.]. Moscow, Russkii put', 1999, pp. 36–43 (in Russian).

Поступила в редакцию 03.10.2024; одобрена после рецензирования 14.11.2024; принята к публикации 14.11.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 03.10.2024; approved after reviewing 14.11.2024; accepted for publication 14.11.2024; published 28.11.2025

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 388–397
Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 388–397
<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-388-397>, EDN: IJCUCH

Научная статья
УДК 342.4(470+571):811.161.1'38'42

КОНСТИТУЦИЯ РФ как речевой жанр ядерной зоны российского законодательного дискурса**С. В. Мкртычян, А. А. Лебедева[✉]**

Тверской государственный университет, Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33

Мкртычян Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка, перевода и французской филологии, mkrtytchian@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>

Лебедева Алина Алексеевна, ассистент кафедры теории языка, перевода и французской филологии, alina.swan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9822-7902>

Аннотация. КОНСТИТУЦИЯ РФ представляет собою основной речевой жанр (РЖ) ядерной зоны законодательного дискурса (ЗД) РФ. Исходным для моделирования стало понятие ЗД, который понимается авторами как иерархически выстроенная, генерализируемая (обобщаемая) посредством речевых жанров система текстов нормативно-правовых актов. С опорой на юридическую классификацию нормативно-правовых актов *федерального уровня* к ядерной зоне ЗД РФ отнесены следующие речевые жанры: КОНСТИТУЦИЯ РФ, *Международный договор*, *Международная конвенция*, *Международное соглашение*, *Федеральный закон*, *Федеральный кодекс*, *Указ Президента РФ*, *Постановление Правительства РФ*.

КОНСТИТУЦИЯ РФ обладает целым рядом жанрообразующих особенностей: 1) номинация РЖ обладает оценочностью и антропоморфностью, что было установлено на основе проведения антропометрического исследования (свободного и направленного ассоциативных экспериментов, эксперимента с использованием метода субъективных дефиниций); 2) образ Автора/Адресата в РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ является конвергентным (конвергентность трактуется как сближение или совпадение двух и более сущностей), что проявляется в аутодиалогичности. Совокупный образ Автора/Адресата соотносится с оппозицией *ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО*, которая обладает жанрообразующим потенциалом и даёт «портрет на фоне»; 3) диктумность, связанная с понятием общественного договора и скоррелированная с деонтической модальностью, отражает функцию *воздействия* (по В. В. Виноградову); 4) аксиологичность текста Конституции РФ эксплицируется, в частности, за счёт использования мелиоративной лексики, что не свойственно официально-деловому функциональному стилю.

Ключевые слова: Конституция, законодательный дискурс, текст, речевой жанр, жанрообразующий параметр, функциональный стиль, антропометрическое исследование, моделирование

Для цитирования: Мкртычян С. В., Лебедева А. А. КОНСТИТУЦИЯ РФ как речевой жанр ядерной зоны российского законодательного дискурса // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 388–397. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-388-397>, EDN: IJCUCH

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION as a speech genre
of the nuclear zone of the Russian legislative discourse****S. V. Mkrtchyan, A. A. Lebedeva[✉]**

Tver State University, 33 Zhelyabova St., Tver 170100, Russia

Svetlana V. Mkrtchyan, mkrtytchian@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3742-3993>
Alina A. Lebedeva, alina.swan@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9822-7902>

Abstract. The CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION is the main speech genre of the nuclear zone of the Russian legislative discourse, which by the criterion of legal force takes the central place in the system of legal discourse and is crucial for the formation of the “linguistic legal consciousness” of our society.

The premise of modeling is the notion of the legislative discourse, which is understood as a hierarchically arranged system generalized through speech genres of normative legal act texts. According to the legal classification of normative legal acts of the *federal level*, the nuclear zone of the Russian legislative discourse is constituted by the following speech genres: CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION, *International Treaty*, *International Convention*, *International Agreement*, *Federal Law*, *Federal Code*, *Decree of the President of the Russian Federation*, *Resolution of the Government of the Russian Federation*.

The CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION occupies a special place and enters the nuclear zone of the first order due to a number of specific speech-genre features: 1) the nomination of the Russian Federation has evaluative and anthropomorphic character, which was established on the basis of an anthropometric study; 2) the image of the Author/Addressee in the CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION is convergent, which is manifested in autodialogy. The term *convergent* is interpreted as convergence or coincidence of two or more entities. The cumulative image of the Author/Addressee correlates with the *CITIZEN – STATE* opposition, which has a genre-forming potential and shows a “portrait in the background”; 3) dictum, associated with the concept of social contract and realized by means of *deontic modality*, reflects the function of *persuasion* (according to V. V. Vinogradov); 4) axiological character of the text of the Constitution of the Russian Federation is explicated through the use of ameliorative lexicon, which is not characteristic of a typical manifestation of the official business functional style.

Keywords: Constitution, legislative discourse, text, speech genre, genre-forming parameter, functional style, anthropometric study, modeling

For citation: Mkrtchian S. V., Lebedeva A. A. CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION as a speech genre of the nuclear zone of the Russian legislative discourse. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 388–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-388-397>, EDN: IJCUCH

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Дискурсивные исследования в области юрислингвистики (как сами авторы определяют предметную принадлежность своих научных изысканий) проводятся в следующих направлениях: прагматическом [1, 2]; семантическом [3, 4]; комплексно-интегральном [5–8]; дискурсивно-когнитивном [9]; жанроведческом/речежанровом [10]; прагматическом [5, 11]; психолингвистическом [12]. Представленный в статье подход к изучению ЗД квалифицируется как прагмалистический, который интегрирует прагматическую составляющую (фундированную идеями Тверской школы лингвистической прагматики), фокусирующуюся на прагматическом контексте, и стилистическую, центрированную на речевой системности.

Цель предлагаемой публикации заключается в обосновании параметров моделирования ядерной зоны ЗД РФ, через призму которых описывается специфика РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ как основного РЖ ЗД РФ.

Исходными для исследования и моделирования ЗД приняты следующие определения дискурса, ЗД и РЖ. Дискурс трактуется как совокупность текстов в прагматическом контексте (или коммуникативно-прагматическом пространстве, по И. П. Сусову),

который (контекст) влияет на особенности текстостроения, их языковое наполнение и интерпретацию в рамках той или иной институциональной сферы коммуникации, детерминированной спецификой определённой профессиональной области.

Под ЗД понимается иерархически выстроенная, генерализуемая (т. е. обобщаемая на основе инвариантности) посредством речевых жанров система текстов нормативно-правовых актов, характеризующаяся с точки зрения: 1) прагматического контекста (занимает приоритетное место в определённой правовой системе, манифестирующей права и обязанности субъектов, которые (права и обязанности) реализуются в соответствии с конвенциональными правовыми предписаниями); 2) стилистических особенностей (имеет письменную институализированную форму выражения, которая диктует отчётливо выраженную специфику языковых средств (по М. Н. Кожиной, «речевую системность» и жёсткую структуру)).

Речевой жанр понимается как модель типичного текста, что позволяет анализировать, с одной стороны, тексты конкретных документов (например, разные тексты редакций Конституции РФ 1993 г., 2020 г.), с другой стороны, типичную форму (т. е. речежанровую модель) текстов этих документов, объеди-

нённых общим именем речевого жанра – КОНСТИТУЦИЯ РФ. Для терминологической ясности описания в том случае, когда речь идёт о РЖ, используются заглавные буквы, а когда имеется в виду текст документа – строчные.

Параметры моделирования ЗД РФ

В основу классификации РЖ ЗД РФ положен принцип юридической (правовой) силы документа, т. е. основание не собственно лингвистического порядка, что в лингвистике не является новым и, свидетельствуя о расширении идей функционализма, обнаруживается в целом ряде лингвистических концепций (в частности, в функциональной стилистике В. В. Виноградова, типологизирующей функциональные стили в зависимости от сферы общения). Несмотря на то, что классификация нормативно-правовых актов, реализованных в текстовой форме (тексте), находится в компетенции правоведов, полагаем возможным лингвистическое моделирование ЗД при том допущении, что полевая модель состоит не из текстов документов, а из речевых жанров, генерализирующих тексты в единую совокупность под названием РЖ.

На первом этапе исследования с опорой на заключение экспертов в области права была разработана юридическая классификация нормативно-правовых актов (рис. 1), которая позволила ограничить объект изучения ЗД текстами нормативно-правовых актов федерального уровня.

Далее, опираясь на строго упорядоченные иерархические отношения документов по юридической силе, схематично представленные на рис. 1, мы разработали модель ядерной речежанровой зоны ЗД. Схема модели ядерной зоны речежанрового пространства ЗД РФ представлена на рис. 2. К ядерной зоне ЗД РФ в соответствии с критерием законодательной силы федерального уровня относятся следующие речевые жанры: КОНСТИТУЦИЯ РФ, Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон, Федеральный кодекс, Указ Президента РФ, Постановление Правительства РФ.

Ядерная зона ЗД РФ была дифференцирована по полевому признаку на две составляющие: ядерная зона первого порядка, состоящая из одного РЖ – КОНСТИТУЦИИ РФ, и ядерная зона второго порядка (Международный договор, Международная конвенция, Международное соглашение, Федеральный закон, Федеральный кодекс, Указ Президента РФ, Постановление Правительства РФ). Параметрами моделирования ядерной зоны ЗД РФ стали признаки, яркость которых убывает по мере удаления от ядра (т. е. КОНСТИТУЦИИ РФ): 1) усиливается хронологическая нестабильность нормативно-правового акта, соотносимого в РЖ (например, указы Президента принимаются чаще, чем федеральные законы, а федеральные законы, в свою очередь, менее стабильны, чем Конституция РФ и т. д.); 2) уменьшается коллегиальность принятия нормативно-правового акта (например,

Рис. 1. Иерархическая структура законодательства Российской Федерации

Fig. 1. Hierarchical structure of the legislation of the Russian Federation

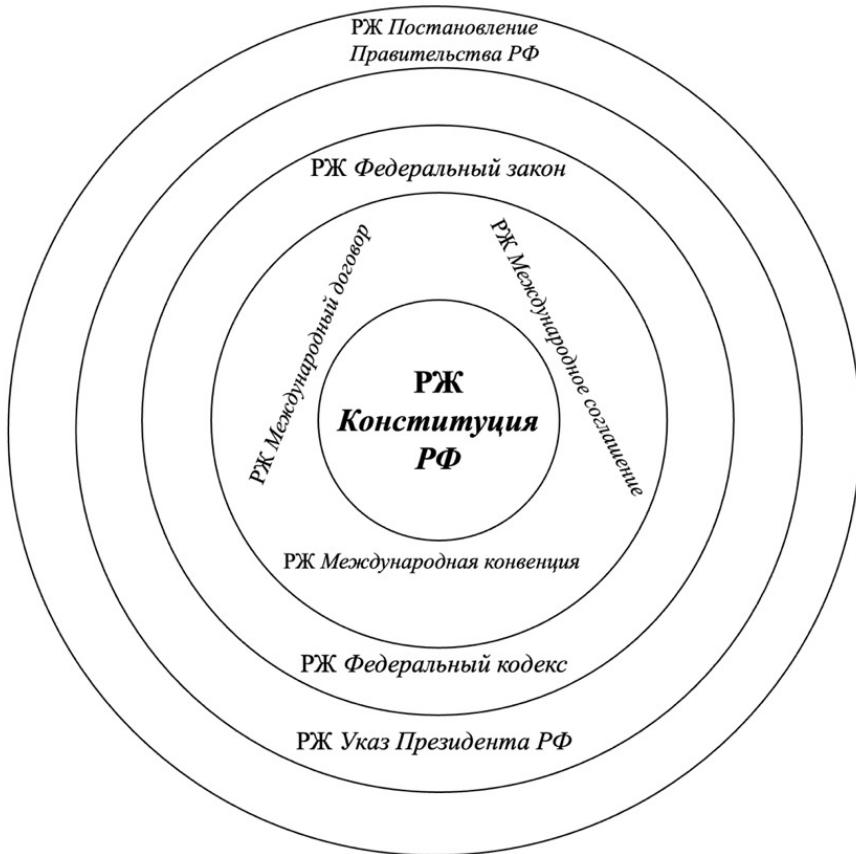

Рис. 2. Ядерная зона ЗД РФ

Fig. 2. Nuclear zone of the Russian legislative discourse

Конституция РФ принимается референдумом, федеральные законы обсуждаются Государственной Думой, принимаются Советом Федерации и подписываются Президентом, указы Президента подписываются только Президентом; 3) элиминируется способность выступать *источником права*: с этой точки зрения, Конституция РФ считается самым сильным документом (юридическое понятие *источник права* здесь оставляем без комментария); 4) уменьшается степень субъектности Автора (от коллективного в КОНСТИТУЦИИ РФ до персонального в ядерной зоне второго порядка); 5) редуцируется вербально выраженная аксиологичность; 6) более размытой становится номинация РЖ (от чёткой словарной дефиниции лексемы «конституция» до смежных лексикографических толкований целого ряда лексем, составляющих номинации РЖ ядерной зоны второго порядка: «договор», «конвенция», «соглашение», «кодекс», «закон», «указ», «постановление»).

Для описания и детализации модели ядерной зоны ЗД РФ использовались характеристики, которые обобщены с опорой на идеи

В. И. Карасика, Т. В. Шмелёвой и Н. Б. Лебедевой.

К существенным дискурсивным характеристикам В. И. Карасик относит следующие: 1) участники общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики); 2) условия общения (пресуппозиция, сфера общения, хронотоп, коммуникативная среда); 3) организация общения (мотивы, цели, стратегии и др.); 4) способы общения (канал, режим, тональность, стиль, жанр) [13].

Н. Б. Лебедева, опираясь на известную анкету Т. В. Шмелёвой [14], состоящую из 7 жанрообразующих признаков, детализирует её и предлагает коммуникативно-семиотическую модель жанров естественной письменной речи, которая состоит из 12 фациентов (параметров): 1) Автор (Кто?); 2) Адресат (Кому?); 3) Знак – Диктумно-модусное содержание (Что?); 4) Орудие и Средство (Чем?); 5) Субстрат – Материальный носитель знака (На чём?); 6) Место расположения Знака – Носитель субстрата (В чём?, На чём?). Несубстанциональные фациенты – 1) Цель – Коммуникативно-целевой фациент (Зачем?); 2) Графико-пространственный параметр Знака

(Как?); 3) Среда коммуникации (Где?); 4) Коммуникативное время – временной интервал между созданием письменного знака и его восприятием (Когда?); 5) Фациент «Ход коммуникации»; 6) Фациент «Социальная оценка» (Итого – 12 параметров) [15].

Перечисленные жанровые и дискурсивные характеристики обобщены, скоррелированы друг с другом и использованы для описания специфики КОНСТИТУЦИИ РФ как ядерного РЖ модели ЗД РФ: 1) имя (номинация) жанра; 2) позиция Автора/Адресата; 3) диктумно-модусная рамка; 4) целеполагание и аксиологичность; 5) «языковое воплощение».

Жанрообразующие характеристики РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ

Первое. Номинация жанра

Л. В. Балашова справедливо отмечает, что анализ номинаций жанров и их компонентов через призму языковой системности отражает их место в соответствующей языковой картине мира [16: 162].

Изучение лексемы «конституция» осуществлялось в два этапа: 1) на лексикографическом материале; 2) на экспериментальном материале с целью установления актуального значения слова, которое отличается от лексикографического и психолингвистического.

Проведя на первом этапе компонентный анализ лексикографического значения лексемы «конституция», можно выделить следующие ядерные семы: 'основной закон', 'закрепляет основы общественного строя', 'закрепляет основы государственного строя', 'закрепляет права и обязанности', 'выражает волю государства', 'выражает волю народа'.

На втором этапе исследовалось актуальное значение, которое отличается от психолингвистического. В психолингвистическом значении зафиксированы все компоненты значения, которые выявлены экспериментальным путём у носителей языка. Они упорядочены по полевому принципу с учётом индекса яркости. Изучением психолингвистического значения занимается Воронежская психолингвистическая школа, основанная проф. И. А. Стерниным. Подробно о методах исследования разных типов значения слова см., например, в статье И. А. Стернина «Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения» [17] и в многочисленных работах его учеников. Актуальное значение (это термин, который мы вводим) фиксирует лишь наиболее яркие ядерные компоненты значения, не учитывая периферийные, оно занимает промежуточное место между лексикографическим и психолингвистическим.

Специфика актуального значения слова заключается прежде всего в том, что оно учитывает не все, а только частотные ассоциаты, которые формируют устойчивый тренд, позволяющий выяснить, какое представление закреплено за звуковой оболочкой слова в его узальном употреблении.

Для изучения актуального значения слова «конституция» была проведена серия экспериментов (свободный ассоциативный, направленный ассоциативный, на основе метода субъективных дефиниций). В качестве испытуемых (Ии.) было привлечено 107 человек, проживающих в Тверской области, в возрасте от 12 до 63 лет. Ответы Ии. анализировались с учётом следующих параметров: 1) соотнесённость с лексикографическим значением; 2) антропоморфность (здесь в значении «ассоциируемость с человеком»); 3) наличие оценочного компонента (который понимается широко как выражющий экспрессию, эмоциональность и оценку), который был редуцирован до трёх показателей: позитивное, негативное, нейтральное.

Интерпретация результатов экспериментального исследования позволила сделать следующие выводы:

1. Нейтрально окрашенные ассоциаты к стимулу КОНСТИТУЦИЯ преимущественно соотносятся с основными семами лексикографического значения: закон (законы) (15); права (8); право (8); порядок (6); обязанность (обязанности) (4); правило (правила) (4); документ (3); книга (3); долг (1); законодательство (1); изменения (1); ограничение (1); поправки (1); правопорядок (1); раздел (1); референдум (1); свод (1); соблюдение (1).

2. Зафиксировано незначительно количество (25%) антропоморфных ассоциатов: президент (9); народ (5); человек (5); гражданин (граждане) (2); судья (2); адвокат (1); декабристы (1); политик (1); Путин (1).

3. Оценочные ассоциаты присутствуют (18%), что опровергло исходную гипотезу об эмоциональной ригидности стимула КОНСТИТУЦИЯ: справедливый (справедливая) (11); честная (3); необходимая (2); нужная (нужные) (2); крепкая (1); пустая (2); оберегающая (1); принципиальная (1); большая и непонятная (1); равноправная (1); хорошая (1).

Полагаем, что экспериментальный материал расширяет аналитическую описательную базу жанроведения и позволяет выявить те речежанровые особенности, которые связаны с представлением носителей языка об имени речевого жанра.

Второе. Позиция Автора/Адресата

Как следует из самого текста Конституции РФ, её Автором и Адресатом является народ («Мы, многонациональный народ Российской Федерации»). Проанализировав тематические группы лексем, именующих Автора и Адресата, которые были обнаружены в тексте Конституции РФ, можно сделать вывод, что обнаруженные тематические группы лексики распределяются на два тематических поля: 1) со значением «гражданин» (народ; человек; люди; лицо; мужчина; женщина; семья; дети; родители; трудоспособные дети; нетрудоспособные родители; кормилец; супруг; близкие родственники; инвалиды; пожилые граждане; малоимущие; граждане, нуждающиеся в жилище; работающий; налогоплательщики; собственники; представители и др.); 2) со значением «органы власти и их представители», т. е. «государство» (Президент Российской Федерации, федеральные министры, Председатель Совета Федерации и его заместители, члены Совета Федерации, Государственная Дума, депутаты Государственной Думы, старейший по возрасту депутат, Председатель Центрального банка Российской Федерации, судьи Верховного Суда Российской Федерации, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи других федеральных судов, Генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители и др.).

Образ Автора/Адресата в РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ является конвергентным, что проявляется в аутодиалогичности. Термин *конвергентность* трактуется как сближение или совпадение двух и более сущностей. Основными вербальными репрезентациями образа Автора/Адресата являются лексемы тематических групп «гражданин» и «государство». Конвергентность жанрового параметра образ Автора/Адресата не позволяет прямо соотнести образ Автора/Адресата с какой-либо из тематических групп, однако не лишает оппозицию ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО жанрообразующего потенциала.

По аналогии с изучением номинации РЖ было проведено исследование оппозиции ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО с использованием антропометрических методов (см. выше). Будучи ограниченными рамками статьи, опускаем детализированную интерпретацию полученных данных и переходим к основным выводам, которые сводятся к следующему:

1. На оба стимула (ГРАЖДАНИН и ГОСУДАРСТВО) были получены антропоморфные и неантропоморфные ассоциаты. Закономерно, что к стимулу ГОСУДАРСТВО антропоморфных ассоциатов немного (15%): (государь, лидер, люди), к стимулу ГРАЖ-

ДАНИН – 48%, например: защитник (1); землянин (1); идеалист (1); избиратель (1); интеллигент (1).

2. На оба стимула зафиксированы оценочные ассоциаты (их количество меньше, чем нейтральных), положительная оценочность доминирует:

ГОСУДАРСТВО: сильный (сильная, сильное) (7); великое (5); независимый (независимая, независимое) (5); честное (4); свободный (свободная) (2); непобедимое (1).

ГРАЖДАНИН: ответственный (18); законопослушный (12); активный (5); добропорядочный (4); уверенный (4); честный (3); уважаемый (2); справедливый (1).

3. В ходе эксперимента, проведённого методом субъективных дефиниций, на оба стимула были получены как понятийно-логические (сближенные с лексикографическим значением), так и не понятийно-логические дефиниции. Вопреки гипотезе эксперимента на стимул ГОСУДАРСТВО по сравнению со стимулом ГРАЖДАНИН (28 %) было получено больше дефиниций второго типа (46%), т. е. не понятийно-логических: Счастливые граждане. Надёжный защитник для всех граждан. Родной край. Люди. Примеры не понятийно-логических дефиниций на стимул ГРАЖДАНИН: Звучит гордо, достойно, почтительно. ЧЕЛОВЕК! Сын своей страны. Свободный человек. Для обоих стимулов позитивно окрашенные дефиниции существенно преобладают.

Третье. Диктумно-модусная рамка

Диктумное содержание составляет событийное содержание. Эта характеристика, на первый взгляд, лежит не в лингвистической плоскости. Однако именно событийность позволяет уточнить место РЖ в коммуникативном процессе (в широком смысле).

В основе диктума РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ лежит понятие общественного договора (социального контракта), разработанное Дж. Локком и Ж.-Ж. Руссо. Теория общественного договора предполагает объяснение происхождения взаимных обязанностей и прав в обществе и их обязывающей силы [18]. Сущность Конституции РФ как нормативно-правового акта состоит в том, чтобы на основе общественного договора закрепить конституционный строй и его основы, права и свободы человека и гражданина, основы организации государства, а также основы организации осуществления власти (публичной власти). В Конституции РФ устанавливается, что Россия есть демократическое федеративное право-вое государство с республиканской формой правления.

Модус РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ рассматривается как мера отношения Автора/Адресата к диктуму.

Понятие модуса восходит к теории семантического синтаксиса. Классическое определение этой категории было дано Ш. Балли ещё в 1950-е гг. Модус – часть высказывания, отличная от пропозиции (диктума), в которой выражаются разного рода отношения (говорящего к данному суждению, суждения к действительности). Модус реализуется в модальности, которая является одной из основных категорий языка и присутствует в каждом высказывании. В Конституции РФ широко представлена деонтическая модальность (нормативная модальность). Деонтическая модальность, изначально являясь философской категорией, широко используется в лингвистике и трактуется как выраженная в суждении информация, побуждающая людей к определённым поступкам. Категория деонтической модальности не имеет прямой корреляции с традиционным разграничением субъективной и объективной типов модальности в лингвистике. Существенно, что по диктумному наполнению КОНСТИТУЦИЯ РФ декларирует юридическую приемлемость общественного (или социального) поведения субъекта государства, создавая тем самым его поведенческую рамку, ограничивающую права и обязанности. Диктум с содержательной точки зрения отражает стандарт нормативного поведения, концепт которого реализован с помощью деонтической модальности, имеющей языковые средства выражения. В Конституции РФ представлено несколько групп языковых средств, передающих разновидности деонтической модальности, которые способствуют формированию смыслового каркаса анализируемого текста:

- 1) модальность долженствования: (должно, должны; обязан, обязаны);
- 2) модальность запрета (не должен; запрещается; не может; не имеет права);
- 3) модальность возможности (может; имеет право; допускается; не обязан).

Четвёртое. Целеполагание и аксиологичность

Доминирующей коммуникативной целью Конституции РФ является императивная цель, которая диктует гражданам государства принять соглашение о превращении своего «естественному состояния» в «состояние гражданское».

Этот принцип основывается на аксиологии, т. е. ценностных ориентирах общества и отражается в аксиологичности текста Конституции РФ, т. е. способности текста транслировать ценности.

Во всех документах правовой сферы присутствует аксиологическая составляющая по преимуществу имплицитно, в тексте Конституции РФ в отличие от многих других РЖ ЗД ценности эксплицированы. В Преамбуле КОНСТИТУЦИИ РФ провозглашается значимость высшего нормативного правового акта; манифестируются следующие ценности: общая судьба, права и свободы человека, гражданский мир и согласие, исторически сложившееся государственное единство, равноправие и самоопределение народов, память предков, любовь и уважение к Отечеству, вера в добро и справедливость, суверенная государственность России и незыблемость её демократической основы, благополучие и процветание России, ответственность за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями, сознание себя частью мирового сообщества [19].

Лексема «ценность» встречается в основном тексте Конституции РФ и прямо указывает на аксиологическую составляющую (статья 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью»).

Пятое. «Языковое воплощение»

«Языковое воплощение» относится к числу стилистических параметров, характеризует композицию и особенности использования языковых средств.

Структура любого законодательного текста предполагает наличие вступительной части, к которой могут относиться, например, преамбула, положение о цели, предмете регулирования, определения терминов; основной части, в которой содержатся устанавливающие правовые нормы; заключительной части, регламентирующей положения о вступлении законодательного текста в силу, о сфере его применения, сроке действия и т. д.

Конституция РФ включает в себя Преамбулу и два раздела – РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ «Основные положения» и РАЗДЕЛ ВТОРОЙ «Заключительные и переходные положения». Конституция РФ включает в себя 9 глав и 137 статей. Чёткая структурированность текста Конституции РФ является характерной речежанровой особенностью нормативно-правовых актов, обеспечивающей возможность хорошо ориентироваться в тексте документа.

РЖ ЗД по своей функционально-стилевой принадлежности могут быть отнесены к официально-деловому стилю с элементами юридического подстиля научного стиля (за счёт использования юридической терминологии). Принцип организации «речевой системности» (термин М. Н. Кожиной) заключается в следующих требованиях к качеству текста: стабильность, стандартизированность,

беспристрастность, краткость. Типичные черты официально-делового стиля исчерпывающие описаны в научной литературе, здесь мы не будем на них останавливаться.

Яркой особенностью текста Конституции является наличие *мелиоративной лексики* (по О. С. Ахмановой, «обладающей положительной экспрессивно-эмоционально-оценочной коннотацией» [20], которая сосредоточена в Преамбуле к основному тексту. Понятие мелиоративной лексики, лексики с мелиоративным значением неоднозначно трактуется в лингвистике. Если внимательнее проанализировать, какая именно лексика относится к этому разряду, то можно выделить несколько групп: 1) лексика с «традиционно экспрессивным значением», когда в самом денотативном значении коннотация не заключена, благодаря чему лексема используется в определённом контексте, обусловленном сферой применения (предлагаемая классификация опирается на типологию стилистических значений, которая дана в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» под ред. М. Н. Кожиной [21]); 2) лексика с «традиционно экспрессивным значением», которое трудно отделить от денотативного (предметно-логического), они взаимопроницаемы; наконец, 3) лексика, приобретающая положительное эмоционально-экспрессивно-оценочное значение в определённом контексте. Два первых типа мелиоративной лексики связаны с системой языка, обусловлены узусом и/или нормой, а третий тип является контекстуальным.

К разряду мелиоративной лексики могут быть отнесены, например, следующие лексические единицы: *мир, согласие, государственное единство, добро, вера, справедливость, благополучие, процветание* и т. д.

Заключение

Законодательный дискурс как дискурс институциональный, официальный, жёстко регламентированный, эмоционально ригидный только на первый взгляд может показаться малоинтересным для лингвистического исследования.

Обращение к РЖ КОНСТИТУЦИЯ РФ заставило очертить ядерную зону ЗД, что оказалось возможным с опорой на параметр нелингвистического порядка – юридической силы документа. Выбор pragматического параметра в качестве основного потребовал специальных знаний в области юриспруденции и привёл к необходимости обратиться к привлечению экспертного мнения специалистов в области конституционного права,

добавляя в систему методов исследования метод *экспертной оценки*, что само по себе соответствует тенденциям развития современного лингвистического знания и находится в русле дальнейшего развития идей функционализма. Параметр «юридической силы» позволил системно подойти к классификации большого количества нормативно-правовых актов ЗД РФ путём их генерализации в речевой жанр, что было сделано на основе принципиального разграничения понятий текст и речевой жанр.

КОНСТИТУЦИЯ РФ рассматривается как основной жанр ЗД, который обладает специфическими особенностями, обеспечивающими этот статус, в числе которых могут быть названы следующие: 1) наличие оценочности и антропоморфности в восприятии носителями языка имени РЖ; 2) аутодиалогичность позиции Автора/Адресата, соотносимой с оппозицией ГРАЖДАНИН – ГОСУДАРСТВО, которая, будучи подвержена исследованию антропометрическими методами, даёт представление о «портрете жанра на фоне»; 3) диктумность, связанная с понятием общественного договора, который принимает форму демократического федеративного правового государства с республиканской формой правления; 4) деонтическая модальность, отражающая функцию *воздействия* (по В. В. Виноградову), а не *сообщения*, как это традиционно трактуется применительно к официально-деловому функциональному стилю; 5) эксплицированная аксиологичность текста КОНСТИТУЦИИ РФ; 6) использование мелиоративной лексики.

Перечисленные особенности, с точки зрения теории функциональных стилей, дают основание поместить КОНСТИТУЦИЮ РФ в периферийную зону речежанрового функционально-стилистического пространства, поскольку они (особенности) отличаются от типичных проявлений официально-делового стиля. Однако, полагаем, что традиционный функционально-стилистический подход может быть существенно обогащён за счёт вовлечения в круг исследовательского внимания достижений в области современной лингвистики (жанроведения, психолингвистики, прагматики), которые дают возможность расширить доказательную базу традиционной стилистики.

Наконец, изучение ЗД РФ, являющегося правовой основой государства, имеет прямое отношение к запросу на формирование «языкового правового сознания» как фактора укрепления законности, направленного на сплочение общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колесникова Л. В. Юридический дискурс как результат категоризации и концептуализации действительности (на материале предметно-терминологической области «Международное частное право») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 19 с.
2. Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. М. : Московский гуманитарный университет, 2008. № 2. С. 188–192.
3. Петрук К. А. Семантико-сintаксические характеристики речевого жанра «дискламация» в англоязычном юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. 18 с.
4. Никишина О. А. Анализ пенитенциарного англоязычного дискурса в аспекте реализации языка власти и языка сопротивления : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2017. 23 с.
5. Попова Л. Е. Юридический дискурс как объект интерпретаций (семантический и прагматический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005. 20 с.
6. Овчинникова Н. В. Коммуникативно-прагматическая специфика судебного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. 18 с.
7. Зайцева В. В. Когнитивные, коммуникативно-прагматические и языковые особенности допроса в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 24 с.
8. Хомутова Т. Н., Шефер Е. А. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : «Лингвистика». 2019. Т. 16, № 3. С. 44–53. <https://doi.org/10.14529/ling190308>
9. Коновалова М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 25 с.
10. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2010. 40 с.
11. Баламакова А. В. Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе (на материале американского варианта английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2010. 23 с.
12. Мальцева В. А. Стратегии речевого воздействия в профессиональной коммуникации (на примере юридического дискурса) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
13. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистический и эмотивный аспекты : сб. науч. тр. / отв. ред. В. И. Карасик. Волгоград : Перемена, 1998. С. 185–196.
14. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.
15. Лебедева Н. Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики : сб. / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 257–263.
16. Балашова Л. В., Дементьев В. В. Русские речевые жанры : монография. М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. 832 с.
17. Стернин И. А. Лексикографическое и экспериментальное описание языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1 (51). С. 112–121. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-112-121>
18. Социологический словарь. URL: https://sociological_dictionary.academic.ru (дата обращения: 01.03.2024).
19. Конституция РФ 2020 с Комментариями. URL: <http://constitutionrf.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).
20. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М. : УРСС: Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
21. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. URL: <https://stylistics.academic.ru/> (дата обращения: 01.03.2024).

REFERENCES

1. Kolesnikova L. V. *Legal Discourse as a Result of Categorization and Conceptualization of Reality (on the Material of the Subject Terminological Field “Private International law”)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Stavropol, 2007. 19 p. (in Russian).
2. Kosonogova O. V. *Legal Discourse: Linguopragmatics of the proper name. Knowledge. Understanding. Skill*. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2008, iss. 2, pp. 188–192 (in Russian).
3. Petruk K. A. *Semantic and Syntactic Characteristics of the Speech Genre “Disclamation” in the English-speaking Legal Discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2007. 18 p. (in Russian).
4. Nikishina O. A. *Analysis of the English-speaking Penitentiary Discourse in the Aspect of the Realization of the Language of Power and the Language of Resistance*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Pyatigorsk, 2017. 23 p. (in Russian).
5. Popova L. E. *Legal Discourse as an Object of Interpretations (Semantic and Pragmatic Aspect)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2005. 20 p. (in Russian).
6. Ovchinnikova N. V. *Communicative and Pragmatic Specificity of Judicial Discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tver, 2006. 18 p. (in Russian).
7. Zaytseva V. V. *Cognitive, Communicative Pragmatic and Linguistic Features of Interrogation in Legal Discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Tambov, 2011. 24 p. (in Russian).
8. Khomutova T. N., Shefer E. A. Legal discourse: Problems and perspectives of research. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2019, vol. 16, iss. 3, pp. 44–53 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/ling190308>
9. Konovalova M. V. *Global Categories of Coherence and Intertextuality in Legal Discourse*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2008. 25 p. (in Russian).
10. Dubrovskaya T. V. *Judicial Discourse: Speech Behavior of a Judge*. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Saratov, 2010. 40 p. (in Russian).
11. Balamakova A. V. *Communicative and Pragmatic Interpretation of Questioning Intonation in Oral Legal Discourse (on the Material of American English)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Ivanovo, 2010. 23 p. (in Russian).
12. Maltseva V. A. *Strategies of Speech Influence in Professional Communication (on the Example of Legal Discourse)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Chelyabinsk, 2011. 25 p. (in Russian).

13. Karasik V. I. About discourse categories. In: *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskii i emotivnyi aspekty: sb. nauch. tr. Otv. red. V. I. Karasik* [Karasik V. I., ed. Language Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects: Coll. of sci. arts]. Volgograd, Peremena, 1998, pp. 185–196 (in Russian).
14. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).
15. Lebedeva N. B. Russian natural written language: Problems and tasks of laboratory research. In: *Aktual'nye problemy rusistiki: sb. Otv. red. T. A. Demeshkina* [Demeshkina T. A., ed. Current Issues in Russian Language Studies]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2000, pp. 257–263 (in Russian).
16. Balashova L. V., Dementyev V. V. *Russkiye rechevyye zhanry* [Russian speech genres] (Studia Philologica). Moscow, LRC Publishing House, 2022. 832 p. (in Russian).
17. Sternin J. A. Lexicographic and experimental description of language meaning. *Journal of Psycholinguistics*, 2022, iss. 1 (51), pp. 112–121 (in Russian). <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-112-121>
18. *Sociological Dictionary*. Available at: https://sociological_dictionary.academic.ru (accessed March 1, 2024) (in Russian).
19. *Constitution of the Russian Federation 2020 with Commentary*. Available at: <http://constitutionrf.ru/> (accessed March 1, 2024) (in Russian).
20. Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov. 2-e izd., ster.* [Dictionary of linguistic terms, 2nd ed., ster.]. Moscow, URSS, Editorial URSS, 2004. 571 p. (in Russian).
21. *Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. Available at: <https://stylistics.academic.ru/> (accessed March 1, 2024) (in Russian).

Поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 14.05.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 14.05.2024; published 28.11.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 398–407

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 398–407

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-398-407>, EDN: IWZJND

Научная статья
УДК 331.53:811.111'42

Профессиональная самопрезентация и личные профили соискателей в структуре англоязычного резюме

Н. А. Кубракова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени
Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кубракова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, kubrakovnat@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1837-5188>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности профессиональной самопрезентации в личных профилях соискателей как части резюме в рамках англоязычного дискурса трудоустройства. Место личного профиля соискателя в структуре резюме, вторичность, предельно сжатый формат, предполагающий выделение только ключевой информации, и преобладание персвазивной интенции над другими интенциями адресанта определяют его жанровую специфику. Эта специфика влияет не только на общий характер профессиональной самопрезентации, но и обуславливает выбор содержательных компонентов, которые выступают в качестве атTRACTоров, способных привлечь внимание адресата. В результате детального анализа была определена значимость профессиональной специализации для отбора транслируемой в личных профилях профессиональной информации и выделены семь групп профилей в зависимости от профессиональной самоидентификации претендентов на вакансию. В процессе реализации основных тактик представители разных групп делают акцент на специфических личных и профессиональных качествах и достижениях, а также включают дополнительные смыслы, не выраженные прямо, в отличие от фактической информации. Набор атTRACTоров в личных профилях определяется личным выбором соискателя и установками, нормами и ценностями, значимыми для адресата как участника дискурса трудоустройства и представителя определенной национальной, культурной и социальной общности. Для всех типов информации приводятся примеры языковых средств их экспликации.

Ключевые слова: личный профиль соискателя, дискурс трудоустройства, профессиональная самопрезентация, тактики, воздействие

Для цитирования: Кубракова Н. А. Профессиональная самопрезентация и личные профили соискателей в структуре англоязычного резюме // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 398–407. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-398-407>, EDN: IWZJND

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Professional self-presentation and a personal statement as a component of the English resume

N. A. Kubrakova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Natalya A. Kubrakova, kubrakovnat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1837-5188>

Abstract. The article focuses on the characteristics of professional self-presentation in the applicant's personal statement as a component of a resume within the English-language employment discourse. The position in a resume, secondariness, an extremely concise format that suggests highlighting only key information, and the priority of the persuasive intention over the addresser's other intentions create the genre identity of the applicant's personal statement. The identity influences both the general nature of professional self-presentation and the choice of content details that act as attractors used to draw the addressee's attention. The in-depth analysis revealed the significance of professional specialization for selecting pieces of information transmitted

via the applicant's personal statement. The author distinguished between seven groups of personal statements in accordance with job-seekers' professional self-identification. While employing the main tactics, the representatives of the groups stress specific personal and professional characteristics and achievements, and introduce additional concepts that are not expressed explicitly, unlike description of facts. A set of attractors in personal statements is determined by the job-seeker's choice and attitudes, norms and values that are significant for the addressee as a participant of the employment discourse and a representative of a particular national, cultural and social community. The research provides the examples of the language means to verbalize these attractors.

Keywords: personal statement, employment discourse, professional self-presentation, tactics, influence

For citation: Kubrakova N. A. Professional self-presentation and a personal statement as a component of the English resume. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 398–407 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-398-407>, EDN: IWZJND

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На фоне изменений на рынке труда, которые обнажили пандемия COVID-19, последовавший за ней локдаун и стремительное развитие технологий, в особенности технологий на основе искусственного интеллекта, дополнительную актуальность приобретает изучение дискурса трудоустройства [1, 2]. Авторы публикаций подчеркивают, что в настоящее время изменяется отношение к работе и форматы трудоустройства; переформатируются целевые отрасли; постоянное совершенствование технологий меняет подход к отбору персонала и поиску вакансий и ведет к сокращению рабочих мест [1–3].

Под дискурсом трудоустройства понимают разновидность делового дискурса, обладающую универсальными признаками последнего – целенаправленностью, результативностью и метапрофессиональным характером [4: 535]. Участники дискурса трудоустройства – работодатели, соискатели и рекрутеры – участвуют в ряде дискурсивных практик, представленных разнообразными жанрами, например, объявлениями о вакансиях, резюме, сопроводительными и рекомендательными письмами и т. д. [5].

Ведущей, жанрообразующей стратегией жанров, составляющих дискурс трудоустройства, можно считать самопрезентацию. В данном случае уместнее говорить о профессиональной самопрезентации (далее – ПС), под которой будем понимать осознанный стратегический процесс предъявления субъектом информации о своих профессиональных навыках и достижениях с целью получения работы. Выстраивание успешной ПС на всех этапах процесса трудоустройства требует владения необходимыми тактиками и эффективными средствами, которые в значительной степени определяются особенностями конкретного жанра.

В настоящей статье рассматриваются особенности ПС в структуре личных профилей соискателей (далее – ЛПС) как составной

части резюме на английском языке. ЛПС (синонимичные англоязычные названия – *summary / personal statement; CV / resume / professional summary; personal / professional / resume profile; career / resume objective*) представляют собой тексты объемом 50–200 слов, написанные от третьего, реже от первого, лица и оформленные эллиптическими конструкциями. ЛПС характеризуется вторичностью по отношению к резюме. ЛПС можно рассматривать как частичный жанр (*part genre*) (по аналогии с частями научной статьи, а также аннотациями) [6]. Предполагается, что адресант (претендент на определенную вакансию) создает ЛПС после того, как подготовлено само резюме, и указывает в этом микротексте только самую важную информацию, способную представить его в выгодном свете. ЛПС обычно располагается в верхней части резюме сразу после имени соискателя и необходимых сведений личного характера. Такое расположение в структуре резюме связано с коммуникативной целью ЛПС – привлечь внимание адресата (сотрудника по подбору кадров) и побудить его внимательнее вчитаться в текст резюме, что особенно важно в ситуации большого потока резюме и ограниченности времени на их проверку.

В задачи описываемого исследования входило определить, каким образом специфика ЛПС влияет на характер ПС в нем и к каким приемам прибегают соискатели с целью достичь максимального эффекта от такого текста.

Материалом исследования стали 120 личных профилей соискателей, взятых с сайтов англоязычных электронных ресурсов, предлагающих широкому кругу пользователей советы по написанию текстов, создаваемых в процессе трудоустройства.

К анализу также привлекались тексты самих рекомендаций (общее количество словоупотреблений 36875), как источник информации о принципах организации процесса трудоустройства, правилах, транслируемых ценностях и приоритетах, а также толковые сло-

вари и словари-тезаурусы английского языка. В процессе исследования использовались описательно-аналитический метод, методики контекстуального и количественного анализа.

Жанровая специфика ЛПС и ее влияние на ПС

При определении жанровой специфики ЛПС важным является, во-первых, сравнение его с *саммери (summary)* [7–14], текстом который рассматривают в связи с обучением процессу аннотирования разнообразных текстов [15–17]. Основное внимание исследователи уделяют извлечению и формулированию ключевых идей исходного текста посредством использования правил и стратегий аннотирования: удаления неважной или избыточной информации (*deletion*); объединения предложений исходного текста для получения предложений, обобщающих его содержание (*sentence combination*); замены группы слов, набора понятий или идей оригинального текста одним словом или словосочетанием (*generalization*); замены слов аннотируемого текста синонимами (*paraphrasing*); отбора заглавных (тематических) предложений (*topic sentence selection*); эксплицитного формулирования идеи, не выраженной в оригинальном тексте прямо и соотнесения этой идеи с ключевыми словами и словосочетаниями (*invention*) [15–17].

Во-вторых, для понимания жанровой природы ЛПС значимо его сопоставление с двумя жанрами рекламного дискурса: трейлером (*trailer*) [11, 12] и рекламной издательской аннотацией (*blurb*) [13, 14]. Оба жанра, по мнению ряда исследователей, характеризуются главенством персузивной цели над информационной [18–22]. Убеждающее воздействие в этих жанрах направлено на побуждение адресата совершить посткоммуникативное действие (сходить в кино или купить рекламируемую книгу), и участникам прекрасно известны намерения друг друга [19, 23]. Подчеркивается значительная роль оценки в обеспечении персузивного эффекта [20–22]. Согласно результатам исследований, персузивность этих жанров обеспечивается посредством воспроизведимых атTRACTоров, к которым относится, с одной стороны, разнообразная фактическая информация (например, название фильма / книги, имя режиссера / автора, актерский состав, литературные премии, жанр фильма / книги, стереотипные сюжетные эпизоды); с другой стороны, элементы, требующие дополнительных интерпретативных усилий (ключевые концепты, лингвокультурные, архетипические образы и мотивы, ценности целевой группы) [18–20, 22, 24–28].

Воздействующий потенциал изначально присущ ЛПС как части резюме, которое выпол-

няет рекламную и воздействующую функции (подробнее о функциях резюме см. в [29]) и является частью своеобразного процесса продвижения товара (адресанта) на рынке труда [30]. Отсюда и специфическая рекламная лексика в рекомендациях по написанию ЛПС (о функциях ЛПС – *another piece of advertising; sales pitch; the place to highlight your personal brand; selling your best points to a potential employer*; о качествах соискателя – *a valuable asset to any employer, bigger investment for your employer*) [7–9, 13–14]. Стремление адресанта завладеть вниманием адресата здесь вытесняет функцию информирования на периферию (примеры этого находим в рекомендациях: *is used to grab the attention of the recruiter or hiring manager; adding a personal profile ensures they grab the bait; is an effective attention-grabber; the resume personal statement hooks in a reader, influencing them to read more*) [10, 12, 13].

Стремление получить положительную оценку потенциального работодателя позволяет охарактеризовать ПС как презентацию восприимчивого типа (следуем терминологии А. Ю. Касаткиной, О. А. Пикулёвой и В. В. Хороших) [31–33]. Рекламный и воздействующий потенциал текстов ЛПС делает ПС в них проактивной (направленной на управление поведением адресата с целью получения желаемой вакансии) и асертивной (предлагающей активность в создании максимально привлекательного образа кандидата на конкретную должность).

Безусловно, адресант отбирает из уже написанного резюме самую важную фактическую информацию, которая положительным образом его характеризует (такой подход к ПС описывает А. Ю. Касаткина [31]). Эти сведения соотносятся со структурными элементами ЛПС (описанием профессиональной самоидентификации (*Who you are?*), знаний, навыков и качеств, необходимых для конкретной должности (*What you can offer the company?*), карьерных целей (*Your career goals*)) и основными тактиками самопрезентации, выделенными для резюме И. Ю. Котовой (тактиками самономинации, самодескрипции, презентации собственных профессиональных достижений и описания собственных профессиональных обязанностей) [34]. Включение сведений в ЛПС, как и в резюме в целом, может определяться необходимостью пройти проверку прикладным программным обеспечением для подбора персонала и автоматизации найма (*Applicant Tracking System (ATS)*), которое, как правило, отсортирует резюме по принципу наличия / отсутствия ключевых слов, вводимых в программу из объявлений о вакансии и ее описания.

Однако, учитывая, что персузивный текст создается с учетом характеристик, ценностей, установок и интересов адресата, в тексте ЛПС должны быть отражены значимые для адресата аттракторы, которые способны усилить воздействие объективной информации (о влиянии на самопрезентацию таких внешних факторов, как ценность цели, социальные и культурные нормы, ожидаемые реакции аудитории, значимость внешней оценки, ценности других людей см. в [32: 145–147]). Соответственно, в задачи исследования входило определение того, какую фактическую информацию и дополнительные смыслы, то есть какие аттракторы, адресант считает необходимым включить в ЛПС для оказания достаточного убеждающего воздействия.

Профессиональная самоидентификация и ее влияние на ПС в ЛПС

Первичный анализ текстов ЛПС показал, что несмотря на универсальность и мета-профессиональный характер дискурса труда-устройства, тексты представителей разных профессий имеют свои особенности. Учитывая это соображение, мы разделили ЛПС на семь групп на основании профессиональной самоидентификации соискателей в рамках тактики самономинации: 1) социальная сфера и сфера услуг (18 примеров); 2) сфера коммерческой деятельности (15 примеров); 3) руководящие должности (19 примеров); 4) вспомогательный персонал (12 примеров); 5) сфера производства (15 примеров); 6) выпускники школ, колледжей и университетов (36 примеров); 7) без профессиональной самоидентификации (5 примеров).

К первой группе мы отнесли следующие профессии: *chemistry professor, dining server, fire engineer, head chef, joiner, learning support assistant, nurse, pharmacologist, support worker, teacher, teaching assistant*). Во вторую группу вошли профессии в сфере коммерческой деятельности: *business analyst, client service specialist, customer service advisor, ecommerce and digital marketing specialist, estate agent, growth marketer, marketing expert, purchasing, stock control and logistics specialist, sales professional / representative, stock controller and procurement professional, strategic advisor*. Третья группа представлена менеджерами разного звена. Четвертая группа объединяет соискателей, которые обеспечивают слаженную работу организации (*accountant, administrative assistant / professional, executive assistant, HR professional, human resources officer, insurance administrator, office administrator / manager, personal assistant*). В пятой группе собраны профили специалистов, результатом профессиональной деятельности которых является

определенный продукт (*camera operator, chemical engineer, civil engineer, content writer, graphic designer, IT professional, Java developer, mechanical engineer, product engineer, research writer, SEO copywriter*). Представители шестой группы (вчерашние выпускники) используют в качестве самономинации *academic achiever, recent student, undergraduate, young professional*. Авторы профилей седьмой группы используют либо нейтральные *individual, person*, либо указание на какое-то качество, например, *good timekeeper, team worker*.

Рассмотрим специфику ПС для каждой из выделенных групп в рамках реализации тактик самодескрипции, презентации собственных профессиональных достижений и описания собственных профессиональных обязанностей (согласно И. Ю. Котовой [34]).

К языковым средствам реализации тактики самодескрипции обычно относят прилагательные [34]. Наш анализ показал, что прилагательные в анализируемых ЛПС (как правило, выражающие оценку) отражают три аспекта: «общее отношение к работе», «отношение к клиенту (партнерам) / другим сотрудникам» и «качества, рассматриваемые соискателем как ценные для ведения профессиональной деятельности».

Прилагательные, описывающие общее отношение к работе представителей социальной сферы и сферы услуг, указывают а) на интерес к работе и увлеченность ею (*enthusiastic (4), passionate (3), motivated*); б) на преданность профессии, решимость и уверенность в выполнении обязанностей (*dedicated (2), committed, confident, determined, loyal*); в) на добросовестность и трудолюбие (*conscientious, hard-working*). В отношении к клиентам значимыми являются проявление дружелюбия, заботы, сострадания и терпения (*caring (3), friendly (3), compassionate (2), patient*), оказание поддержки / помощи и способность вдохновлять на выполнение действий (*inspirational (2), instrumental, supportive*). Качества, позволяющие успешно справляться с профессиональными задачами, обозначаются прилагательными, подчеркивающими наличие необходимого опыта, подготовки, квалификации, специальных навыков, постоянной практики (*experienced (4), qualified (2), skilled (2), accomplished, certified, professional, trained, registered, talented, well-practiced*). В диапазон ценных качеств также входят способность приспосабливаться к новым условиям и готовность воспринимать иную точку зрения (*adaptable, flexible, open-minded*), творческий подход (*creative, innovative*), умение работать в коллективе (*collaborative*).

Прилагательные *disciplined* и *safety conscious* связаны с принципом, важным для данной группы профессий: необходимостью ру-

ководствоваться предписаниями, правилами, стандартами для обеспечения безопасности клиента и качества услуг. 44% текстов прямо указывают на этот принцип: например, *ensuring compliance with policies and guidelines to inspire the delivery of effective support; application of health and safety procedures; knowledge of food and hygiene regulations; experience of delivering both the GCSE and common core curriculums; working in a highly controlled working environment*.

При описании профессиональных достижений и обязанностей соискатели делают акцент на **специальных навыках** (например, *expansion and oversight of academic programs, policies, and initiatives; development, implementation, evaluation, and continuous improvement of challenging and inspiring curricula; to provide a comprehensive range of medical functions and palliative / acute case attendance*); подчеркивают **ценность заботы, поддержки, мотивации к развитию** (*delivery of effective support to create a safe and productive environment for optimal learning; delivery of the best possible care and assistance to clients; to build top-performing teams exclusively committed to the academic success of each student; to deliver compassionate care to patients*).

При упоминании клиентов, навыков или условий работы соискатели данной группы указывают на свою **универсальность** (*people of all ages; pupils from all backgrounds; children who had a variety of learning needs; a variety of patients ranging from children suffering from development problems to adults and the elderly affected by and recovering from injuries and movement disorders; in a variety of subjects; a range of shifts*).

Отношение к работе кандидатов на должности в сфере коммерческой деятельности характеризуется значимостью трудолюбия (*hardworking* (3), *diligent*), заинтересованности (*enthusiastic* (2), *motivated*), преданности (*committed*) и уверенности в достижении цели (*positive*). В отношении к клиенту на первый план выступают расположность (*friendly* (2)), готовность к взаимодействию (*approachable*), способность оказывать влияние и менять ситуацию (*influential, pivotal*). Принципиальное значение имеют опыт и профессионализм (*experienced* (2), *accomplished, certified, skilled, commercially astute, mature*), что подтверждается и использованием кандидатами существительных *expert* (2) и *expertise* (2) и наречия *expertly* (1). К качествам, влияющим на эффективное выполнение обязанностей, можно отнести предпримчивость (*entrepreneurial*), практичность (*pragmatic*) и способность достигать больших результатов, чем ожидалось (*target beating*), и творческий подход (*creative*). Особое значение имеет спо-

собность работать с представителями других стран (*bilingual, international* (2), наречия *internationally*, наименования стран и регионов).

Безусловной ценностью является **высокая результативность**. К значимым достижениям и выполняемым обязанностям соискатели относят умение взаимодействовать с клиентами (*to conduct viewings with potential tenants and buyer; to deal with customers' enquiries and complaints*); способность к аналитическому мышлению и планированию (*to analyse 'as is' processes and define 'to be' processes; to design business processes; to develop sales and marketing plans; to devise marketing strategies*); стремление повысить прибыль (например, *to boost sales; to grow conversion rates; to increase productivity; to improve cash flow and warehouse capacity; to maximise ROI*) и устранение препятствий к ее получению (*to eradicate bulk order discrepancies; to minimise loss*). С точки зрения результативности оцениваются и гибкие навыки, например, коммуникативные (60% текстов): *remarkable successes in the realisation of revenue via the effective negotiation of contracts and the up-sell of high-end property, to network at industry events to generate leads; to negotiate substantial discounts; to formulate compelling presentations and bespoke solutions that repeatedly win business*.

В 60% текстов соискатели подчеркивают **интенсивность** проявления навыка или получение более высокого результата (*exceptional consultancy strengths; extensive digital industry knowledge; to exceed my sales targets; to provide excellent customer service*). 53% авторов используют количественные показатели для усиления воздействия: *to resolve more than 150 issues; to increase sales by 44% in 6 months; grow employee grasp of key concepts by 37%*.

Представители данной группы в своих текстах активно эксплуатируют понятия **исключительности и универсальности** (53% текстов), указывая на взаимодействие с ведущими компаниями, продажу элитных товаров (например, *blue-chip multinationals; multimillion pound marketing campaign; businesses rated the UK's fastest-growing; high-end property*); подчеркивая способность работать с любыми клиентами, в любых условиях и решать любые задачи (например, *to sell products and services to customers from all backgrounds; to provide excellent customer service at all times; to achieve the highest standard possible at any given task; to explore all avenues in the pursuit of attracting target market to any organization*).

В отношении к работе претенденты на должности руководителей демонстрируют уверенность, мотивацию к достижению успеха, интерес и увлеченность (*confident* (2),

driven, motivated, passionate), инициативность и упорство (*proactive, tenacious*). В отношении к сотрудникам важным является спокойствие и готовность к взаимодействию (*calm, approachable*). К качествам эффективного руководителя относят а) опыт работы, профессионализм и специальную подготовку (*experienced (3), adept (2), accomplished, capable, certified, expert, qualified*); б) предпринимчивость и целеустремленность (*entrepreneurial, ambitious, target-oriented*); в) внимание к деталям и практичность (*meticulous, practical, pragmatic*); г) важность международной деятельности (*bilingual, cosmopolitan*); д) способность четко и логично мыслить (*clear, logical* в сочетании с существительным *mind*).

89% претендентов на руководящие должности обращают внимание адресата на свою исключительную **результативность** через использование глаголов со значениями «увеличение», «создание объекта», «достижение цели». В 58% случаев эта ценность эксплицируется через лексику со значением **интенсивности и успешности** (например, *to excel sales targets; maximum productivity; numerous important contract wins; supreme success*); в 47% – количественными показателями.

Следующей по значимости ценностью (58% текстов) является **умение функционировать в сложных или меняющихся условиях и ситуациях многонационального / междисциплинарного общения** (*to meet changing business needs; to adapt to new challenges; to manage multinational workforces; to lead cross-functional product teams*).

Для потенциальных руководителей равную значимость (47% профилей) имеют **управленческие навыки** (например, *to hold country leadership roles; to lead teams across multiple sectors; to drive teams in the pursuit of customer excellence*) и **способность устанавливать продуктивное взаимодействие** со всеми участниками профессиональной деятельности (например, *My excellent networking skills have provided my team with vital client leads, and my ability to develop client relationships has resulted in an 18% increase in business renewals for my current organization*).

Здесь, как и в предыдущей группе, эксплуатируется понятие **исключительности** (47% текстов): например, *to penetrate new markets for world-class luxury goods brand; to lead projects in a competitive hospital; to manage the top performing store*.

Для 31% соискателей в этой группе важным показателем профессионализма является **знание всего профессионального цикла** (например, *technical projects through the full project life-cycle; leading projects from initial concept to*

completion), что, на наш взгляд, соотносится с вниманием к деталям и практичностью.

Для сотрудников, обеспечивающих слаженную работу офиса, в отношении к работе доминируют увлеченность и наличие интереса (*motivated (5), enthusiastic*), преданность делу (*committed (2), dedicated*), уверенность (*confident*) и трудолюбие (*hard-working*). Кроме дружелюбного отношения к сотрудникам и клиентам, актуальными становятся дипломатичность (*diplomatic*), предупредительность (*helpful*), способность влиять на ситуацию (*pivotal*), внимательное отношение к проблемам сотрудников (*sensitive*). Помимо опыта, квалификации, навыков (*experienced (3), proficient (2), accomplished, certified, commercially astute, multi-skilled, professional, skilled, triple masters qualified*), значение приобретают целеустремленность (*ambitious*), гибкость (*flexible*), скрупулезность, внимание к деталям (*meticulous*), организованность (*organized*), знание иностранного языка (*bi-lingual*).

Представители этих профессий обеспечивают взаимодействие между организацией и клиентами, между сотрудниками, между руководителем и подчиненными, поэтому для них решающим является **умение осуществлять устную и письменную коммуникацию** (66% текстов): например, *to run high quality reports and analyses in the requisite style and format; to lead meetings; proficiency in minute-taking; experience organizing presentations, preparing facility reports*.

Вторым по значимости профессиональным «активом» (58% текстов) являются достижения и обязанности, которые соотносятся с **предупредительностью и способностью влиять на ситуацию** и указывают на эффективность в обеспечении работы офиса, оказание поддержки и услуг другим сотрудникам организации: например, *to act as first point of contact in person, by email and on the telephone; to keep your office running smoothly and efficiently; to initiate improvements to streamline operations within the office; to assist all colleagues and customers whom I support; to provide expert employee life cycle services across multiple departments*.

Сотрудники данной сферы имеют доступ к персональным данным и конфиденциальной информации, поэтому важным оказываются **честность, добросовестность и принципиальность** (33% соискателей): например, *to demonstrate the utmost discretion and integrity when dealing with confidential information; my honest approach and reliable nature; to engender trust*.

По той же причине 33% претендентов на подобные должности подчеркивают свою **способность минимизировать риски**: напри-

мер, to ensure businesses under my control are equipped with the tools necessary to meet aggressive sales and growth plans; to minimise business risk.

Сотрудники, занятые производством, выражают свое отношение к работе с помощью прилагательных, указывающих на увлеченность работой и наличие внутренней мотивации (*passionate, self-motivated*), преданность делу (*dedicated*), уверенность при выполнении обязанностей (*confident (2)*), трудолюбие (*hardworking*) и инициативный подход (*proactive*). В текстах этой группы отсутствуют прилагательные, выражающие отношение к клиенту. Для описания качеств, необходимых для успешной деятельности, соискатели обращаются как к прилагательным, частотным для других групп (*skilled (6), competent, expert, highly-experienced, professional*), так и единицам, описывающим узкоспециализированные качества (*articulate* – для автора научных публикаций, *technically advanced* – для специалиста, который пишет, тестирует и поддерживает программы на языке Java) или характерные для определенной профессиональной деятельности (*creative (3), artistic* – для графического дизайнера). В текстах также зафиксированы прилагательные, обозначающие осведомленность работника (*knowledgeable*), целеустремленность (*ambitious (2)*), успешность в выполнении работы (*successful*), открытость новым идеям (*innovative (3)*), умение сосредотачиваться (*focused*).

Главными показателями эффективности работы представителей группы и принципиальной ценностью являются **«продукт» и навыки по его созданию** (включая используемое программное обеспечение, специальное оборудование), **внедрению и эксплуатации**, а также те изменения, которые его производство, разработка и применение, вызвали: например, *successful creation of new ideas and concepts, the development of interactive designs; vast experience in engineering design; to use a wide range of technical equipment, including professional cinematography camcorders; to grow readership by over 200%; to improve email open rates by 48%*.

В 53% профилей подчеркивается **удовлетворение от осознания практической значимости профессиональной деятельности**: например, *My greatest passion in life is using my technical know-how to benefit other people and organisations; I pride myself in providing excellent service to all stakeholders and seeing the positive impact I make in people's lives and businesses; Able to stretch the boundaries of web design and digital storytelling to help your brand stand out*.

Для 20% соискателей значимым является **знание всего производственного цикла**: на-

пример, *to manage the complete design process, from conceptualization to delivery; to run new development projects from briefing to sign off*.

Отношение выпускников к работе выражается стандартным набором лексических единиц: *motivated (7), passionate (2), driven, enthusiastic, self-motivated, committed (3), confident (3), hardworking (4), diligent*. В отношении к клиентам ценится расположенность и готовность к взаимодействию (*affable, approachable*). Выпускники отмечают наличие навыков, знаний и способностей (*adept (3), astute (2), proficient (2), skilled (2), well-versed (2), certified, intelligent, skilful, talented*), способность к анализу, внимание к деталям, умение организовывать себя (*analytical, detail-orientated, focused, organized, results-orientated*); надежность и ответственность (*reliable (2), responsible (2), trustworthy (2)*); целеустремленность и активность (*ambitious (3), energetic (2), dynamic*); открытость новому и творческий подход (*innovative (2), creative*); гибкость (*adaptable (3)*); достижения (*A-Level (2), commended*); разносторонность (*versatile (2)*); коммуникативные навыки (*communicative*) и знание иностранного языка (*bi-lingual*).

Пытаясь компенсировать отсутствие опыта работы, 49% выпускников упоминают учебные практики, летние школы, стажировки, волонтерство: например, *two 3-month university legal firm placements; shadowing barristers, paralegals, solicitors and lawyers; a summer programme in the fundamentals of marketing; internships at industry-leading agencies; my voluntary experience for a crisis hotline*.

42% представителей этой группы делают акцент на **достижениях и успехах в учебе** (например, *with extremely high exam results in mathematics and English across both GCSEs and A levels; with a first-class BSc degree in Mathematics; multiple honors based on merits*).

29% выпускников обращают внимание адресата на **умение сочетать учебу и внеаудиторную деятельность**, что призвано подчеркнуть наличие навыков управления временем: например, *to balance studies alongside regular football practice and matches; to successfully juggle academic and professional commitments; to combine my studies with work and other commitments*. В качестве значимых отмечаются **коммуникативные навыки и умение работать в команде** (26%), **навыки межличностного общения и аналитические навыки** (23%), **способность выполнять задания в срок** (20%).

В силу отсутствия профессиональной самоидентификации, представители последней группы не демонстрируют никакие профессиональные достижения и ограничиваются общими замечаниями об отношении к рабо-

те (*enthusiastic, motivated, self-motivated, hard working* (2) *honest* (2), *dedicated*); об отношении к клиентам (*friendly* (2), *outgoing, helpful, polite, tactful*); о качествах, обеспечивающих успешное выполнение обязанностей (*reliable* (3), *dependable, responsible, punctual* (2), *methodical, organized, well organized, adaptable, flexible*), а также гибких навыках.

Выводы

Создаваемые как обобщающие тексты для всего резюме (как вторичные по аналогии с аннотациями), ЛПС в сжатом виде представляют ключевую информацию, отбираемую адресантом для достижения максимального убеждающего воздействия. Оказание персузивного эффекта – основная цель ПС как центральной коммуникативной стратегии ЛПС, обусловленная общей функциональной направленностью резюме (рекламной и воздействующей функциями). Главное назначение ЛПС – привлечь внимание адресата и побудить его прочитать резюме (желаемое посткоммуникативное событие): получить фактическую информацию об адресанте адресат может из других частей резюме.

Эти особенности ЛПС определяют характер ПС как презентации восприимчивого типа, проактивной и ассертивной. Для оказания воздействия адресант включает в ЛПС не только описание своих положительных сторон, но и информацию (аттракторы), значимые для адресата как участника дискурса трудоустройства и представителя определенной национальной, культурной и социальной общности. Такая информация может выражаться эксплицитно и имплицитно.

Эксплицитные способы ПС включают предъявление адресантом определенных фактов, описание важных личностных качеств (включая собственно профессиональные), к числу которых для шести групп относят

заинтересованность в работе и высокую мотивацию, направленность на клиента, професионализм. Для каждой группы, кроме профилей без профессиональной самоидентификации, были выделены специфические качества, наличие которых подтверждается описанием соответствующих профессиональных достижений и обязанностей. Последние, в свою очередь, соотносятся с профессиональными ценностями, отвечающими ожиданиям потенциального работодателя: социальная сфера и сфера услуг (забота, поддержка, мотивация к развитию, соблюдение правил и предписаний); сфера коммерческой деятельности (высокая результативность); руководящие должности (результативность, умение действовать в сложных ситуациях, продуктивное взаимодействие, умение управлять, знание производственного цикла); вспомогательный персонал (умение осуществлять коммуникацию, способность влиять на ситуацию, честность и способность минимизировать риски); сфера производства (продукт и практическая значимость профессиональной деятельности); выпускники (академические достижения и управление временем).

Имплицитными способами ПС, кроме знания правил составления ЛПС, является трансляция смыслов, которые оказывают на адресата дополнительное воздействие, например, понятия универсальности, исключительности, интенсивности проявления навыков. Такие понятия выражаются с помощью лексических единиц, передающих соответствующие значения, а также числительных.

В задачи дальнейшего исследования может входить сопоставление ЛПС с основной частью текстов резюме представителей различных сфер с целью определения того, насколько точно профили отражают описанные в резюме качества, навыки, достижения и обязанности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turner J., Baker M. 9 Future of Work Trends Post COVID-19. URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/9-future-of-work-trends-post-covid-19> (дата обращения: 16.04.2022).
2. Fuller J., Kerr W. The Great Resignation Didn't Start with the Pandemic // Harvard Business Review (March 23, 2022). URL: <https://hbr.org/2022/03/the-great-resignation-didnt-start-with-the-pandemic> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Matei A. Why job searches suck right now // Business Insider. URL: <https://www.businessinsider.com/ai-chatgpt-hiring-ghost-interviews-job-search-weird-labor-market-2023-5> (дата обращения: 20.06.2023).
4. Стеблецова А. О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 6 (717). С. 532–543.
5. Аликина А. В., Гриценко Е. С. Английский язык как смыслопорождающий ресурс в российском дискурсе трудоустройства // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 6 (717). С. 52–60.
6. Dudley-Evans T. Genre models for the teaching academics writing to second language speakers: Advantages and disadvantages // Functional Approaches to Written Text: Classroom Applications / ed. T. Miller. Washington DC, 1997. P. 150–160.
7. Bax R. How to write a resume personal statement. URL: <https://resume.io/how-to-write-a-resume/resume-personal-statement> (дата обращения: 30.01.2023).
8. Case A. Resume Personal Statement: How to Write & 7+ Professional Examples. URL: <https://resumegenius.com/>

- blog/resume-help/resume-personal-statement (дата обращения: 30.01.2023).
9. Mohmand S. Best CV Personal Profile Examples. URL: <https://www.cvplaza.com/cv-personal-profile/how-to-write-a-personal-profile-statement/> (дата обращения: 30.01.2023).
10. How to Write a CV Personal Statement. URL: <https://novoresume.com/career-blog/cv-personal-statement-examples> (дата обращения: 30.01.2023).
11. How to add the perfect personal statement to your CV. URL: <https://www.ethicaljobs.com.au/blog/how-to-add-the-perfect-personal-statement-to-your-cv> (дата обращения: 30.01.2023).
12. Tomaszewski M. Personal Statement/Personal Profile for Resume/CV: Examples. URL: <https://zety.com/blog/cv-personal-statement-profile> (дата обращения: 30.01.2023).
13. How to write a personal profile for your CV in 2022. URL: <https://www.cv-library.co.uk/career-advice/cv/write-personal-statement-cv/> (дата обращения: 30.01.2023).
14. Smith J. Writing a personal statement for your CV. URL: <https://www.prospects.ac.uk/careers-advice/cvs-and-cover-letters/writing-a-personal-statement-for-your-cv> (дата обращения: 30.01.2023).
15. Abdi A., Idris N., Alguliyev R. M., Aliguliyev R. M. An Automated summarization assessment algorithm for identifying summarizing strategies // PLoS ONE. 2016. Vol. 11, iss. 1. P. 1–35. Art. e0145809. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0145809> (дата обращения: 27.01.2024).
16. Chew C. S., Wu W.-C. V., Idris N., Loh E. F., Chua Y. P. Enhancing summary writing of esl learners via a theory-based online tool: System development and evaluation // Journal of Educational Computing Research. 2020. Vol. 58, iss. 2. P. 398–432. <https://doi.org/10.1177/0735633119837>
17. Путиловская Т. С. Написание саммери как один из начальных этапов обучения академическому письму // Межкультурная коммуникация и СМИ. 2023. № 24. С. 88–95.
18. Власенко О. К., Выхованец Н. А. Особенности трейлера как жанра рекламного дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4 (106), ч. 4. С. 12–15. <https://doi.org/10.2370/IRJ.2021.106.4.106>
19. Породин И. В. Особенности взаимодействия рекламного и кино-дискурсов в контексте персузивной коммуникативной стратегии // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 102, ч. 2. С. 198–201. <https://doi.org/10.18411/trnjo-10-2023-115>
20. Gea-Valor M.-L. Advertising books: A linguistic analysis of blurbs // Iberica. 2005. Vol. 10. P. 41–62.
21. Гаврик Р. В. Коннотативная лексика в оценочном комментарии издательства к художественному тексту на английском языке // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10, № 2 (35). С. 235–238. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1002-0062>
22. Зoidзе Э. А. Текст на обложке книги: о сущности жанра аннотации (Text on Book Cover: Blurb as a Genre) // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 73–95. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-73-95>
23. Андреева В. А. Нарратив в персузивной коммуникации (на примере рекламного дискурса) // Научный диалог. 2018. № 12. С. 9–23. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-9-23>, EDN: YTPYX
24. Прасолова О. Д. Рекламный ролик к фильму как компонент кинодискурса // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2023. Вып. 63, ч. 3. С. 93–104. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104>
25. Степанова А. В., Безменова Л. Э., Рахматуллина Д. Р. Интертекстуализация как ключевой механизм создания текста трейлера // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2 (95). С. 92–105. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-7>
26. Колесникова О. И. Персузивный текст издательской аннотации: лингвокультурный аспект // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 22. С. 125–138. <https://doi.org/10.17233/23062061/2218>
27. Ноакк Н. В., Знаменская А. Н. Анализ архетипов кинопродукции как условие прогнозирования ее экономического успеха // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. Т. 10, № 22 (259). С. 57–63.
28. Милютин В. С. Влияние ценностного содержания трейлера на формирования интереса к фильму // Социодинамика. 2018. № 5. С. 29–35. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26297>
29. Косолапова Т. В. Функционально-стилистические и гендерные характеристики частной деловой документации на английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. 21 с.
30. Тойкина О. В. Лингвокультурологические аспекты институционального дискурса в жанре резюме : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2014. 23 с.
31. Касаткина А. Ю. Способы самоидентификации и самопрезентации субъекта профессиональной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 235–237.
32. Пикулёва О. А. Самопрезентация личности как средство управления впечатлением: анализ факторов влияния // Научное мнение. 2014. № 2. С. 140–149.
33. Хороших В. В. Психологические факторы успешности самопрезентации : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 193 с.
34. Котова И. Ю. Языковые средства самопрезентации и презентации в документации при поиске работы (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2023. 161 с.

REFERENCES

1. Turner J., Baker M. 9 Future of Work Trends Post COVID-19. Available at: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/9-future-of-work-trends-post-covid-19> (accessed April 16, 2022).
2. Fuller J., Kerr W. The Great Resignation Didn't Start with the Pandemic. *Harvard Business Review* (March 23, 2022). Available at: <https://hbr.org/2022/03/the-great-resignation-didnt-start-with-the-pandemic> (accessed March 27, 2022).
3. Matei A. Why job searches suck right now. *Business Insider*. Available at: <https://www.businessinsider.com/ai-chatgpt-hiring-ghost-interviews-job-search-weird-labor-market-2023-5> (accessed June 20, 2023).
4. Stebletsova A. O. Business discourse and its types: An algorithm of analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, iss. 6 (717), pp. 532–543 (in Russian).
5. Alikina A. V., Gritsenko E. S. English as a resource of meaning construction in russian employment discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2015, iss. 6 (717), pp. 52–60 (in Russian).

6. Dudley-Evans T. Genre models for the teaching academics writing to second language speakers: Advantages and disadvantages. In: Miller T., ed. *Functional approaches to written text: Classroom applications*. Washington DC, 1997, pp. 150–160.
7. Bax R. *How to write a resume personal statement*. Available at: <https://resume.io/how-to-write-a-resume-resume-personal-statement> (accessed January 30, 2023).
8. Case A. *Resume Personal Statement: How to Write & 7+ Professional Examples*. Available at: <https://resumegenius.com/blog/resume-help/resume-personal-statement> (accessed January 30, 2023).
9. Mohmand S. *Best CV Personal Profile Examples*. Available at: <https://www.cvplaza.com/cv-personal-profile/how-to-write-a-personal-profile-statement/> (accessed January 30, 2023).
10. *How to Write a CV Personal Statement*. Available at: <https://novoresume.com/career-blog/cv-personal-statement-examples> (accessed January 30, 2023).
11. *How to add the perfect personal statement to your CV*. Available at: <https://www.ethicaljobs.com.au/blog/how-to-add-the-perfect-personal-statement-to-your-cv> (accessed January 30, 2023).
12. Tomaszewski M. *Personal Statement/Personal Profile for Resume/CV: Examples*. Available at: <https://zety.com/blog/cv-personal-statement-profile> (accessed January 30, 2023).
13. *How to write a personal profile for your CV in 2022*. Available at: <https://www.cv-library.co.uk/career-advice/cv/write-personal-statement-cv> (accessed January 30, 2023).
14. Smith J. *Writing a personal statement for your CV*. Available at: <https://www.prospects.ac.uk/careers-advice/cv-and-cover-letters/writing-a-personal-statement-for-your-cv> (accessed January 30, 2023).
15. Abdi A., Idris N., Alguliyev R. M., Aliguliyev R. M. An automated summarization assessment algorithm for identifying summarizing strategies. *PLoS ONE*, 2016, vol. 11, iss. 1, pp. 1–35, art. e0145809. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0145809> (accessed January 27, 2024).
16. Chew C. S., Wu W.-C. V., Idris N., Loh E. F., Chua Y. P. Enhancing summary writing of ESL learners via a theory-based online tool: System development and evaluation. *Journal of Educational Computing Research*, 2020, vol. 58, iss. 2, pp. 398–432. <https://doi.org/10.1177/0735633119837>
17. Putilovskaya T. S. Summary writing as an initial stage of teaching academic writing. *Intercultural Communication and Mass Media*, 2023, no. 24, pp. 88–95 (in Russian).
18. Vlasenko O. K., Vykhovanets N. A. Features of the trailer as a genre of advertising discourse. *International Research Journal*, 2021, no. 4 (106), part 4, pp. 12–15 (in Russian). <https://doi.org/10.2370/IRJ.2021.106.4.106>
19. Porodin I. V. Characteristics of interaction of advertising and film discourses in the context of implementation of persistence communication strategy. *Trends in Development of Science and Education*, 2023, no. 102, part 2, pp. 198–201 (in Russian). <https://doi.org/10.18411/trnio-10-2023-115>
20. Gea-Valor M.-L. Advertising books: A linguistic analysis of blurbs. *Iberica*, 2005, vol. 10, pp. 41–62.
21. Gavrik R. V. Connotative vocabulary in the comments on the literary text in English. *Baltic Humanitarian Journal*, 2021, vol. 10, no. 2 (35), pp. 235–238 (in Russian). <https://doi.org/10.26140/bg3-2021-1002-0062>
22. Zoidze E. A. Text on book cover: Blurb as a genre. *Nauchnyi Dialog*, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 73–95 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-13-2-73-95>
23. Andreyeva V. A. Narrative in persuasive communication (by example of advertising discourse). *Nauchnyy dialog*, 2018, no. 12, pp. 9–23 (in Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-12-9-23>, EDN: YTPIYX
24. Prasolova O. D. Film trailers as a component of film discourse. *LUNN Bulletin*, iss. 63, part 3, pp. 93–104 (in Russian). <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-93-104>
25. Stepanova A. V., Bezmenova L. E., Rakhmatullina D. R. Intertextualization as a key mechanism in creating the text of the trailer. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2020, no. 2 (95), pp. 92–105 (in Russian). <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-2-95-7>
26. Kolesnikova O. I. The persuasive text of publishers annotations: A linguocultural aspect. *Text. Book. Publishing*, 2020, no. 22, pp. 125–138 (in Russian). <https://doi.org/10.17233/23062061/2218>
27. Noakk N. V., Znamenskaya A. N. Analysis of film production archetypes as a condition of forecasting its economic success. *National Interests: Priorities and Security*, 2014, vol. 10, no. 22 (259), pp. 57–63 (in Russian).
28. Miliutin V. S. Impact of value content of a trailer on forming interest in a film. *Sociodynamics*, 2018, no. 5, pp. 29–35 (in Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26297>
29. Kosolapova T. V. *Functional and Stylistic and Gender Characteristics of Private Business Documentation in English*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Samara, 2013. 21 p. (in Russian).
30. Toykina O. V. *Linguocultural Aspects of Institutional Discourse in a Genre of Resume*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Izhevsk, 2014. 23 p. (in Russian).
31. Kasatkina A. Yu. Ways of self-identification and self-presentation of a subject in professional field. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies*, 2011, no. 24 (239), iss. 57, pp. 235–237 (in Russian).
32. Pikuleva O. A. Personality self-presentation as a means of impression management: The analysis of impact factors. *The Scientific Opinion*, 2014, iss. 2, pp. 140–149 (in Russian).
33. Khoroshikh V. V. *Psychological Factors of Successful Self-presentation*. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). St.-Petersburg, 2001. 193 p. (in Russian).
34. Kotova I. Yu. *Language Means of Self-presentation and Presentation in Documentation in a Job-hunting Process (the Case Study of the English Language)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Voronezh, 2023. 161 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 27.03.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 20.04.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 27.03.2024; approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 20.04.2024; published 28.11.2025

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 408–415

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 408–415

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-408-415>, EDN: SJKGDT

Научная статья

УДК 821.161.1.09-14+929Лермонтов

К вопросу о форме и жанре лирической миниатюры М. Ю. Лермонтова «Синие горы Кавказа, приветствую вас!»

В. П. Москвин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия, 400066,
г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, д. 27

Москвин Василий Павлович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка
и методики его преподавания, vasmoskvin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6849-253X>

Аннотация. Проанализирован знаковый для русской культуры текст М. Ю. Лермонтова «Синие горы Кавказа, приветствую вас!». Исследование показало, что по своей жанровой принадлежности данный текст представляет собой энкомий – хвалебную речь в честь божества или героя, первоначально в стихотворной форме. Жанровой принадлежностью текста определяется его элокутивная форма, в частности периодическая и стопная ритмизация, приближающие данную миниатюру к звучанию стиха. Стопная ритмизация придает тексту форму ритмической прозы; трактовки данного текста как «стихотворения в прозе» (напр.: В. В. Литвинов, А. М. Ранчин) трудно принять, поскольку стихотворение в прозе как речевой жанр не подвергается ни колометрической, ни тем более сквозной стопной ритмизации. Текст написан дактилем; дактиль как нисходящий метр сообщает миниатюре эмоциональную минорность. По своей форме текст является прозаическим, поскольку колометрическая запись («в столбик») и, соответственно, облигаторные терминальные паузы в нем отсутствуют. В этой связи сомнительны попытки трактовать данный текст как стихотворение, а также точка зрения, согласно которой ритм в данном тексте меняется от фразы к фразе (С. Н. Дурылин, Б. И. Ярхо, С. И. Кормилов и др.). Терминальные, в частности фразовые, паузы здесь неуместны, поскольку они ломают: а) дактилическую структуру текста, меняя минорный нисходящий ритм на мажорный восходящий; б) монотонное течение речи, отвечающее мелодике молитвы.

Ключевые слова: поэтика, стиховедение, жанр, энкомий, метрическая проза

Для цитирования: Москвин В. П. К вопросу о форме и жанре лирической миниатюры М. Ю. Лермонтова «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 408–415. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-408-415>, EDN: SJKGDT

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

On the question of the form and genre of M. Yu. Lermontov's lyrical miniature “Blue mountains of Caucasus, greetings to you!”

V. P. Moskvin

Volgograd State Pedagogical University, 27 V. I. Lenin Ave., Volgograd 400066, Russia

Vasilii P. Moskvin, vasmoskvin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6849-253X>

Abstract. The author analyzes the text of M. Yu. Lermontov's “Blue mountains of Caucasus, greetings to you!”, which is significant for Russian culture. The study shows that, by its genre, this text is an encomium – a eulogy in honor of a deity or hero, originally in a verse form. The genre of the text determines its eloquent form, in particular periodic and foot rhythmization, which bring this miniature closer to the sound of the verse. Foot rhythmization gives the text the form of rhythmic prose; the interpretation of this text as a “poem in prose” (e. g.: V. V. Litvinov, A. M. Ranchin) is difficult to accept, since a poem in prose as a speech genre

is not subjected to either colometric or a *fortiori* end-to-end foot rhythmization. The text is written in dactyl; dactyl, as a descending meter, gives the miniature an emotional minor. The text is prosaic in its form, since there is no writing “in a column” and, consequently, obligatory terminal pauses in it. In this regard, attempts to interpret this text as a poem are questionable, as well as the opinion that the rhythm in this text changes from phrase to phrase (S. N. Durylin, B. I. Yarkho, S. I. Kormilov, etc.). Terminal, in particular phrasal pauses are inappropriate here, since they break: a) the dactylic structure of the text, changing the minor descending rhythm to the major ascending one; b) the monotonous flow of speech corresponding to the melody of prayer.

Keywords: poetics, poetry studies, genre, encomium, metrical prose

For citation: Moskvin V. P. On the question of the form and genre of M. Yu. Lermontov’s lyrical miniature “Blue mountains of Caucasus, greetings to you!”. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 408–415 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-408-415>, EDN: SJKGDT

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Текст, название которого вынесено в заголовок настоящей статьи, является типовым объектом филологического анализа в средней школе; он принадлежит к числу лучших произведений золотого века русской классической литературы – тех, с которых начинается приобщение к русской культуре. Приведем данный текст по изданию Института русской литературы РАН / Пушкинского Дома [1] с двумя нашими поправками по первому изданию [2]:

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одицальных хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!.. <...> [1: 230].

Текст принадлежит художественному стилю, стилевыми доминантами последнего следует считать изобразительность содержания и эстетичность формы. Обе доминанты получили в данном тексте реализацию. Поставим в соответствие каждой доминанте приемы и средства ее выражения:

1. Изобразительность содержания, основным источником которой выступает *дескрипция* [лат. *descriptio* ‘изображение, описание’ < греч. διαγράφη] – фигура описания объекта «путем перечисления реальных или выдуманных наблюдаемых деталей» [3: 359]. Тип созданного этой фигурой художественного образа – пейзаж, средства выражения – тематическая цепочка горы, хребты, облака, небо, престолы природы, тучи и вершины, а также эпитеты синие и громовые. К числу дескрипций относятся, в частности, изображение звездного неба (астротезия), дерева (дendрография), ветра (анемография), водоема (гидрография), страны, территории

(география), местности (топография), народа (хорография), исторической эпохи, времени года или суток (хронография), произведения искусства (экфрасис) и др. Основой подобных описаний является дескриптивная («портретная») лексика, обозначающая все, что может стать объектом сенсорного восприятия: вкус (кислый, сладкий), запах (аромат, благоухание), звук (кричать, стонать), температуру (холодный, горячий), цвет (красный, черный), свойства поверхности (жесткий, мягкий), движение (лететь, бежать) и т. д.; разновидностью дескриптивной считается конкретная лексика. С помощью слов дескриптивной, т. е. «наблюдаемой», изобразительной, в частности конкретной семантики создаются художественные образы (см. обзор: [4]). Дескрипции сравнивают с картинами, писателя называют художником слова; эта же метафора лежит в основе терминов *художественная литература* и *художественная речь*; именно последняя наиболее ярко реализует изобразительную функцию языка.

Таким образом, функционально-смысловый тип речи, или «композиционно-речевая форма» [5: 70] анализируемой миниатюры – описание; ее композиция дает основание полагать, что по своему жанру текст представляет собой энкомий [греч. ἐγκώμιον ‘восхваление, панегирик’], т. е. риторизированную хвалебную речь в честь божества или героя, первоначально в стихотворной форме¹. В этом жанре, по свидетельству Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), писал Симонид Кеосский (ок. 556–469 до н. э.) – «[...] Σιμωνίδης, ὁ μελοποιός, ἄξιον τῆς ἀρετῆς αὐτῶν ποιήσας ἐγκώμιον, ἐν ᾧ λέγει “τῶν ἐν Θερμοπύλαις θανόντων [...]”» ‘лирический поэт, который воспел в энкомии доблесть героев, павших при Фермопилах’ [7: 15 / XI, 11: 13–15]; рефлексы раннеантичного понимания ощущимы в современных трактов-

¹ А. Ф. Мерзляков, преподававший риторику в Московском университете пансионе, где учился М. Ю. Лермонтов, среди видов «ораторских речей» выделяет речи «похвальные, заключающие въ себѣ похвалу заслугъ умершихъ, или живыхъ знаменитыхъ особы» [6: 96], а среди основных достоинств речи указывает благозвучие, в частности применение периодов.

как энкомия, ср.: « гимн в честь определенного лица» [8: 90], « песнопение или стихотворение в честь какого-нибудь лица» [9: 167], etc. Жанровой принадлежности анализируемого текста соответствуют:

1.1. Такие выразительные средства, как: а) стопная и периодическая ритмизация (см. пункты 2.1 и 2.2), приближающие звучание миниатюры к фонике стиха; б) преувеличения (*кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает*), в частности гиперболические метафоры (*вы носили меня на своих одичальных хребтах, облаками меня одевали; престолы природы*) и сравнения (*как дым улетают громовые тучи, мечтаю о вас да о небе*); в) риторические восклицания (*хотя в то мгновенье гордился он ею..*). Энкомий обращен к лицу, отсюда: а) риторическое обращение (которое, будучи адресовано предмету, в нашем случае к горам Кавказа, принимает, как известно, олицетворяющий характер); б) обилие олицетворений:

Синие горы Кавказа, приветствую вас! [приветствовать, в прямом смысле этого слова, можно только человека] вы взлелеяли [олицетворение] детство мое; вы носили меня на своих одичальных хребтах [уподобление гор людям, а затем коням катархрезно и вместе с тем придает горам аппликативный облик кентавров], облаками меня одевали [олицетворение], вы к небу меня приучили [олицетворение], и я с той поры все мечтаю о вас да о небе [синойкиозис²]. Престолы природы [метафора, основанная на сравнении природы с царицей], с которых как дым [сравнение] улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

1.2. Композиция текста, в свете сказанного выше, представляется таковой:

Синие горы Кавказа, приветствую вас! [Обращение] вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичальных хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю о вас да о небе. [Перечисление заслуг] Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!.. [Развернутая похвала, вплоть до концовки: *Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно, etc.*]

Интенция похвалы образует замысел текста, а значит, является его стратегической, текстообразующей доминантой; все остальные приемы функционально подчинены данной стратегии, т. е. играют роль тактических шагов.

2. Эстетичность формы создают:

2.1. Метрическая ритмизация (т. е. симметричное чередование метрически ударных и безударных слогов), что придает тексту форму, а значит, и звучание ритмической прозы. Анализируемый нами текст написан дактилем (обоснование данного тезиса представлено ниже).

Ритмические структуры принято членить на нисходящие (дактиль, хорей) и восходящие (анапест, ямб, амфибрахий); первые минорны, вторые мажорны по своей эмоциональной окраске. Нисходящий метр (дактиль) придает тексту эмоциональную минорность, что при стилистическом анализе художественного текста следует учитывать, ср.: «Анализ стилистически нейтральных форм под углом зрения частоты их употребления или сочетаемости с другими элементами последовательности обнаруживает их стилистическую значимость. Напр., употребление только нисходящего тона в тексте будет осознаваться как стилистически значимое» [12: 153].

2.2. Периодический стиль, т. е. членение речевой единицы на соизмеримые отрезки – клоны. Такое членение придает анализируемой миниатюре форму трех ритмических периодов, первый из которых состоит из двух, второй и третий – из пяти клоонов, что напоминает членение стихотворного текста на строфы и строчки, но, что необходимо особо подчеркнуть, не тождественно ему, поскольку отсутствует колометрическая запись (т. е. запись «в столбик»), а значит, и терминальные паузы, превращающие колон в стих. Здесь заметим, что форма анализируемого нами текста (прозаическая / стихотворная) является предметом дискуссии, в рамках которой он трактуется:

- 1) как «ритмическая проза» (в частности: [13: 244; 14: 630], «метризованная проза» [15: 86–87] или «метрическая проза» (напр.: [16: 17]));
- 2) как «стихотворение в прозе» (напр.: [17: 12; 18: 333]. Данное таксономическое решение представляется сомнительным, поскольку стихотворение в прозе как речевой жанр не подвергается ни колометрической, ни тем более сквозной стопной ритмизации);
- 3) как «белые стихи» [19: 24] или как «стихотворение» (в частности: [20: 369; 21: 262]). В этой связи подчеркнем, что текст «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» при издании произведений Лермонтова «всегда помещается в раздел “стихотворения”» ([20: 369], см., напр.: [1: 230–231]), с чем корре-

²Синойкиозис [греч. συνοικεῖσθαι ‘связывание’] — неожиданное сравнение, реализуемое в сочинительной конструкции; «соединение разнородных понятий, противоречащее общему мнению и здравому смыслу» [10: 115]. Синойкиозис использует склонность человеческого сознания к сравнению смежных предметов: «Два каких-либо куска, поставленные рядом, неминуемо соединяются в новое представление, возникающее из этого сопоставления как новое качество» [11: 5].

лируют регулярные попытки записи данного текста в столбик. Ср.:
а) прозаический текст (поскольку колометрическая запись отсутствует):

Синие горы Кавказа, | приветствую вас! ||
вы взлелеяли детство мое; | вы носили меня
на своих одичалых хребтах, | облаками меня
одевали, | вы к небу меня приучили, | и я
с той поры все мечтаю о вас да о небе.
|| Престолы природы, | с которых как дым
улетают громовые тучи, | кто раз лишь на ваших
вершинах Творцу помолился, | тот жизнь пре-
зирает, | хотя в то мгновенье гордился он *ею!*...;

б) стихотворный текст, произведенный, напр., посредством следующей колометрической записи, предложенной Н. Т. Федоренко [22: 236]:

Синие горы Кавказа,	[дактиль]
приветствую вас!	[амфибрахий]
вы взлелеяли детство мое;	[анапест]
вы носили меня →	[анапест]
на своих одичалых хребтах,	[анапест]
облаками меня одевали,	[анапест]
вы к небу меня приучили,	[амфибрахий]
и я с той поры →	[амфибрахий]
все мечтаю о вас да о небе.	[анапест]

Колометрическая запись в данном случае неприемлема, поскольку она: 1) не отвечает периодическому членению миниатюры, а значит, имеет вольный характер – уже хотя бы потому, что добавляет стиховые переносы (обозначены стрелкой «→»), ломающие колоны лермонтовских периодов; 2) ломает терминальными паузами: а) дактилическую структуру текста и тем самым меняет минорный нисходящий ритм на мажорный восходящий, тематически здесь неуместный; б) монотонное течение речи, отвечающее мелодике молитвы (...тучи, кто раз лишь на ваших вершинах Творцу помолился...). Эти два факта: 1) проясняют причину, по которой Лермонтов предпочел дактилическую прозу стихам; 2) лишают основания мнение, согласно которому миниатюра Лермонтова является своего рода авантекстом, «чистой воды прозаической заготовкой для стихотворения» [13: 244], представляет собой «набросок» [23: 56; 24: 95], «черновую запись, заготовку, конспект для будущего стихотворного текста» [14: 630].

Приведем четвертый абзац в записи С. С. Дудышкина [2: 61]. Строки записаны в столбик, их инициальные части маркированы прописными буквами³:

Воздухъ такъ [следует: тамъ. – В. М.] чистъ, какъ
молитва ребенка, [дактиль]
И люди, какъ вольныя птицы живутъ беззаботно; [амфибрахий]
Война ихъ стихія; и въ смуглыхъ чертахъ ихъ ду-
ша говоритъ. [амфибрахий]
Въ дымной саклѣ, землей иль сухимъ тростникомъ
[анапест]
Покровенной, таятся ихъ жены и дѣви и чистять
оружье, [анапест]
И шыть серебромъ – въ тишинѣ увядая...
[амфибрахий]

С. В. Шувалов указывает на значительное («от трех до шести») «колебание числа ударений в строках, получившихся после разбивки текста, и потому этот свободный тонический стих сливается уже с ритмической прозой» [26: 276], т. е. звучит не как стихотворный текст, а как прозаический; С. И. Кормилов не без основания полагает, что текст в такой записи звучит «слишком замедленно, с неоправданными константными задержками-перебоями» [27: 37], точнее, с терминальными паузами, появившимися в результате членения, не отвечающего замыслу автора. Добавим также, что такая запись разрушает дактилическую структуру текста, который в аутентичной записи звучит совершенно иначе, ср.:

Воздух там| чист, как мо|литва ре|бенка. И| люди,
как| вольные| птицы, жи|вут безза|ботно; во|йна
их сти|хія; и| в смуглых че|ртах их ду|ша гово|рит;
в дымной [здесь лексическое ударение не совпадает с метрическим, поэтому словоформа в дымной читается с приглушением⁴. – В. М.] |сакле, зе|млей иль су|хим тростни|ком покро|венной, тая|тся их| жены и| дѣви и| чистят о|ружье, и| шы|ют сере|бром –
в тиши|не увя|дая ду|шою – же|лающе|й, ю|жной,
с це|пями су|дьбы не зна|комой.

Мы полагаем, что текст написан дактилем; наше мнение, с тем чтобы не обрести характер голословного утверждения, требует комментария. В этой связи напомним правило: стопа утрачивает единство только при разделении ее границей стиха, ср.: «Стопа ориентирована всегда на стих, как целое» [31: 19]. Следовательно:

1. Стопа утрачивает единство при разделении ее границей стиха (и, соответственно, облигаторной терминальной паузой). Обратим в этой связи внимание на то, что в стихотворении Лермонтова «Русалка» (1832), которое нередко сближается с дольником (напр.: [21: 262]), после первого стиха Амф4м следуют строки, построенные по схеме Ан3м:

³Начиная с раннего Средневековья (конец VII в.) в европейской традиции, в отличие от античной, прописная буква, или *littera notabilior*, применяется для этой цели регулярно (*vide*, e.g. [25: 223 sq.]).

⁴Приглушение, в отличие от атонирования, представляет собой не сопровождаемое качественной редукцией сокращение лексически ударного гласного. Термин *приглушение* в указанном значении находим у Б. В. Томашевского [28: 130], о «подлежащи[х] приглушению побочны[х] акцент[ах]» писал П. М. Бицилли [29: 47]. В силлаботонике приглушение происходит «на слабом месте стиха» [30: 459].

Русалка| плыла по| реке го|лубой,
Озаря|ема по|лной луной;
И стара|лась она| доплеснуть| до луны
Серебри|стую пе|ну волны.

Проницательно наблюдение В. В. Кожинова: «Если прочитать две строки слитно, метр вообще не будет нарушен» [32: 181], ср. с устранением колометрической записи: *Русалка| плыла по| реке го|лубой, Озаря|ема полной| луной; И| старалась| она до|плеснуть до| луны Серебристую| пену [...]* (Амф.).

2. Стопа не утрачивает единство при разделении грамматическими паузами:

а) внутри стиха, напр.:

Кто же вас| гонит: судьбы ли ре|шение?
М. Ю. Лермонтов. Тучи (1840)

б) в ритмической прозе, поскольку стиховых границ, а значит, и терминальных пауз здесь нет *ex definitione*: «Синие| горы Ка|вказа, при|в|етствую| вас! вы взле|леяли| детство мо|е...». Заметим, что при написании слова *вы* не применена заглавная буква, как того требует правило орфографии: возможно, это сделано с целью подчеркнуть единство стопы, а значит, и ритмического ряда.

Если не принять во внимание данный факт и отождествить фразу со стихом, то придется признать, что ритм в тексте Лермонтова меняется от фразы к фразе, ср.: а) «Исследователи считают первую часть этого обращения либо прозой, либо “ритмической прозой” [...]. На деле, эта “проза” представляет собой «причудливое сплетение разностопных дактилических, амфибрахических и анастетических стихов» [33: 26]; б) «стихотворение» «Горы Кавказа» представляет собой «бесспорядочное чередование дактилей, анастестов и амфибрахиев» [21: 262]; в) «Зачины абзацев в нем только дактилические, но зачины предложений внутри них – разные [...]» [34: 538]. С этой точки зрения одно предложение в тексте окажется написано минорным дактилем («Часто во| время за|ри я [...]» или «Воздух там| чист, как мо|литва ре|бенка»), второе – мажорным амфибрахием («И розо|вый цвет их| [...]» или «И лю|ди», как вольны|е птицы| живут бе|ззаботно») третье – мажорным анастестом («Покрове|нной, тая|тся их же|ны и де|вы и чи|стят ору|жье»), etc., что едва ли отвечает и действительности, и авторскому замыслу. Думается, что весь этот текст выдержан в одной тональности – минорной дактилической. Приведенные нами доводы подводят логическую основу под мнение тех исследователей, которые полагают (но при этом никак не аргументируют свое мнение), что текст Лермонтова «Синие горы Кавказа...» написан дактилем [13: 244; 14: 630].

Текст Лермонтова характеризуется как лирическая миниатюра (напр.: [35: 13]; известно

также, что сплошная метризация «способна организовать целиком относительно небольшие тексты (напр., “Синие горы Кавказа...” М. Лермонтова») [36: 59]. Данный факт требует пояснения. Еще Элий Аристид (117–180 н. э.) отметил «связь композиции (тάξις) и предсказуемости речи» [37: 443]; в этом свете становится понятно, почему монофигурные тексты, построенные по формуле «фигура речи → композиционный стиль», не должны быть пространны. Приведем пояснение, принадлежащее греческому софисту Фойбаммону (5–6 вв. н. э.): «Такая речь будет надоедлива (просторий), ибо ее однобразие (т. е. предсказуемость. – В. М.) вызывает пресыщение (кόρον)» [38: 492].

Данный текст – лирический, лирика же принадлежит высокому стилю, отсюда особенности микрокомпозиции: а) пространность периодов, т. е. монументальность стиля; б) гипозевксис (лексико-сintаксический повтор как фигура пространной речи): *вы* взле|леяли детство мое; *вы* носили меня на своих оди|чальных хребтах (третье *вы* пропущено явно из ритмических соображений. – В. М.), обла|ками меня одевали, *вы* к небу меня приучили (замена перечислением ведет к снижению стиля, ср.: *вы* взле|леяли детство мое, носили меня на своих оди|чальных хребтах, обла|ками меня одевали...); в) использование долгого метра – дактиля, который, в отличие от быстрого хорея, трехсложен, а потому более приспособлен для торжественно-замедленного темпа речи. Как известно, пространность периодов, долгий метр – приметы высокого стиля.

На особенности формы и содержания данного текста может пролить свет конситуативная характеристика. Текст был написан в 1832 г., когда М. Ю. Лермонтов был увлечен творчеством Дж. Г. Байрона, и навеян воспоминаниями поэта о пребывании на Кавказе в годы детства, позже он напишет: «Горы кавказские для меня священны...» [39: 306]. Считается, что «отрывок близок по теме и образам к началу <романтической> поэмы “Измаил-бей” [1832]» [40: 316]:

Приветствуя тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.

В качестве эпиграфа к этому тексту взято двустишие из поэмы Байрона «Гяур». В этом же 1832 г. Лермонтов пишет стихотворение «Парус». Правомерен вывод: высокий байронический романтизм и разочарованность можно назвать эмоциональными доминантами лермонтовского настроения данного периода. Это настроение ощущается и в изученном нами тексте, высоком по тематическому стилю и минорном по своей метрической форме.

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что по своей жанровой принадлежности лирическая миниатюра М. Ю. Лермонтова «Синие горы Кавказа, приветствуя вас!» представляет собой энкомий – хвалебную речь в честь божества или героя, первоначально в стихотворной форме. Жанровой принадлежностью текста определяется его композиция (обращение → перечисление заслуг → развернутая похвала) и элокутивная форма:

- 1) обилие олицетворений, в частности олицетворяющее риторическое обращение к горам Кавказа (в инципите), поскольку энкомий обращен к лицу;
 - 2) риторические восклицания, а также преувеличения, в частности гиперболические метафоры и сравнения;
 - 3) периодическая и стопная ритмизация, приближающие звучание данной миниатюры к фонике стиха:
- 3.1. стопная ритмизация придает тексту форму ритмической прозы. Трактовки данного текста как «стихотворения в прозе» (напр.: В. В. Литвинов, А. М. Ранчин) трудно принять, поскольку стихотворение в прозе как речевой жанр: а) не подвергается ни колометрической, ни а *fortiori* сквозной стоп-

ной ритмизации; б) появилось позже: так, во Франции рождение этого жанра принято связывать со сборником миниатюр А. Бертрана «Гаспар из тьмы» (1842), в России – с циклом И. С. Тургенева «Senilia. Стихотворения в прозе» (1877–1882), с этой точки зрения в отнесении миниатюры М. Ю. Лермонтова к разряду стихотворений в прозе видится таксономический анахронизм;

3.2. анализируемый текст написан дактилем; дактиль как нисходящий метр сообщает миниатюре эмоциональную минорность;

3.3. по своей форме текст является прозаическим, поскольку и колометрическая запись («в столбик»), и, соответственно, облигаторные терминальные паузы в нем отсутствуют. В этой связи представляются сомнительными: а) трактовки данного текста как стихотворного; б) точка зрения, согласно которой ритм в данном тексте меняется от фразы к фразе (С. Н. Дурылин, Б. И. Ярхо, С. И. Кормилов и др.). Терминальные паузы, равно как практикуемая исследователями запись в столбик (С. С. Дудышкин, Н. Т. Федоренко, Е. Ю. Геймбух), здесь неуместны, поскольку они ломают: а) дактилическую структуру текста, тем самым меняя минорный нисходящий ритм на мажорный восходящий; б) монотонное течение речи, отвечающее мелодике молитвы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лермонтов М. Ю. Синие горы Кавказа, приветствуя вас! [1832] // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. Стихотворения / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 230–231.
2. Дудышкин С. С. Ученическая тетради Лермонтова. Статья первая // Отечественные записки. Т. СХХV. Санктпетербургъ: Въ типографіи И. И. Глазунова и комп., 1859. С. 1–62.
3. Lausberg H. Handbook of literary rhetoric. A foundation for literary study. Leiden : BRILL, 1998. XXIX. 921 р.
4. Москвин В. П. К типологии речевых образов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 2. С. 33–41.
5. Виноградов В. В. Язык литературно-художественного произведения [1929] // Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М. : Наука, 1980. С. 57–97.
6. Мерзляковъ А. Краткая риторика. Изд. 4. М. : Въ Университетской Типографіи, 1828. 113 с.
7. Diodori. Bibliotheca historica / ed. L. Dindorfius. Vol. II. Lipsiae : Libr. Weidmannia, 1826. 547 р.
8. Тронский И. М. История античной литературы : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2017 [1946]. 489 с.
9. Чистякова Н. А. Эллинистическая поэзия: литература, традиции и фольклор. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 173 с.
10. P. Rutilii Lupi. De figuris sententiarum et elocutionis libri duo / Rec. D. Ruhnkenius. Lugduni Batavorum : Apud S. et J. Luchtmans, Academiae Typographos, 1768. 276 р.
11. Эйзенштейн С. М. Монтаж (1938). М. : Директ-Медиа, 2016. 71 с.
12. Кристал Д., Дейви Д. Стилистический анализ [1969] // Новое в зарубежной лингвистике / сост. И. Р. Гальперин. Вып. IX. Лингвостилистика. М. : Прогресс, 1980. С. 148–171.
13. Левит Т. Литературная среда Лермонтова в Московском благородном пансионе // Литературное наследство / гл. ред. П. И. Лебедев-Полянский. Т. 45–46. М. Ю. Лермонтов. II. М. : Изд-во АН СССР, 1948. С. 225–254.
14. Андроников И. Л. Примечания // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. / под ред. И. Л. Андроникова и Ю. Г. Оксмана. Т. 1. Стихотворения. М. : Художественная литература, 1964. С. 553–664.
15. Кормилов С. И. Маргинальные системы русского стихосложения. М. : МГУ, 1995. 157 с.
16. Гаспаров М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. Изд. 2-е, доп. М. : Фортуна Лимитед, 2001. 288 с.
17. Литвинов В. В. Две ссылки Лермонтова // Начальная школа. 1941. № 4. С. 12–18.
18. Ранчин А. М. «На пиру Мнемозины»: интертексты Бродского. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 462 с.
19. Иванов С. В. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество. Пособие для учителя. М. : Просвещение, 1964. 397 с.

20. Орлицкий Ю. Б. Стихосложение новейшей русской поэзии. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2021. 1016 с.
21. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения [1935] // Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избранные труды по теории литературы / подгот. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков и М. И. Шапир ; под общ. ред. М. И. Шапира. М. : Языки славянских культур, 2006. С. 3–402.
22. Федоренко Н. Т. Кавабата Ясунари. Очерк. М. : Советский писатель, 1978. 270 с.
23. Семенов Л. П. Лермонтов на Кавказе. Пятигорск : Орджоникидзевское краевое изд-во, 1939. 224 с.
24. Кормилов С. И. Основные понятия теории литературы: Литературное произведение, проза и стих: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2002. 111 с.
25. Nees L. Illuminating the word in the Early Middle Ages. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. XXX. 558 р.
26. Шувалов С. В. Мастерство Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы. Сборник первый. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1941. С. 251–309.
27. Кормилов С. И. Русская метризованныя проза (прозостики) конца XVIII–XIX века // Русская литература. 1990. № 4. С. 31–44.
28. Томашевский Б. В. Проблема стихотворного ритма // Литературная мысль. II. Петроград, 1923. С. 124–140.
29. Биццли П. М. Этюды о русской поэзии: Эволюция русского стиха. Поэзия Пушкина. Место Лермонтова в истории русской поэзии. Прага : Пламя, 1926. 285 с.
30. Тарановский К. Ф. Четырехстопный ямб Тараса Шевченко [1954] // Тарановский К. Ф. Русские двусложные размеры / под ред. В. Тарановской-Джонсон, Дж. Бейли и А. В. Прохорова ; пер. с серб. В. В. Сонькина. М. : Языки славянской культуры, 2010. С. 445–494.
31. Томашевский Б. В. Стих и ритм. Методологические замечания // Поэтика: Временник отдела словесных искусств Гос. ин-та истории искусств. [Вып.] IV. Л., 1928. С. 5–25.
32. Кожинов В. В. Как пишут стихи. М. : Просвещение, 1970. 239 с.
33. Дурылин С. Н. Как работал Лермонтов. М. : Мир, 1934. 128 с.
34. Кормилов С. И. Метризованныя проза // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. М. : Интелвак, 2001. Стб. 538–539.
35. Геймбух Е. Ю. Лирическая прозаическая миниатюра в системе родов и жанров: лингвостилистический аспект. М. : Моск. гор. пед. ун-т, 2004. 133 с.
36. Орлицкий Ю. Б. Стиховое начало в русской прозе XX в. (опыт типологии) // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика: материалы междунар. конф., Москва, 19–23 июня 1995 г. М. : Наука, 1996. С. 58–64.
37. Αριστείδου Τεχνών ρήτορικῶν // Rethores graeci / ed. Ch. Walz. Vol. IX. Stuttgartiae etc.: Sumtibus J. G. Cottae, 1836. P. 340–466.
38. Φοιβάμιωνος σοφιστοῦ <σχόλια> περὶ σχημάτων ρήτορικῶν // Rethores graeci / ed. Ch. Walz. Vol. VIII. Stuttgartiae etc.: Sumtibus J. G. Cottae, 1835. P. 492–519.
39. Лермонтов М. Ю. Записка 1830 года, 8 июля. Ночь // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. Проза. Письма 1827–1841 / отв. ред. тома Н. Г. Охотин. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 305–306.
40. Назарова Л. Н. [Примечания] «Синие горы Кавказа, приветствую вас!» // Лермонтов М. Ю. Сочинения : в 6 т. / ред. Н. Ф. Бельчиков [и др.]. Т. 2. Стихотворения 1832–1841. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С. 316.

REFERENCES

1. Lermontov M. Yu. Blue mountains of Caucasus, greetings to you! [1832]. Lermontov M. Yu. *Collected works: in 4 vols.* Ohotin N. G., ed. Vol. 1. Poems. Saint Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2014, pp. 230–231 (in Russian).
2. Dudyshkin S. S. Lermontov's student notebooks. Article one. *Otechestvennye zapiski* [Domestic notes]. Vol. CXXV. Saint Petersburg, V tipografi I. I. Glazunova, 1859, pp. 1–62 (in Russian).
3. Lausberg H. *Handbook of literary rhetoric. A foundation for literary study.* Leiden, BRILL, 1998. XXIX. 921 p.
4. Moskvin V. P. On the typology of speech images. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2004, vol. 63, no. 2, pp. 33–41 (in Russian).
5. Vinogradov V. V. The language of a literary and artistic work [1929]. Vinogradov V. V. *O jazyke hudozhestvennoj prozy* [About the language of fiction]. Moscow, Nauka, 1980, pp. 57–97 (in Russian).
6. Merzlyakov A. *Kratkaya ritorika* [Brief rhetoric]. Ed. 4th. Moscow, V Universiteteskoy Tipografii, 1828. 113 p. (in Russian).
7. Dindorfius L., ed. Diodori *Bibliotheca historica*. Vol. II. Lipsiae, Libr. Weidmannia, 1826. 547 p.
8. Tronskij I. M. *Istoriya antichnoj literatury* [The history of Ancient literature]. Moscow, Yurajt, 2017 [1946]. 489 p. (in Russian).
9. Chistyakova N. A. *Ellinisticheskaya poeziya: literatura, traditsii i fol'klor* [Hellenistic poetry: Literature, traditions and folklore]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1988. 173 p. (in Russian).
10. P. Rutilii Lupi. *De figuris sententiarum et elocutionis libri duo.* Rec. D. Ruhnkenius. Luggduni Batavorum, Apud S. et J. Luchtmans, Academiae Typographos, 1768. 276 p. (in Latin).
11. Ejzenshtejn S. M. *Montazh* (1938) [Mounting]. Moscow, Direkt-Media, 2016. 71 p. (in Russian).
12. Kristal D., Dejvi D. Stylistic analysis [1969]. Gal'perin I. R., comp. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. IX. Lingvostilistika* [New in foreign linguistics. Iss. IX. Linguistic stylistic]. Moscow, Progress, 1980, pp. 148–171 (in Russian).
13. Levit T. Lermontov's literary environment at the Moscow Noble Boarding School. *Literaturnoe nasledstvo. Gl. red. P. I. Lebedev-Polyanskii. T. 45–46. M. Yu. Lermontov. II* [Lebedev-Polyanskij P. I., ed. Literary heritage. Vol. 45–46. M. Yu. Lermontov. II]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1948, pp. 225–254 (in Russian).
14. Andronikov I. L. Notes. Andronikov I. L., Oksman Yu. G. eds. *Lermontov M. Yu. Collected works: in 4 vols.* Vol. 1. Poems. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1964, pp. 553–664 (in Russian).

15. Kormilov S. I. *Marginal'nye sistemy russkogo stikhoslozeniya* [Marginal systems of Russian versification]. Moscow, Moscow University Press, 1995. 157 p. (in Russian).
16. Gasparov M. L. *Russkij stikh nachala XX veka v kommentariyakh* [Russian verse of the beginning of the XX century in the comments]. 2nd ed. Moscow, Fortuna Limited, 2001. 288 p. (in Russian).
17. Litvinov V. V. Two Lermontov's exiles. *Nachal'naya shkola* [Elementary school], 1941, no. 4, pp. 12–18 (in Russian).
18. Ranchin A. M. "Na piru Mnemosiny": interteksty Brodskogo ["At the Feast of Mnemosyne": Brodsky's intertexts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 462 p. (in Russian).
19. Ivanov S. V. M. Yu. *Lermontov. Zhizn' i tvorchestvo* [M. Y. Lermontov. Life and work]. Moscow, Prosvetshchenie, 1964. 397 p. (in Russian).
20. Orlitskij Yu. B. *Stihoslozhenie novejshej russkoj poezii* [The versification of the latest Russian poetry]. 2nd ed. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2021. 1016 p. (in Russian).
21. Yarho B. I. Methodology of exact literary criticism [1935]. Shapir M. I., ed. Yarho B. I. *Metodologiya tochnogo literaturovedeniya: Izbrannye trudy po teorii literatury* [Methodology of exact literary criticism: Selected works on the theory of literature]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006, pp. 3–402 (in Russian).
22. Fedorenko N. T. *Kavabata Yasunari. Ocherk* [Kawabata Yasunari. The essay]. Moscow, Sovetskij pisatel', 1978. 270 p. (in Russian).
23. Semenov L. P. *Lermontov na Kavkaze* [Lermontov in the Caucasus]. Pyatigorsk, Ordzhonikidzevskoe kraevoe izd-vo, 1939. 224 p. (in Russian).
24. Kormilov S. I. *Osnovnye ponyatiya teorii literatury: Literaturnoe proizvedenie, proza i stikh* [The basic concepts of literary theory: Literary work, Prose and verse]. Moscow, Moscow University Press, 2002. 111 p. (in Russian).
25. Nees L. *Illuminating the word in the Early Middle Ages*. Cambridge, Cambridge University Press, 2023. XXX. 558 p.
26. Shuvalov S. V. Lermontov's skill. *Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy. Sbornik pervyi* [The life and work of M. Y. Lermontov: Research and materials]. Vol. I. Moscow, Gos. izd-vo khudoz. lit., 1941, pp. 251–309 (in Russian).
27. Kormilov S. I. Russian metrized prose (prose) of the late XVIII–XIX century. *Russian Literature*, 1990, № 4, pp. 31–44 (in Russian).
28. Tomashevskij B. V. The problem of poetic rhythm. *Literaturnaya mysль* [Literary Thought]. II. Petrograd, 1923, pp. 124–140 (in Russian).
29. Bicilli P. M. *Etyudy o russkoj poezii: Evolyutsiya russkogo stikha. Poeziya Pushkina. Mesto Lermontova v istorii russkoj poezii* [Sketches about Russian poetry. Evolution of Russian verse. Pushkin's poetry. Lermontov's place in the history of Russian poetry]. Prague, Plamya, 1926. 285 p. (in Russian).
30. Taranovskij K. F. Iambic tetrameter by Taras Shevchenko [1954]. In: Taranovskij K. F. *Russkie dvulozhnye razmery* [Taranovskaya-Dzhonson V., Bejli Dzh., Prohorov A. V., eds. Transl. from Serb. Son'kin V. V. Russian two-syllable sizes]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2010, pp. 445–494 (in Russian).
31. Tomashevskij B. V. Verse and rhythm. Methodological notes. *Poetika: Vremennik otdela slovesnykh iskusstv Gos. in-ta istorii iskusstv. Vyp. IV* [Poetics: Temporary edition of the department of verbal arts at the State Institute of Art History. Iss. IV]. Leningrad, 1928, pp. 5–25 (in Russian).
32. Kozhinov V. V. *Kak pishut stikhi* [How to write poetry]. Moscow, Prosvetshchenie, 1970. 239 p. (in Russian).
33. Durylin S. N. *Kak rabotal Lermontov* [How Lermontov worked]. Moscow, Mir, 1934. 128 p. (in Russian).
34. Kormilov S. I. Metrized prose. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy. Pod red. A. N. Nikolyukina* [Nikolyukin A. N., ed. The literary Encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, Intervak, 2001, pp. 538–539 (in Russian).
35. Gejmbukh E. Yu. *Liricheskaya prozaicheskaya miniatyura v sisteme rodov i zhanrov: lingvostilisticheskij aspekt* [Lyrical prose miniature in the system of genera and genres: Linguistic and stylistic aspect]. Moscow, Moscow City University Publ., 2004. 133 p. (in Russian).
36. Orlitskij Yu. B. The beginning of poetry in Russian prose of the XX century (the experience of typology). In: *Slavyanskij stikh: stikhovedenie, lingvistika i poetika: materialy mezhdunar. konf., Moskva, 19–23 iyunya 1995 g.* [Slavic Verse: Poetry, Linguistics and Poetics: Proceedings of the International Conference Materials, Moscow, June 19–23, 1995]. Moscow, Nauka, 1996, pp. 58–64 (in Russian).
37. Αριστείδου Τεχνών ρήτορικῶν. Walz Ch., ed. *Rhetores graeci*. Vol. IX. Stuttgartiae etc.: Sumtibus J. G. Cottae, 1836, pp. 340–466.
38. Φοιβάδημωνος σοφιστοῦ <σχόλια> περὶ σχημάτων ρήτορικῶν. Walz Ch., ed. *Rhetores graeci*. Vol. VIII. Stuttgartiae etc.: Sumtibus J. G. Cottae, 1835, pp. 492–519.
39. Lermontov M. Yu. A note from 1830, July 8. Night. *Lermontov M. Yu. Collected works: in 4 vols. Vol. 4. Prose. Letters 1827–1841* [Ohotin N. G., ed. Proza. Pis'ma 1827–1841]. Saint Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2014, pp. 305–306 (in Russian).
40. Nazarova L. N. Notes. "Blue mountains of Caucasus, greetings to you!". Bel'chikov N. F. [et al.], eds. *Lermontov M. Yu. Writings: in 6 vols. Vol. 2. Poems 1832–1841*. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1954, pp. 316 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.02.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 28.04.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 15.02.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 28.04.2024; published 28.11.2025

ЖАНРЫ СМИ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 416–423

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 416–423

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-416-423>, EDN: VCQIGS

Научная статья

УДК 004.738.5:811.112.2'38'42

Пользовательский комментарий к новости в немецком медиадискурсе: оценка в модально-временной перспективе

Н. А. Климкова

¹Петрозаводский государственный университет, Россия, Республика Карелия, 185003, г. Петрозаводск, ул. Правды, д. 1

²Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Россия, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41

Климкова Наталья Александровна, ¹старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков, ²аспирант, n.kasyanowa@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-1712-1987>

Аннотация. Рассматривается специфика оценочности интернет-комментариев к новости. Ставятся вопросы об объекте оценки, способах ее выражения и значимости модально-временной перспективы для жанровой природы комментария. В поисках ответов на эти вопросы проанализированы комментарии к коротким медиасюжетам, которые получили активный читательский отклик. Методология основана на понимании медиатекста как полифактурной организации и соотнесении содержания медиасюжета и комментариев к нему. Анализ материала осуществлен семантическим и описательным методом, который, по В. П. Москвину, предполагает два аналитических приема: наблюдения для выявления ожидаемых характеристик и сопоставления. Результатом исследования стал вывод о значимости модально-временной характеристики для жанровой природы комментария и мысль о комментарии не как о жанре, но как о типе текста, который может содержать разные жанры. Таким образом, в комментариях могут присутствовать тексты разной жанровой принадлежности, а их жанровая палитра обогащается благодаря модально-временным характеристикам.

Ключевые слова: жанр, новость, видеосюжет, комментарий, оценка, категория модальности, категория времени

Для цитирования: Климкова Н. А. Пользовательский комментарий к новости в немецком медиадискурсе: оценка в модально-временной перспективе // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 416–423. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-416-423>, EDN: VCQIGS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

News user comment in German media discourse: Evaluative study in a modal-temporal perspective

N. A. Klimkova

¹Petrozavodsk State University, 1 Pravdy St., Petrozavodsk 185003, Republic of Karelia, Russia

²Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 41 Bolshaya St. Petersburgskaya St., Velikiy Novgorod 173003, Russia

Natalia A. Klimkova, n.kasyanowa@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0002-1712-1987>

Abstract. The article deals with peculiarities of evaluating Internet news comments. The author raises the questions of the object of evaluation, methods of its expression and innovations of the modal-temporal perspective for the genre nature of comments. To answer these questions, the author analyzed comments on the short media stories that received an active reader response. The methodology is based on the understanding of a

media text as a multi-textured organization and the correlation of the content of a media story and comments on it. The analysis of the material was carried out using a semantic and a descriptive method, which, according to V. P. Moskvin, involves two analytical techniques: observation to identify expected characteristics and comparison. The result of the study was the conclusion about the importance of modal-temporal characteristics for the genre nature of the commentary and the idea of the commentary not as a genre, but as a type of text that can contain different genres. Thus, the comments may contain texts of different genres, and their genre palette is enriched due to modal-temporal characteristics.

Keywords: genre, news, video plot, comment, evaluative statement, grammatical category of modality, grammatical category of tense

For citation: Klimkova N. A. News user comment in German media discourse: Evaluative study in a modal-temporal perspective. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 416–423 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-416-423>, EDN: VCQIGS

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современные информационные технологии и Интернет сделали возможной не только передачу сообщения о происходящем в режиме реального времени, но и незамедлительную обратную связь в виде комментариев к новости. Многие сайты программируют возможность для пользователей (будь то читатели, слушатели, зрители) выразить оценку через комментарии, поскольку, как подчеркивает немецкий исследователь А. Бюссинг, «комментарии являются наиболее всеобъемлющим видом обратной связи» [1: 5] (здесь и далее перевод мой. – Н. К.).

Таким образом комментарии дают картину восприятия и оценки события обществом либо отдельной группой. Соответственно, первое, что обращает на себя внимание при изучении комментариев, – объект комментирования. Какие стороны события или его участники привлекают внимание пользователей? Как пользователи выражают оценку события? В частности, как ее выражение соотносится со временем и модальностью?

Цели и задачи

Цель исследования заключается в выявлении специфики оценочности комментариев к новостным сюжетам на материале немецкого медиадискурса. При этом акцент делается на категории модальности и времени, что составляет новизну исследования.

В задачи работы входит подбор комментарийных блоков к актуальным новостным сюжетам, их анализ в отношении объекта комментирования и модально-временной перспективы.

Из истории вопроса

Комментарием принято считать реакцию на первичный текст-стимул, его толкование и оценку. Уже в 1990-е гг. исследователи, в том числе зарубежные, как, например,

К. Эйльдерс, отмечали, что оценка в комментарии выражена более явно, чем в любых других видах текста массовой коммуникации [2: 180].

С развитием Интернета комментарий привлекает все большее внимание исследователей. Его изучают Н. И. Клушина, В. И. Карасик, Т. И. Стексова, Т. В. Шмелева, Н. К. Радина, Т. Н. Колокольцева и др. Для обозначения комментария, как отмечает Т. В. Колокольцева, в лингвистических исследованиях употребляются следующие термины: *интернет-комментарий, онлайн-комментарий, сетевой комментарий, веб-комментарий, коммент* [3: 165].

Если говорить о видах комментариев, то их различают прежде всего по текстам, к которым они относятся – к газетным статьям (Т. И. Стексова), к информационным видеосюжетам, размещенным на каналах новостных изданий или страницах представителей властных структур (Н. К. Радина; Е. Ю. Панова, В. В. Федоров), к текстам блогосферы, где представлены и влоги (В. И. Карасик, И. Н. Шамаев), к публикациям на спортивных форумах (И. Хоппе, М. Якош) и др. В этом ряду оказывается рассматриваемый в исследовании пользовательский комментарий к новостному сюжету.

Отношение к текстам-стимулам различает комментарии содержательно. Так, для комментариев пользователей к новостным сюжетам политического дискурса, наиболее часто привлекающим внимание исследователей, характерно содержание социально-политической направленности с интенциями вопроса, несогласия, сомнения и удивления; при этом часто дается оценка действий властей [4]. Блоги творческих личностей комментируют в первую очередь поклонники творчества автора блога, основная их интенция – выражение восхищения через положительный отзыв [5: 121–123]. В комментариях к блогам пользователи оценивают вопросы, освещаемые его автором: глубоко личностные или привнесенные из дру-

гих сфер жизни – политической, экономической, культурной [там же: 121]. Комментариям к музыкальным стримам свойственна гиперболизированность оценок, точнее, восторженных похвал, что объясняет активное пополнение оценочной лексики [6: 98–99].

Разные типы комментариев имеют сходные черты – интенция выражения оценки [7: 13], обозначение комментируемого события и его героев [8: 84]; самовыражение автора [9: 81–82]. При этом в исследованиях довольно часто встречается рассмотрение комментария как отдельного жанра [3, 8–10].

Итак, интернет-комментарии изучаются в разных аспектах, однако некоторые их стороны остаются без должного внимания, в частности, на это обращается внимание в настоящей работе.

Методология и методика исследования

Методология настоящей работы основана на семиотическом понимании медиатекста, что дает возможность исследовать графические тексты и видеосюжеты. При этом важно различать медиатекст-стимул и медиатекст-комментарий как реакцию пользователя на стимул, поскольку характер первого во многом определяет содержание второго.

Как любое высказывание, комментарий в грамматическом плане обладает категориями времени и модальности. Они позволяют обозначить, что то, о чем сообщается, или реально осуществляется во времени (настоящем, прошедшем или будущем; и это – план реальности) или же мыслится как возможное, желаемое, должное или требуемое (это – план ирреальности) [11: 86], на фоне которой формируются модальные смыслы необходимости, желательности, долженствования. Для их выражения в европейских языках, в частности, немецком, существует ряд модальных глаголов, а также модальных слов и частич [12: 250]. В русском языке эти значения передаются при помощи морфологических характеристик глагола, модальных глаголов, модальных слов, интонации и т. п. В настоящей работе учет этого обстоятельства дает возможность вернуться к жанровой природе комментария.

Анализ материала опирается на описательный метод, который, по В. П. Москвину, предполагает два аналитических приема: наблюдения для выявления ожидаемых характеристик в сочетании с сопоставлением [13: 13], то есть соотнесения имеющихся жанровых особенностей оценок пользователей с модально-временными характеристиками пользовательских комментариев и выявления влияния

категорий времени и модальности на жанр комментария. При анализе материала использован семантический метод с учетом жанрообразующих и других признаков в концепции речевого жанра.

Для адекватного восприятия материала русскоязычными читателями и сохранения смысла и эмоциональной окраски комментариев автором выполнен их перевод с немецкого языка на русский, что способствует более глубокому пониманию общественных реакций и оценок, выраженных пользователями.

Анализ материала

Для анализа комментариев выбраны новостные видеосюжеты на платформе YouTube¹, что обусловлено ее высокой востребованностью и популярностью [1: 5]. Поскольку вопросы экологии получают активный отклик гражданского общества и отдельных групп, для исследования выбраны два тематически схожих сюжета об одной из акций гражданского неповиновения, организованной представителями экологического движения «Последнее поколение» (die letzte Generation), которое существует в Германии с 2021 г. Поначалу эти акции вызывали восторг общества, однако сегодня реакция на них резко негативная. Экоактивисты создают множество неудобств: приклеивая себя к асфальту в час пик, они вызывают заторы; в результате пробок на дорогах в атмосферу попадает большой объем выхлопных газов; восстановление асфальта после выступлений наносит вред окружающей среде, что делает акции «Последнего поколения» бессмысленными.

Изменение отношения к экоактивистам в обществе видно по изменению номинаций. В 2021 г. их называли *Klimaaktivisten* (климатические активисты), в 2022 г. – *radikale Klimaaktivisten* (радикальные климатические активисты), а в 2023 г. зафиксировано наименование *Klimaterroristen* (климатические террористы). Более того, по данным немецкой национальной и международной телевизионной службы новостей *Tagesschau*, в январе 2024 г. слово *Klimaterroristen* признано антисловом 2023 г. [14]. В настоящее время в немецких медиа распространена номинация с отрицательной коннотацией *Klimakleber*, которую можно перевести как *климатические клейкуны*; перевод предложен автором настоящей статьи и рассматривается в отдельной работе [15]. Эволюция номинаций к явной отрицательности и формирование негативного отношения общества согласуется с преобладанием негативных оценок пользователей в изученных комментариях.

¹Роскомнадзор: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ.

Вполне естественно, что новостные сюжеты об акциях «Последнего поколения» набирают большое количество просмотров и комментариев. Так, только на YouTube-канале *Bild* поисковый результат по запросу *Klimakleber* за 2023 г. составляет порядка 170 медиасюжетов. При этом наиболее активный отклик пользователей вызывают сюжеты о блокировке дорожного движения: количество комментариев к некоторым из них превышает 5000.

Для анализа в настоящей работе взяты комментарийные блоки к новостям от 6 сентября 2023 г. *Polizistin (ver)schüttet Öl auf Klima-Kleber* (Сотрудница полиции вы/проливает масло на климатических клейкунов) [16] и к близкому ей по смыслу сюжету *Klimakleber von Polizistin mit Öl übergossen* (Сотрудница полиции облила климатических клейкунов растительным маслом) от 7 сентября 2023 г. из рубрики *Shorts* на YouTube-канале *Bild* [17]. Выбор двух тематически схожих сюжетов обусловлен наличием в одном из них большего количества фактических данных, которые могут оказывать влияние на оценки пользователей в комментариях.

На предварительном этапе исследования проанализирован ряд характеристик медиасюжетов: длительность, содержание, количество комментариев. Новостной сюжет от 06 сентября набрал 619000 просмотров, сюжет от 07 сентября 48000 просмотров; пользователями оставлено более 14000 и 1900 отметок «нравится», 0 отметок «не нравится», 4144 и 248 комментариев соответственно. Таким образом, предварительный этап исследования показал, что тема выбранных медиатекстов привлекает широкую аудиторию и вызывает живой отклик.

Из общего количества комментариев из анализа исключены тексты, представляющие собой отвлеченные рассуждения без указаний на тему или определенный момент новостного сюжета. Также не проводился анализ односложных комментариев-междометий типа “wow!”, “cool!”, поскольку в таких случаях невозможно определить, к какой именно стороне медиасюжета они относятся. В результате отобран 1401 комментарий, что представляется репрезентативной выборкой.

Рассматривая комментарии в аспекте объекта оценки, следует отметить: прежде всего важен факт оценивания пользователями явных участников события – **сотрудницы полиции и экоактивистов**. При этом преобладает положительная оценка действий первой и резко негативная – клейкунов, однако встречаются и противоположные мнения. Часто оценка выражена через противопоставление: положительная оценка действий полицейской подчеркивает негатив по отношению к клей-

кунам и наоборот. Оценка выражается лексемами с положительной и отрицательной коннотацией, а также эмоционально окрашенных выражений:

<i>Endlich mal gute Geschichten über unsere Polizisten,</i>	Наконец-то хорошие истории о наших полицейских, ставлю лайк
<i>Daumen hoch dafür</i>	лайк
<i>Dafür zahle ich gerne auf Steuern</i>	За это я охотно плату налоги
<i>Super Polizisten! ich freue mich das endlich ein mutiger beamte</i>	Супер-полицейские! Я рад, что наконец-то смелый госслужащий
<i>Sehr gut Polizei!</i>	Отлично, полиция!
<i>Man erntet, was man gesät hat! Meine Hochachtung gegenüber der Polizistin, für ihre menschlichen Reaktion!</i>	Что посеешь, то и пожнешь! Мое глубокое уважение полицейской за ее человеческую реакцию!
<i>Eeh...die nicht im Rahmen des Gesetztes handeln? Nein danke! Dann sind sie nicht besser als die Kleber</i>	Эээ... они действуют не в рамках закона? Нет, спасибо! Тогда они не лучше клейкунов
<i>Polizisten können machen, was sie möchten und werden nie bestraft</i>	Полицейские могут делать что хотят и их никогда не наказывают

Неоднородность оценок в комментариях отражает их неоднородность в обществе. Свободное высказывание оценки, в том числе демонстрация негатива по отношению к полиции, вероятнее всего, наблюдается в комментариях вследствие такого свойства коммуникации в Интернете, как анонимность, что дает пользователю ощущение безопасности и свободы высказывания.

Положительная оценка действий сотрудницы полиции часто выражена оценочными атрибутами и предикатами:

<i>tolle Polizistin</i>	классная полицейская
<i>gute Polizistin</i>	хорошая полицейская
<i>liebe Polizistin top</i>	полицейская хороша, топ
<i>Heldin!!</i>	героиня!!

В эксплицитных оценках действий клейкунов, которые пользователи дают в комментариях, преобладает негативная окраска:

<i>Klimakleber-Terroristen</i>	Клейкуны-террористы
<i>diese klimanazis</i>	Эти климанации
<i>Klima-Chaoten</i>	Клима-смутьяны

При детальном анализе материала выявляется, что объектом пользовательской оценки в комментариях выступают не только реальные участники события, но и те, которые остались «за кадром»: это государство, в котором живут участники и комментаторы; представители власти и руководства полицейской; другие государства, где, как представляется пользователям, подобные акции невозможны. Оценки «закадровых» участников события возникают благодаря пресуппозиции – знанию условий жизни в конкретном государстве, где произошло комментируемое событие, а также личному опыту и общему кругозору пользователя. «Закадровый» участник выступает в роли адресата: его нет, но к нему обращаются:

<i>Bitte keine Bestrafung für den Polizisten.</i>	Пожалуйста, не наказывайте полицейского.
<i>Auch ER hat nur Nerven.</i>	И у НЕГО есть нервы.

«Закадровый» участник выступает и в качестве героя высказывания:

<i>Weil es gewollt und unterstützt wird von unserer tollen Regierung</i>	Потому что наше замечательное правительство этого хочет и поддержива-ет
--	---

Оценки «закадровых» участников события демонстрируют отношение пользователей к реальным участникам и выражают поддержку сотрудницы полиции через критику действий властей и государственного устройства:

<i>Die letzte Ölung... Jetzt hat eine Polizistin richtig gehandelt, ihr rutscht die Flasche aus der Hand und sie bekommt bestimmt noch ein Diszi... wo leben wir bloß...</i>	Последнее помазание... Сейчас сотрудница полиции действовала верно, бутыль выскальзывает из рук, а она теперь получит дисциплинарное взыскание... Где мы живем...
--	---

<i>Die arme Polizistin wird bestraft – Die Justiz wird da nicht wegschauen Locker 2 Jahre Gefängnis!</i>	Бедную сотрудницу полиции оштрафуют – Юстиция своего не упустит. 2 года тюрьмы – легко!
--	---

<i>– Leider ist das zu erwarten...</i>	– К сожалению, этого следует ожидать... (ответ на предыдущий комментарий – прим.)
--	--

Также благодаря пресуппозиции появляются оценки сопоставительного характера:

<i>In Texas... gaebt bestimmt keine...</i>	<i>В Техасе... наверняка таких бы не было...</i>
--	--

Таким образом, в комментариях пользователей прослеживаются полярные оценки участников события, которые сложились в обществе. При этом объектом оценки являются не только непосредственные, но и «закадровые» участники, не присутствующие в видеосюжете участники. Нельзя не отметить преобладание негативных оценок климатических активистов.

Новость от 6 сентября содержит больше деталей по сравнению с новостью от 7 сентября. В сюжете показана реакция жителей других городов на акции протеста клейкунов: пощечина от водителя активистке, которая также приклеила себя к асфальту в Мюнхене; стаскивание экоактивиста с бочки, где он произносил речь, в одном из городов Баварии (наименование в сюжете не уточняется); присутствует информация о продолжении акций экоактивистов в других городах Германии о проверке полицией эпизода с растительным маслом. Подробности повышают степень эмоциональности новостного сюжета, однако оценки пользователей в комментариях к обоим сюжетам идентичны. Это приводит к мысли, что подробности новостного текста не влияют или мало влияют на пользовательскую оценку события и его участников.

Рассмотрим временные и модальные характеристики оценки, содержащейся в тексте комментариев. Анализ показывает, что оценка выражается в актуальных, футуральных и перфектных предложениях:

<i>Meine Güte was für eine Aufregung wegen so ein bisschen Öl, kann voll verstehn daß die Polizei die Nase voll hat</i>	Боже мой, ну что за волнения из-за небольшого количества масла, полностью понимаю, что полиция сыта по горло
---	--

<i>Das sieht man doch das ihr der Kanister aus der Hand gerutscht ist</i>	Да видно же, что бутыль выскользнула.
---	---------------------------------------

<i>und du erklärst deinen kindern dann in 25 Jahren, warum sie sich mit dem vermurksten klima rumärgern müssen</i>	А потом через 25 лет ты объяснишь детям, почему им приходится иметь дело с испорченным климатом	Die Polizistin ... bekommt noch ein Diszi... wo leben wir bloß...	Сотрудница полиции... еще получит дисциплинарное взыскание... Где мы живем...
<i>War Unfall</i>	Это был несчастный случай	<i>Hoffentlich kommt bald ein Aktivist unter die Räder!</i>	Надеюсь , вскоре какой-нибудь активист угодит под колеса
<i>Ich bin sicher, das war keine Absicht von der Polizistin, richtig? Das sehe ich eindeutig, dass das ein Versehen war</i>	Я уверен, со стороны сотрудницы полиции не было намерения, так? Я ясно вижу, что это была оплошность	<i>Habe eher das Gefühl das sie ein Disziplinarverfahren bekommt.</i>	У меня, скорее, чувство, что она получит дисциплинарное взыскание.
Все три времени говорят о восприятии пользователями свершившегося факта и представлении его последствий в настоящем и будущем.		<i>die Menschen, die jeden Morgen und jeden Abend in Staus stehen, fahren also gar nicht zur Arbeit. Was ein Schwachsinn</i>	люди, которые каждое утро и каждый вечер стоят в пробках, так вообще не доедут до работы . Что за дурь
Встречаются пользовательские оценки в высказываниях с модальностью необходимости или возможности:		При обсуждении модально-временных характеристик важно отметить их значимость для жанровой природы комментариев. В приведенных выше примерах, помимо оценочности, наблюдается дополнительная интенция императивности. Модальность возможности в прогнозе дальнейшего развития события или модальность чувства в предположении дают оценкам дополнительную интенцию информирования. Таким образом, оценочный жанр обогащается чертами императивного и информативного жанров.	
<i>Die Polizistin muss befördert werden</i>	Сотруднику полиции надо поддержать	При обсуждении модально-временных характеристик важно отметить их значимость для жанровой природы комментариев. В приведенных выше примерах, помимо оценочности, наблюдается дополнительная интенция императивности. Модальность возможности в прогнозе дальнейшего развития события или модальность чувства в предположении дают оценкам дополнительную интенцию информирования. Таким образом, оценочный жанр обогащается чертами императивного и информативного жанров.	
<i>Diese Polizistin hat sich offensichtlich nicht im Griff. Sie sollte schnell aus dem Polizeidienst entlassen werden. Und wer so etwas gut findet, der sollte beten, dass ihm eines Tages die Staatsgewalt nicht auch ungerechtfertigte Gewalt antut.</i>	Эта полицейская явно ничего не контролирует. Ее надо уволить со службы. А том, кто считает это правильным, пусть молится, чтобы однажды государственная власть не совершила неоправданное насилие и над ним.	Обратим внимание на другие примеры с ирреальной модальностью. Это суждения о необходимости:	
<i>...Der hätte die ganze Flasche drüberkippen sollen</i>	...Ему надо было опрокинуть всю бутыль	<i>Es reicht diese Klimakleber müssen es merken das das endlich aufhören muss!!</i>	Это предел, клей-куны должны понимать, что пора, наконец, прекра-щать!!
<i>Normalerweise hätte es mindestens Reizgas sein müssen!!!</i>	Вообще, это должен был быть газ раздражающего действия!!!	Суждения о возможности:	
<i>Och kann doch mal passieren... war bestimmt nicht mit Absicht...</i>	Ох, может же случиться... точно не было намеренно...	<i>die klimaterroristen könnten froh sein dass sie sich nicht mir in den weg kleben</i>	Климаттеррористы могли бы по-радоваться, что не приклеиваются у меня на пути

Модальные смыслы в оценках немецких пользователей выражены при помощи модальных глаголов. Однако встречаются случаи, когда ирреальную модальность получает форма настоящего времени в значении будущего. Характерно, что ирреальный смысл при этом может передавать вводное слово *hoffentlich*:

<i>Geil aber pisSEN wäre noch besser</i>	Круто, но помочиться (на клейкунов – прим.) было бы еще лучше
<i>Pisse wäre besser</i>	Лучше было бы мо-чой

Призывы:

<i>Keine Gnade für die Kleber!!</i>	<i>Нет милости клейкунам!!</i>
<i>Bitte schenkt denen keine Aufmerksamkeit mehr!!!</i>	<i>Пожалуйста, не обращайте на них больше внимания!</i>
<i>Mehr Anti-Klima-chaoten-Ohrfeigen bitte!</i>	<i>Больше анти-климатических оплеух!</i>
<i>Alle einsammeln und arbeiten schicken</i>	<i>Всех собрать и отправить работать</i>
<i>Alle spenden einfrieren, hohe Geldstrafe geben</i>	<i>Все взносы заморозить, выписать высокие штрафы</i>
<i>Richtig so! Die sollen lieber arbeiten gehen</i>	<i>Правильно! Пусть лучше идут работать!</i>
<i>Die müssten froh sein, das man noch beremst</i>	<i>Им бы радоваться, что люди еще снижают скорость</i>

Модальность необходимости, призыва и пожелания также обогащает оценку чертами императивности.

Таким образом, благодаря появлению дополнительных модальных характеристик, оценка, выраженная в пользовательском комментарии, приобретает черты других жанров, что придает комментарию полиинтенциональный характер.

Выводы

Итак, пользовательские комментарии к новости составляют особый случай интернет-комментариев с рядом специфических черт, которые были обозначены выше.

Объект оценки в таких комментариях шире, чем кажется на первый взгляд: внимание пользователей привлекает не только само событие и его непосредственные участники, но и те, которые находятся «за кадром» новостного сюжета.

Модально-временные характеристики оценок, выражаемых в таких комментариях, обогащают оценочный жанр, добавляя ему черты информативного и императивного жанров. Это дает возможность говорить о жанровой диффузии, или «уплотнении жанров», не только в первичных текстах медиасфера [18], но и во вторичных текстах – комментариях.

Возможность «уплотнения жанра» в текстах комментариев наталкивает на мысль о том, что комментарий следует рассматривать не как отдельный жанр, но, скорее, как тип текста, который может содержать палитру жанров. Ее обогащение становится возможным благодаря модально-временным характеристикам комментариев, что создает эффект полиинтенциональности. Это предположение задает необходимость его дальнейшей проверки на материале комментариев других дискурсов и других лингвокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Büsing A., Pril S., Beniermann A., Bergmann A., Kremer K. Inhaltlicher Diskurs oder Shitstorm? Analyse fachlicher Bezüge in Kommentaren eines YouTube-Videos zum Klimawandel // Sammelband Nachhaltigkeit und Social Media: Bildung für eine nachhaltige Entwicklung in der digitalen Welt / eds. A. Bush, J. Birke. Nachhaltigkeit und Social Media. Springer VS, Wiesbaden, 2022. S. 87–114. https://doi.org/10.1007/978-3-658-35660-6_5
2. Eilders C., Neidhardt F., Pfetsch B. Pressekommentare und öffentliche Meinung: Fragestellungen zu einem vernachlässigten Genre // Machtkonzentration in der Multimediasellschaft? / eds. H. Schatz, O. Jarren, B. Knaup. Herausgegeben : Westdeutscher Verlag, 1997. S. 176–187. https://doi.org/10.1007/978-3-322-87303-3_11
3. Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // Жанры речи. 2024. Т. 19, вып. 2 (42). С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
4. Радина Н. К. Интент-анализ онлайн-дискуссий (на примере комментирования материалов интернет-портала ИноСМИ.ru) // Медиаскоп. 2016. Вып. 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2238>
5. Шамаев И. Н. Классификация блогов Рунета // Вестник Волгоградского государственного университета. 2013. Сер. 9. Вып. 11. С. 120–124. EDN: RWWBLL
6. Шмелева Т. В. Оценочные высказывания в комментариях к стриму // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 2 (7). С. 89–102. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2\(7\)-89-102](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-2(7)-89-102)
7. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система : сборник статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. С. 10–16. EDN: WJJWJN
8. Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88. EDN: TIBWTF
9. Карасик В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы // Жанры речи. 2024. Т.19, № 1 (41). С. 79–89. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>
10. Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>
11. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. Синтаксис. М. : Наука, 1980. 717 с.

12. Адмони В. Г. Теоретическая грамматика немецкого языка: Стой современного немецкого языка : учеб. пособие для студентов пед. институтов. М. : Просвещение, 1986. 336 с.
13. Москвин В. П. Методы и приемы лингвистического анализа. М. : Флинта, 2015. 224 с.
14. "Klimaterroristen" ist Unwort des Jahres 2022 // ARD-Gemeinschaftseinrichtung tagesschau.de. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/unwort-2022-101.html>
15. Климкова Н. А. Новое слово как «побочный продукт» перевода медиатекста // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 1 (11). С. 48–56. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1\(11\)-48-56](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1(11)-48-56)
16. Polizistin (ver)schüttet Öl auf Klima-Kleber // YouTube-канал издательства Bild. URL: https://www.youtube.com/watch?v=IWvfm1T3dMw&ab_channel=BILD
17. Klimakleber von Polizistin mit Öl übergossen // YouTube-канал издательства Bild. URL: <https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo>
18. Шмелева, Т. В. «Уплотнение жанров» как тенденция медиасфера // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 270–276. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

REFERENCES

1. Büsing A., Pril S., Beniermann A., Bergmann, A., Kremer K. Inhaltlicher Diskurs oder Shitstorm? Analyse fachlicher Bezüge in Kommentaren eines YouTube-Videos zum Klimawandel. In: Bush A., Birke J., eds. *Sammelband Nachhaltigkeit und Social Media: Bildung für eine nachhaltige Entwicklung in der digitalen Welt*. Herausgegeben, Nachhaltigkeit und Social Media. Springer VS, Wiesbaden, 2022, S. 87–114 (in German). https://doi.org/10.1007/978-3-658-35660-6_5
2. Eilders C., Neidhardt F., Pfetsch B. Pressekommentare und öffentliche Meinung; Fragestellungen zu einem vernachlässigten Genre. In: Schatz H., Jarren O., Knaup B., eds. *Machtkonzentration in der Multimediasellschaft?* Herausgegeben, Westdeutscher Verlag, 1997, S. 176–187 (in German). https://doi.org/10.1007/978-3-322-87303-3_11
3. Kolokoltseva T. N. Internet comments as a network genre: General characteristics, diological potency, classification problems. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 164–173 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>
4. Radina N. K. Intent analysis of online discussions (using the example of commenting on materials from the Internet portal InoSMI.ru). *Mediacoscope*, 2016, no. 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/2238> (in Russian).
5. Shamaev I. N. Classification of Runet blogs. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistic*, 2013, iss. 11, pp. 120–124 (in Russian). EDN: RWWBLL
6. Shmeleva T. V. Evaluative statements in the comments to stream. *VERBA. North-West Linguistic Journal*, 2023, no. 2 (7), pp. 89–102 (in Russian). EDN: WJJWJN
7. Duskaeva L. R. Intentionality of media speech: Ontology and structure. In: Duksaeva L. R., Tsvetova N. S., eds. *Media Text as a Polyintentional System: Coll. of arts*, Saint Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2012, pp. 10–16 (in Russian). EDN: WJJWJN
8. Steksova T. I. *Commentary as a speech genre and its variability. Speech Genres*, 2014, no. 1-2 (9-10), pp. 81–88 (in Russian). EDN: TIBWTF
9. Karasik V. I. Reader's comment as a genre of the modern Russian blog sphere. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 79–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>
10. Viktorova E. Yu., Panteeva K. V. An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>
11. *Russkaja grammatika: v 2 t. T. 2* [Russian grammar: in 2 vols. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka, 1980. 717 p. (in Russian).
12. Admoni V. G. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka. Stroi sovremenennogo nemetskogo yazyka: ucheb. posobie dlya studentov ped. institutov* [Theoretische Grammatik der deutschen Sprache: Die Struktur der modernen deutschen Sprache: ein Lehrbuch für Studenten pädagogischer Institute]. Moscow, Prosveshchenie, 1986. 336 p. (in German).
13. Moskvin V. P. *Metody i priemy lingvisticheskogo analiza* [Methods and techniques of linguistic analysis]. Moscow, Flinta, 2015. 224 p. (in Russian).
14. "Klimaterroristen" ist Unwort des Jahres 2022. ARD-Gemeinschaftseinrichtung tagesschau.de. Available at: <https://www.tagesschau.de/inland/unwort-2022-101.html>
15. Klimkova N. A. New word as by-product of media text translation. *VERBA. North-West Linguistic Journal*, 2024, no. 1 (11), pp. 48–56 (in Russian). [https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1\(11\)-48-56](https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-1(11)-48-56)
16. Polizistin (ver)schüttet Öl auf Klima-Kleber. YouTube-channel of the publishing house Bild. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=IWvfm1T3dMw&ab_channel=BILD
17. Klimakleber von Polizistin mit Öl übergossen. YouTube-channel of the publishing house Bild. Available at: <https://www.youtube.com/shorts/g7zSUW-y4Vo>
18. Шмелева Т. В. "Condensation of genres" as a Trend in Media Sphere. *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 270–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-270-276>

Поступила в редакцию 18.02.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 10.04.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 18.02.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 10.04.2024; published 28.11.2025

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 424–441

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 424–441

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-424-441>, EDN: WOSKYG

Научная статья

УДК 004.738.5:811.161.1'271'37

Интернет-пожелания: социальная перцепция и речевая рефлексия

А. Н. Байкулова[✉], Е. Н. Малашенкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Байкулова Алла Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Малашенкова Елена Николаевна, доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Аннотация. В статье рассматривается пожелание как заимствованный из непосредственной коммуникации, но трансформированный речевой жанр, функционирующий в веб-среде в форме картинок или рисунков, содержащих стихотворные и прозаические тексты, GIF-анимаций, видеороликов, слайд-шоу из неподвижных изображений, сменяющих друг друга под музыку, аудиофайлов (аудиооткрытки или голосовые поздравления). Чаще всего пожелания самостоятельно или вместе с поздравлением составляют содержательную часть виртуальных открыток (графический жанр), предназначенных для разных поводов: официальные и неофициальные праздники, радостные события, развитие человеческих взаимоотношений. Отмечена высокая степень распространённости виртуальных открыток с пожеланиями в коллекциях различных интернет-ресурсов, представлены результаты анализа digital-маркетинга в сфере жанров праздничного дискурса. Жанровые новации порождают неоднозначное социальное восприятие (перцепцию). С одной стороны, виртуальные открытки востребованы и используются как готовые шаблоны поздравлений и пожеланий на все случаи жизни; с другой стороны, их тексты и графические особенности становятся факторами риска. На материале высказываний, собранных авторами на различных интернет-сайтах, показано социальное восприятие текстов и графического оформления открыток. О таком восприятии красноречиво свидетельствуют рефлексивные высказывания, содержащие метаоценки: рациональные, лингвистические, эмоциональные, этические. Выявлены метаоценочные высказывания, основанные на межкультурных различиях, в частности обращено внимание на восприятие пожеланий в среде молодёжи, подверженной веяниям феминистской субкультуры, которой свойственны идеи, противоречащие традиционным ценностям русской культуры. Представленные метатексты свидетельствуют о процессах изменения обыденного сознания граждан под влиянием медиатизации: предпочтение отдается реальной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык, жанры интернет-коммуникации, виртуальная открытка, поздравление, пожелание, метатекст, метаоценка, коммуникативные риски, феминизм

Для цитирования: Байкулова А. Н., Малашенкова Е. Н. Интернет-пожелания: социальная перцепция и речевая рефлексия // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 424–441. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-424-441>, EDN: WOSKYG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Internet wishes: Social perception and speech reflection

A. N. Baikulova[✉], E. N. Malashenkova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alla N. Baikulova, allabay15@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0595-0163>

Elena N. Malashenkova, malashenkova.en@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1880-5571>

Abstract. The article examines ‘well-wishes’ as a speech genre that was initially borrowed from direct communication, but transformed over time and is now functioning in the web environment in the form of pictures or drawings containing poetic and prosaic texts, GIF animations, videos, slide shows of static images replacing each other and accompanied by music, as well as audio files (audio postcards or voice greetings). Most often, wishes alone or together with congratulations form the content of virtual cards (graphic genre), intended for various occasions: official and unofficial holidays, joyful events or development of interpersonal relationships. The research indicates a high prevalence of virtual cards with wishes in the collections of various Internet resources and presents the results of the analysis of digital marketing in the field of holiday discourse genres. Genre innovations give rise to ambiguous social perceptions. On the one hand, virtual cards are in demand and are used as ready-made templates for congratulations and wishes for all occasions; on the other hand, their texts and graphic features become risk factors. The study shows the social perception of texts and graphic design of postcards based on statements collected by the authors on various Internet sites. This perception is clearly evidenced by reflective statements containing rational, linguistic, emotional and ethical meta-evaluations. We have identified meta-evaluative statements based on intercultural differences, in particular, drawing attention to the perception of wishes among young people exposed to the trends of the feminist subculture, which is characterized by ideas that contradict the traditional values of Russian culture. The presented metatexts indicate the processes of change in the everyday consciousness of citizens under the influence of mediatization: preference is given to real communication.

Keywords: Russian language, genres of Internet communication, virtual postcard, congratulations, wishes, metatext, meta-evaluation, communication risks, feminism

For citation: Baikulova A. N., Malashenkova E. N. Internet wishes: Social perception and speech reflection. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 424–441 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-424-441>, EDN: WOSKYG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Данную статью можно считать продолжением рассмотрения речевого жанра «пожелание» на страницах журнала «Жанры речи» (см.: [1, 2]). В одной из ранее опубликованных работ представлен обзор литературы, связанной с изучением пожеланий (2023 г.), в другой (2024 г.) – анализируются естественные устные спонтанные и печатно-клавиатурные (собранные из интернет-переписки) пожелания молодёжи с позиций проявления в них лингвокреативности.

Новое исследование проведено в русле «виртуального жанроведения» (термин Е. И. Горошко [3]). Ни у кого не вызывает сомнения, что важной характеристикой интернет-дискурса является его жанровое многообразие: Интернет способствует как возникновению новых жанров, так и трансформации и синтезу давно существующих. Л. Ю. Иванов [4] предложил классифицировать жанры на исконно сетевые (чаты и дискуссионные группы) и заимствованные Интернетом из других сфер общения, причём, по мнению Е. И. Горошко, можно говорить о трансформации классических жанров в «новые интернет-жанры 2.0» [5]. К заимствованным жанрам можно отнести, в частности, интернет-пожелание как вторичный, модифицированный речевой жанр, основанный на традиционных грамматических моделях (о моделях пожеланий см.: [6, 7]). Речь идёт

о специально создаваемых копирайтерами и рерайтерами текстах поздравлений и пожеланий, представленных на тематических сайтах и адаптированных к интерактивным особенностям интернет-общения (тенденции мультимедийности, визуализации).

При возникновении вторичных речевых жанров «меняется не столько сфера, сколько общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. Исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения, статус, канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со светской беседой, если сравнить ее с болтовней или сплетнями, или с жанрами виртуального общения блог, форум, чат, если сравнить их с перепиской, дневником, обменом записочками, дружеской беседой). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает, порождает один или целую серию запретов» [8: 24].

Интернет-пожелание как трансформированный жанр носит искусственный характер (не исключается возможность его генерирования нейросетями и другими системами искусственного интеллекта (ИИ)), имеет обычно стереотипное содержание и рассчитан на массового обезличенного адресата при учёте социальных слоёв населения, его

гендерных характеристик. Попытки придать такого рода текстам уникальный характер не всегда приводят к желаемому результату.

В интернет-коммуникации этот жанр приобретает не только новые формы воплощения, но и способы распространения – представлен в многочисленных базах / каталогах различных веб-ресурсов в целях удовлетворения запросов потребителей в создании текстов праздничного дискурса.

Широко распространившиеся виртуальные открытки с электронными поздравлениями и пожеланиями привлекают к себе внимание со стороны интернет-пользователей: наблюдается особое восприятие этого жанра, отражающееся в метатекстовых высказываниях, содержащих оценки, которые можно расценивать в качестве маркеров социальной перцепции и факта речевой адаптации к новым жанровым формам. Поэтому мы ставим перед собой **цель** не только рассмотреть жанр пожелания (прежде всего на виртуальных открытках), но и проанализировать метатекстовые высказывания интернет-пользователей, вызванные самим фактом его распространения и качеством текстов, предлагаемых различными сервисами. Это позволило сделать выводы об изменениях, происходящих в обыденном сознании людей под влиянием медиатизации общества.

Материалом анализа послужили:

- виртуальные открытки на специализированных сайтах с поздравительными текстами и открытками;
- сгенерированный нейросетью текст поздравления;
- посты и комментарии в сообществах социальной сети «ВКонтакте»
(«Подслушано – Здесь говорят о тебе»; «Не все поймут» и др.) и на интернет-форумах, связанных с темой поздравлений и пожеланий;
- посты и комментарии феминистки настроенной молодёжи (в сообществах «Феминизм навсегда: как правильно всё за-прещать», «Подслушано Феминизм 18+», «Феминизм в регионах», «FemUnity» и др.), интернет-статьи «Как поздравить женщину с 8 Марта без сексизма», «о правильных поздравлениях с 8 марта»; «Не называй меня нежной: как поздравить феминистку с 8 марта».

Пожелание как вторичный жанр виртуальной коммуникации

Возникновение вторичного жанра пожелания на различных веб-ресурсах обусловлено заполнением ниши новым контентом в виде интеллектуального / эстетического продукта – тематических коллекций поздравлений

и пожеланий, отражающих этикетные запросы массового потребителя (реализуется благая цель в интересах интернет-пользователей). Но прежде всего создатели сервиса поздравлений и пожеланий руководствуются явными или скрытыми коммерческими целями: получить материальную выгоду от продажи своего продукта (платные предложения), повысить посещаемость страницы (монетизация ресурса осуществляется косвенным путём). Кроме того, подобные сервисы, как правило, предоставляют площадку для размещения контекстной рекламы с целью дальнейшей переадресации трафика на коммерческие сайты.

Сам по себе текст пожелания, а также пожелание в структуре виртуальных открыток и иных визуальных- и аудиоформ можно считать жанром, заимствованным из реального общения, но важно отметить, что это искусственно созданные тексты, хотя в их основе классические модели пожеланий. Интернет-пожелание может не только сосуществовать с поздравлением как субжанром, но и обретать самостоятельность в новых, в отличие от устной коммуникации, формах.

Виртуальные открытки представлены видеороликами, анимированными, голосовыми (аудио входящим звонком на телефон адресата, озвученное разными голосами, например, голосом В. В. Путина, кота Матроскина, полицейского и др.) пожеланиями при возможной контаминации этих форм. Интернет-пожелания могут быть прозаическими (содержать этикетную формулу, например, *С добрым утром* на фоне традиционных культурных символов: чашка чая / кофе, порхающая бабочка, ваза с цветами, блюдце с ягодами / кондитерскими изделиями) и рифмованными: *Чтобы жизнь была ключом и горя не было ни в чём*. Нередко рифмованные и прозаические фрагменты сосуществуют в рамках одного текста.

Предназначенные в целом для массового адресата (интернет-пользователи) такие пожелания, тем не менее, могут носить характер именного обращения (выбор имен широк: от Абрама и Авроры до Ярославы); учитывать социальные характеристики адресата – пол (мужчине, женщине), возраст (детям, девушке), профессию (учителю, строителю и т. п.), социальный статус (выпускникам, молодожёном и т. п.), межличностные отношения (семейно-родственные, дружеские, любовные: сыну, дочери, сестре, тёще, лучшему другу, любимому / ой и т. п.). Это тексты на все вкусы и с любой тональностью: от серьёзной до фривольной, адресованные людям разных социальных слоёв и культур.

Однако предлагаемые в виртуальной среде тексты пожеланий часто отличаются при-

митивностью и дурновкусием в плане содержания и графического оформления. Например: (пожелание мужу с сайта «Поздравок») *Мой родной, мой незаменимый и любимый! Хорошего дня тебе, мой лучший муж. Желаю провести этот день на позитиве, быть бодрым и активным. Желаю добрых новостей и светлого настроения. Выражения мой лучший муж (лучший из каких других?) или светлое настроение сразу могут вызывать неоднозначную ответную реакцию адресата. Пожелание на виртуальной открытке (рис. 1).*

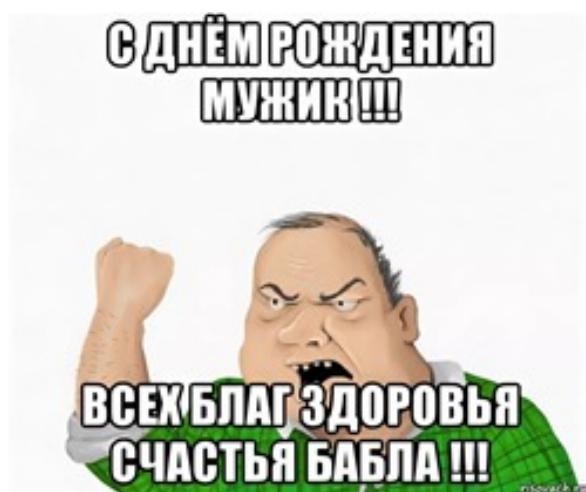

Рис. 1. Виртуальная открытка в виде мема

Fig. 1. A virtual postcard in the form of a meme

Даже если это юмористическое пожелание, то характер его восприятия адресатом также неоднозначен.

В виртуальной среде жанр пожелания постоянно развивается: всё активнее функционируют картинки, анимации, видео, сопровождающиеся не только традиционными благопожеланиями по поводу официальных праздников (Новый год, 8 Марта и др.) или важных событий в личной жизни человека (день рождения, день свадьбы), но и ранее не свойственными исконному жанру текстами без значимых поводов: *Моря цветов и улыбок вам в это воскресенье! С пятницей вас! Чудесного дня! Пусть будет рядом добра / Здоровье, мир и красота! Спокойной ночи! / расслабляйтесь отдыхайте / о заботах / Забывайте и т. п.* Пожелания без повода, очевидно, служат как контактостанавливающие этикетные знаки: отправляя их, адресант преследует цель напомнить адресату о себе, улучшить настроение, проявить участие, пошутить и т. п.

Широкое распространение виртуальных открыток обусловлено спецификой самой интернет-коммуникации: доступностью для лю-

дей любого социального статуса, находящихся на любом расстоянии друг от друга; возможностями выбора оптимального продукта (различные сервисы предлагают разнообразные каталоги поздравлений и пожеланий, о чем речь пойдёт далее) и минимизацией речевых усилий и временных затрат; скоростью доставки сообщения (пожелание доброго утра или спокойной ночи придет вовремя); экономичностью (почтовое отправление может быть дороже электронного); мультимедийностью (возможность использовать фото-, видео- и аудиоматериалы). Форма пожелания, его повод или адресация, т. е. ключевые слова, сужающие область запроса, обычно указываются в поисковой строке браузера для автоматизированного отбора подходящих веб-ресурсов.

Digital-маркетинг поздравительного продукта, его зависимость от запросов потребителя

Востребованность баз поздравительных текстов в виртуальном пространстве отражает их digital-маркетинг. На разных сайтах предложены прозаические, стихотворные и музыкальные поздравительные тексты, приуроченные ко всем существующим календарным праздникам, включая светские, религиозные, профессиональные и, самое главное, малоизвестные и не имеющие социальной значимости и отношения к адресату. Например, на специализированном сайте «Поздравок» (<https://pozdravok.com/pozdravleniya/vazhno/>), который насчитывает более 149 тыс. готовых текстов, помимо традиционных поздравлений с Днём рождения, юбилеем, Днём свадьбы, предлагаются варианты поздравительных текстов с покупкой машины (97 – в стихах, 51 – в прозе), с пенсиею (92 – в стихах, 46 – в прозе), с беременностью (58 – в стихах, 54 – в прозе), с получением прав (46 – в стихах, 17 – в прозе), с получением паспорта (43 – в стихах, 17 – в прозе), с первой зарплатой (19 – в стихах, 8 – в прозе). В особую группу можно выделить поздравления с пятницей, субботой / выходными днями (70 – в стихах, 53 – в прозе). Такие поздравления в той или иной степени естественны: они непосредственно связаны с более или менее важными событиями в жизни адресата, иногда носят шутливый характер. Там же находим варианты поздравлений с пожеланиями ко Дню объятий (104 – в стихах, 33 – в прозе), Дню Домового (46 – в стихах), Дню сурка (39 – в стихах, 1 – в прозе), Дню рождения водки (35 – в стихах), а также ко Дню рождения Рунета, Дню анимешника, Всемирному дню черепахи и многим другим. Обратим внима-

ние на то, что стихотворных форм больше, чем прозаических.

Анализ поисковой выдачи (страницы с результатами) на запрос «С праздником» показывает следующие результаты: поисковая система Рунета «Яндекс» одной из первых выдаёт ссылку на Pinterest (Pinterest – интернет-сервис, фотохостинг, позволяющий пользователям добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции и делиться ими с другими пользователями). В коллекции Pinterest 2125 пинов (изображений), приуроченных к различным праздникам, поздравления с Рождеством, с Днём рождения, с Вербным воскресеньем, Чистым четвергом и др.

Удивляют подборки картинок к праздникам по месяцам. В подборке «Январь» предложены поздравительные изображения с Днём объятий, Днём рождения Википедии, Днём Эскимо, Днём Мандаринок и др.; апрельские открытки – с Днём какао, с Днём подснежников, с Днём пряника и др.; в подборке «Ноябрь» – открытки с Днём рождения буквы Ё, Днём белочки, Днём удачных продаж, Днём молочных коктейлей и др. Увеличение поводов для поздравлений очевидно. Изображения могут содержать только реплику-поздравление, а могут включать в себя и благопожелания (рис. 2).

На поисковый запрос «Пожелание» также выдаётся ссылка на Pinterest «Пожелания на каждый день». По ссылке интернет-пользователь попадает в банк пожеланий-картинок, насчитывающий 3254 пина и включающий ряд тематических подборок: дни недели, доброе утро и др. В числе других результатов, предложенных поисковой системой Яндекс, встречаются статьи и сайты «Добрые поже-

ления на каждый день» (<https://intrigue.dating/interesnoe/dobrye-pojelaniya-na-kajdyy-den/>), «Красивые пожелания доброго дня: 390 пожеланий хорошего дня» (<https://mensby.com/women/relations/krasivye-pozhelaniya-dobrogo-dnya-list-pozhelaniy-horoshego-dnya>), «Пожелания на каждый день, пожелания без повода» (<https://3d-galleru.ru/pozdrav/cat/terplye-slova-2159/>), что иллюстрирует, во-первых, возможную автономность пожелания от поздравления, а во-вторых, тенденцию к отправлению пожеланий без повода.

Сервис Яндекс Вордстат показывает статистику поисковых запросов в Яндексе и позволяет отследить, что искали пользователи системы. Общее количество запросов с ключевым для нас словом «пожелание» за один месяц (10.06.2024–10.07.2024) составило 4 471 152. Видим, что пользователи стремятся ранжировать пожелания в зависимости от повода: самые частые запросы: *пожелания с днём рождения* – 1 641 017 запросов; *пожелание доброе утро* – 787 652, *доброе утро пожелания добра* – 787 384; *пожелания доброго вечера* – 168 062.

Важно отметить, что большинство запросов нацелено на поиск визуальных, а не только текстовых интернет-пожеланий: *открытки с пожеланиями* – 1 494 951 запросов, *открытка с днём рождения с пожеланиями* – 1 085 396, *красивые открытки с пожеланиями* – 851 707, *бесплатные открытки пожелания* – 655 780, *скачать красивые открытки пожелания* – 243 809 и т. д.

Очевидно стремление пользователей разделять пожелания в соответствии с полом и возрастом адресата: *пожелания женщине* – 836 750 запросов, *пожелания с днём рождения женщине* – 667 710, *пожелания с днём*

Рис. 2. Интернет-открытки с нетрадиционным содержанием

Fig. 2. Online postcards with non-traditional content

рождения мужчине – 397 247, пожелания девушке – 103 745. Сайты, предлагающие готовые тексты пожеланий, судя по всему, предвосхищают или учитывают эти запросы пользователей. Так, например, сервис «Поздравок» осуществляет учёт не только возраста и гендерной принадлежности получателя пожелания (женщине, мужчине, девушке, парню), но и родственных или дружеских связей (сестре, брату, сыну, дочери и др.), социально-статусных и профессиональных характеристик (коллеге, начальнику, партнёрам).

На аналогичном сайте «Поздравик» обнаруживаем ещё больше микрорубрик, например, наряду с пожеланиями спокойной ночи, выздоровления, предлагаются тексты поздравлений, учитывающие знак зодиака адресата (овну, тельцу и др.), его религиозную принадлежность (мусульманам, православным, католикам) и принадлежность к определённой нации (белорусу, грузину, таджику и др.), составленные на разных языках: региональных (поздравления на адыгейском, калмыцком и др. языках), государственных (поздравления на английском, китайском, турецком и др. языках) и даже языке смайликов.

Интернет-пользователи не оставляют без внимания и форму пожеланий. Возможны следующие запросы: пожелания в стихах / в прозе / в картинках / анимированные пожелания / музыкальные пожелания / видеопожелания / рисованные пожелания (под ними понимаются акварельные рисунки с пожеланиями или векторные, создаваемые в специальных web-редакторах). Любопытно, что страница результатов поиска на каждый из запросов в поисковой строке выдаёт разное количество источников (страниц и сайтов). Соотношение запросов и результатов следующее: рисованные пожелания – 12000 результатов, видеопожелания – 9000, анимированные пожелания – 8000, музыкальные пожелания – 7000, пожелания в картинках – 7000. Ресурсов, посвящённых текстовым пожеланиям, меньше: пожелания в стихах – 4000 результатов, в прозе – 4000. Результаты ранжирования количества предложенных ответов на запросы отражают перевес в сторону визуального контента.

Результаты поиска «Google» подтверждают тенденцию к преобладанию источников с графической информацией. Количество выданных результатов по запросам распределяется следующим образом: пожелания в картинках – 262 млн источников, музыкальные пожелания – 146 млн, рисованные пожелания – 118 млн, анимированные – 87 млн, видеопожелания – 24 млн, тогда как тексто-

вые пожелания в прозе и стихах – 7,6 млн и 6 млн соответственно.

Важно отметить, что помимо обычных сайтов с коллекциями готовых поздравлений и пожеланий, свои услуги по созданию поздравительных текстов предлагают нейросети. Так, Чат-Бот «Алиса» Яндекс Браузера, чат-бот «MitUp», нейросеть «Robotext.io» и др. позиционируют себя как нейросети для создания текстов поздравлений и пожеланий. Сервис Fotor помогает создавать цифровые поздравительные открытки, содержащие картинки с уникальным дизайном.

Мы решили протестировать сервис, названный Генератором поздравлений (<https://politemail.ru/celebrate>). Чтобы нейросеть сгенерировала индивидуализированный текст, пользователю необходимо заполнить анкетную форму, ответив на вопросы: как называется праздник?; как зовут виновника торжества?; как вы ему / ей приходите?; а он / она вам?; что особенного в том, кого поздравляем? Обратим внимание на то, что релевантными параметрами при создании поздравительного текста становятся повод, имя, характер отношений между адресантом и адресатом, индивидуальные особенности адресата. На основе созданного нами промта (текстового запроса, словесной инструкции для нейросети), включающего следующие данные: реципиент – подруга Аня, она занимается волейболом, у неё красивые длинные волосы, есть дочка Соня, нейросеть сгенерировала следующий текст: *Дорогая Аня! С днем рождения тебя, моя дорогая подруга! Пусть этот день будет наполнен радостью, улыбками и яркими сюрпризами. Ты – настоящая чемпионка, как на волейбольной площадке, так и в жизни! Пусть твои длинные волосы манят удачу, а дочка Соня радует тебя своими забавными шалостями. Счастья, здоровья и исполнения всех мечт! С днем рождения, подруга моя!*

Как видим, генератор поздравлений выдаёт прозаический текст, включающий классическую реплику-поздравление с воктивом, указывающим на ролевые и статусные характеристики адресата (С днём рождения, моя дорогая подруга!). Центральное место отводится субжанру пожелания, сконструированному на основе шаблона, включающего стертые метафоры (*Пусть день будет наполнен радостью, улыбками и яркими сюрпризами*). В текст включены: характеризующие адресата признаки, которые также облекаются в метафорическую, но не характерную для русского культурного кода форму (*Пусть твои длинные волосы манят удачу*); комплимент, предваряющий пожелание (Ты – настоящая чемпионка, как на во-

лейбольной площадке, так и в жизни!); упоминание о дочери, которая должна радовать *своими забавными шалостями*, что также вызывает некоторое несоответствие с традиционными представлениями о возможных причинах радости. Таким образом, можно сказать, что данный сервис не в полной мере справляется с задачей создания индивидуализированного, непохожего на другие, поздравительного текста. Такое пожелание может не оправдать ожидания как заказчика, так и получателя (адресата). Тем не менее, возможности ИИ могут помочь тем, кто не обладает навыками создания поздравительных текстов. Из поста интернет-пользователя (орфография и пунктуация здесь и далее сохранены): *Не знаю, что говорить, что пожелать, все время одно и тоже говорю – С др, с праздничком, желаю здоровья (если родители), сем. счастья, чтобы исполнилось все задуманное, не унывать и т. п. Как наступает день Х, так оттягиваю момент разговора по телефону или наоборот быстро набираю и поздравляю*. Наблюдается коммуникативная беспомощность индивида и возникающее вследствие этого чувство психологического дискомфорта.

Помимо генераторов прозаических текстов существуют онлайн-платформы, способные создавать стихотворные поздравительные тексты (например, gpt-tools.ru). Так, необходимо в запросе к ИИ указать тему или первую строку стихотворения (мы отправили запрос – *желаю удачи*), и в течение 15 секунд генерируется рифмованный текст:

*Желаю вам удачи и добра,
Большой любви, здоровья и заботы,
Желаю, чтоб запомнили с утра,
Как с радостью твой папа шёл
с работы.*

*Пусть у вас будет дружная семья,
Любимая и верная супруга,
И верный муж, она всегда твоя,
Всегда вы понимаете друг друга.*

Видим, что стихотворение, созданное сервисом, беспорядочно, хаотично и в целом бессмысленно. Вероятно, из-за того, что эта нейросеть не запрашивает данных о том, кто является адресатом текста, а также другие вспомогательные сведения; в стихотворении упоминаются и папа, и муж, и супруга, что делает текст абсурдным. Можно сделать вывод, что нейросети, нацеленные на создание стихотворных пожеланий, ещё далеки от совершенства.

Социальная перцепция в отношении интернет-пожеланий, отражённая в оценочных метаязыковых высказываниях

Распространённость жанра пожелания в интернет-среде вызвала неоднозначную реакцию интернет-пользователей, высвечивая изменения, происходящие в обыденном сознании людей. Сознание раскрывается через восприятие. Человек, воспринимая новое в окружающем его мире, принимая или не принимая новации, начинает к этим новациям адаптироваться. При этом большую роль играет индивидуальный опыт, являющийся базовым механизмом в повседневной и ежеминутной адаптации к окружающему миру, в том числе и адаптации речевой [9]. Не случайно на различных интернет-форумах, в сообществах и пабликах социальных сетей стали возникать дискуссии, посвящённые жанрам праздничного дискурса, содержащие различные метатекстовые оценки: эмоциональные, эстетические, этические, рациональные и лингвистические (классификацию метаоценок см. в [10]). Метарефлексивы по поводу поздравительного дискурса и пожеланий в частности демонстрируют не только отношение интернет-пользователей к чужой речи, облечённой в жанровую форму, но и к своей собственной (имеют место саморефлексивы). Из интернет-переписки: *Кого-то бесит, когда пишут «с др кароч», а я тот самый человек, который считает эти слова намного более искренними, чем десять строчек лживых и однообразных пожеланий с кучей смайликов в конце. Так что просто с ДР! Это свидетельствует о том, что интернет-пользователей (преимущественно представителей молодого поколения) волнуют проблемы реализации жанров праздничного дискурса в печатно-клавиатурной форме*.

Поскольку отражение реальности в метаязыковом сознании людей является одним из центральных направлений в современной лингвистике, нам представляется очень важным затронуть этот аспект в изучении жанра. Нельзя не согласиться с мнением И. Т. Вепревой о том, что «обилие метаязыковых высказываний, или рефлексивов <...>, в современной речи придает ей особый привкус: как щепотка соли, метавысказывания помогают выявить антропоцентрический характер современного языкового существования, подчеркнуть значимость личности в языке, осознающей себя в свободном выражении своей оценочной позиции. Вербализованные формы метаязыкового сознания позволяют сделать лингвоментальный срез эпохи, наблюдаемый через призму обыденной языковой рефлексии», и лингвоментальный «автопортрет россиян» (см.: [11: 128–129]).

Возникающая социальная перцепция выражается в различных эмоционально-оценочных метаязыковых высказываниях – метаоценках, или метарефлексивах («метаоценка» – термин Л. О. Чернейко [10]).

Рациональные метаоценочные высказывания. В последнее время стало популярным (особенно среди людей старшего возраста) отправлять открытки, анимации и видео практически каждый день, поздравляя с различными праздниками: официальными и личными, светскими и религиозными, профессиональными и малоизвестными, не имеющими социальной значимости и отношения к адресату. При наблюдающемся буме поздравительных виртуальных рассылок встает вопрос об их уместности, выборе формы поздравления (интернет-коммуникация или устное межличностное общение), его тональности (серъёзная, шутливая, фамильярная) и т. д. К сожалению, судя по метатекстовым оценкам интернет-пользователей, это выбор оказывается не всегда правильным: У меня есть знакомая, которая уж **очень сильно бесила меня всякими глупыми поздравлениями**. Каждый день у неё – это праздник. То поздравит меня **с понедельником**, то **с днём собаки**, то **вообще какой-то выдуманный праздник найдёт**, целых **десять разных сообщений с пожеланиями пришлёт**. В один момент настолько сильно устала от этого, что заблокировала её и сказала, что телефон сломался. <...> Теперь мне по почте каждую неделю приходит **огромная куча разных всрятых открыток с поздравлениями**. Вчера, кстати, был «день персика»... (<https://vk.com/overhear>). Негативная реакция эксплицируется посредством использования оценочной лексики (бесила, глупыми поздравлениями, всрятых открыток), а решение пишущего заблокировать знакомую приводит к прекращению контакта. Непрерывающаяся череда поводов для празднования приводит к утрате ценности поздравлений и, соответственно, пожеланий. Чем глупее повод (День персика, День коктейля), тем большее отторжение вызывает поздравление.

Многие пользователи видят предназначение открыток-пожеланий для семейных чатов, в которых происходит укрепление родственных связей: **Мне бабушки каждый день прсылают, то доброе утро, то праздник какой-то неведомый. Меня это раньше тоже дико раздражало, потом я как-то смирилась.** Ну это же бабушки, они освоили интернет в конце концов, ну нечего им делать, вот и шлют. **Более того, я приучила себя скачивать картинку и отправить в ответ, но это касается только бабушек. Мне на две минуты дел, а им приятно.**

Молодые пользователи отмечают, что они готовы принять эти «правила игры», «приучить себя» и отправлять похожие картинки в ответ, но делают это ради родных и близких людей: **Такие картинки я отправляю только бабушкам**, потому что для них это не просто изображения, это один из знаков внимания, проявление любви и заботы к ближнему, **поэтому иногда даже заморачиваюсь, чтобы найти ту картинку, которая им понравится**.

Остро встаёт вопрос об уместности поздравительных интернет-открыток в других видах чатов. В рабочих, корпоративных чатах, чатах соседей или членов клуба / секции и т. д. такие открытки воспринимаются крайне негативно, считаются неуместными, «флудом», поскольку их содержание не соответствует тематической направленности общения: **Нормально отношусь к блестящим ангелам в открытках от родных (терпимое и понятное зло), но ненавижу их в рабочих чатах. Или в чатах подъезда.** Я та самая душная и скандальная сволочь, что пишет просьбы **не засорять этой дрянью рабочие чаты, ибо из-за блестящей пошлой ерунды сложно искать важные вещи**. Устроила разборки на Пасху в спортивном чате, ибо нефиг спамить своими глиттерными яичками, а я проглядела инфу об отмененной тренировке. **И пришла! Шлите этот флуд близким людям.**

Таким образом, восприятие поздравлений и пожеланий в новых интернет-форматах во многом предопределется ситуацией общения, уместностью, степенью близости между коммуникантами и их уровнем общей и речевой культуры.

Многие пользователи отмечают технические неудобства от получения ненужных файлов (я каждое утро начинаю с того, что **чищу память телефонную, матеря особенно активных...; дурацкие тупые открыточки...** их придумали не очень умные люди, чтобы **засорить память телефона, либо просто побесить окружающих**) и пытаются противостоять этому, вести диалог с отправителями. Одни просят отказаться от ежедневных рассылок, отдавая предпочтение иному каналу коммуникации (в ответ на каждое поздравление «с первым днем недели» или пожелание «тепла и уюта этому дому» я писала: «Привет! Рада, что ты обо мне помнишь. Но я хочу попросить тебя отправлять мне поздравления только по официальным праздникам. Еще лучше, звони»); другие переходят к речевой агрессии: (Сначала обесценили праздники, теперь и поздравления. **И я точно так же пытаюсь периодически пресекать этот поток,**

даже в грубой форме...но безрезультатно). Однако, судя по комментариям, многие сталкиваются с невозмутимой реакцией собеседников и отсутствием результата: **Я на одно такое сообщение решила отреагировать. Пишу: «Теть Свет, ты вообще посмотрела, что это за открытка?» А она заявляет: «И что тут такого? Мне отправили, и я отправила»**). Негативное восприятие таких сообщений получателями будто не воспринимается всерьёз отправителями, и заядлые любители открыток через какое-то время снова возвращаются к подобным массовым рассылкам: **Я уже несколько своих знакомых заблокировала – осточертели их картинки. Просила не присыпать – пару-тройку дней спокойных.... потом опять шлют**. Просто идиотизм какой-то. Представляется, что такое поведение в виртуальной среде – проявление интернет-зависимости, а факт ежедневных рассылок подобного рода открыток – один из симптомов этой зависимости. Своеобразной самозащитой общества можно считать активные обсуждения этого вопроса на форумах и в сообществах соцсетей, создание иронических мемов (рис. 3).

Авторы мемов утрированно представляют абсурдность открыток на каждый день, уподобляясь их создателям и предлагая изображения с тематикой для Дня табуретки, Дня плиты и т. д. Примечательно, что созданные картинки высмеивают не только способность выдумывать нелепый праздник (С днём дня!, С днем ночи, С днём горькой жопки огурца!), но и единобразное графическое оформление открыток (большое количество сердечек, розочек, частое изображение животных и т. д.). Посты с такими мемами получают большое количество лайков и одобрительных комментариев со стороны интернет-пользователей.

Можно заметить, что поздравления в молодёжной среде обретают всё большую публичность. При этом с целью привлечения внимания к событию и собственной реакции на него нередко используется медиаинструментарий социальных сетей: в дни рождения друзей публикуют посты с поздравлениями

или Stories в Instagram, Telegram, ВКонтакте, представляющие собой совместную фотографию адресанта и адресата или коллаж из таких фото с пожеланиями, сопровождающимися музыкой и тематическими хештегами. Таким образом, поздравление становится не только фактом проявления внимания к адресату-другу, но и средством самопрезентации адресанта, игрой на повышение собственного имиджа, представлением себя креативной языковой личностью и внимательным любящим другом. Такие поздравления, адресованные друзьям, в целом не оцениваются негативно, собирают лайки; подписчики присоединяются к поздравлению в комментариях. Осуждение вызывает поведение пользователей, которые адресуют публичные поздравления самым близким людям (мужу / жене или ребёнку): **дети только-только отучились сосать палец и выучили несколько слов, а мать его строчит на каждую дату посты с поздравлениями а-ля "дорогая доченька, ты мое солнце и радость, расти счастливой, умной, красивой, самой огигенной, ты моё сокровище, я тебя так люблю" Вот, объясните мне, зачем ЭТО писать? Нет, конечно, если ребенок супермозг и умеет читать в свои год-два и ведёт страничку в Инстаграм, и вообще живет отдельно от родителей, то без вопросов. В этом случае необоснованное обнародование личных поздравлений и пожеланий расценивается как «показушность», моветон и даже неуважение к подписчикам (Люди, которые это пишут, реально думают, что всем в округе интересно, что они думают и какие чувства испытывают касаемо своих детей и мужей?), нарушение правил цифрового этикета.**

Лингвистическая метаоценка интернет-пожеланий во многом связана со стереотипностью предлагаемых текстов. Нередко эта оценка совмещена с эмоциональной и эстетической. Универсальные поздравительные виртуальные открытки представляют собой однотипные изображения, как правило, с букетами цветов, которые не содержат обращения к адресату и ограничиваются надписью

Рис. 3. Интернет-мемы

Fig. 3. Internet memes

«с днём рождения» и пожеланием в прозе или стихах. Если в XVIII в. следование образцам способствовало развитию языковой и общей культуры носителей языка, то в XX в. клишированность текста стала создавать впечатление «отписки»: стандартизованные поздравительные тексты оказались неспособны выполнять ту функцию, ради которой они создавались [12: 48]. В XXI в. стереотипные тексты пожеланий начинают восприниматься крайне эмоционально: (из обсуждений на интернет-форумах) особенно **бесят шаблонные поздравления; я вот не люблю**, когда в смс присылают **стандартные поздравительные стишки**. Уж лучше своими словами что-нибудь, хоть пару строк, а то **эти стихи какие-то безликие, не душевые совсем)))) надо обязательно "щастяздоровья!"**)); Я уже года три как отключаю телефон на День рождения и в Новый год. Не хочу, чтобы меня кто-то напрягал **своими заунывными "щастья-здоровья"**. Стереотипные пожелания наделяются самыми разными оценочными лексемами с негативными коннотациями: из различных комментариев – **открытые, безликие, недушевые совсем, дурацкие, тупые, заунывные, фальшивые, однотипные, кошачьерозовобукетно-цыпляччи, мусор, дрянь, флуд, банальщина, лицемерие, цирк, фальшивь и др.** (текстам пожеланий дается не только лингвистическая, но и эмоционально-эстетическая оценка). Подобные комментарии указывают на неправильную, с точки зрения коммуникантов, «манеру исполнения жанра» и подтверждают мнение ис-

следователей о том, что речевой жанр может оцениваться самими участниками, представителями одной культурно-языковой общности, «изнутри» (об этом см.: [13]).

Эстетическая метаоценка. Помимо семантической стереотипности пожеланий обращает на себя внимание и формальная стереотипность. Изображения с пожеланиями хотя и впечатляют своим количеством, но в общих чертах похожи (рис. 4). Например, пожелания **доброго утра / хорошего дня** имеют приблизительно одинаковое визуальное наполнение: цветы в вазе, порхающие бабочки, чашка чая или кофе, сладости или ягоды на тарелке, распахнутое окно.

Стереотипность изображений и поздравительных текстов с включенными в них пожеланиями, подчас безвкусных, становится коммуникативным риском. Сравнив комментарии пользователей, обсуждающих качество интернет-открыток, можно сказать, что тех, кому они нравятся – немного. Большинство авторов не видят в них эстетической ценности, считает их примитивными, называет мусором, ширпотребом: (из комментариев пользователей) **Я вообще терпеть не могу, когда мне присыпают этот мусор!** Из-за этого многие не хотят со мной общаться, так как я не выдерживаю и всё высказываю зачем мне слать то, что засоряет мой телефон? **Если есть пожелания от души, то напиши своими словами!** Мало того, что присыпают десятки кошачьерозовобукетноцыплячих открыток, так ещё и пересыпают от кого то, поздравляемых

Рис. 4. Пожелания на виртуальных открытках

Fig. 4. Wishes on virtual postcards

до тебя. В последнем примере посредством длинного окказионализма *кошачьерозовобукетноцыплячи* открытки подчёркивается визуальная специфика контента: из открытки в открытку «кочуют» одни и те же компоненты – мордочки животных, букеты роз и т. д. Причём очевидно, что многих отталкивает именно графическая заурядность таких изображений, их трафаретность, граничащая с безвкусием, тогда как дизайнерские стильные эксклюзивные открытки являются социально одобряемым знаком внимания: Мне нравятся открытки, если они не банальные, а оригинальные. Некоторые такие я даже сохраняю. И сама люблю стильные открытки НЕ с кошками/розами/лебедями/детьми, а именно стильные, дизайнерские, смысловые, которые не так просто найти.

Этическая метаоценка. Использование универсальных картинок из Интернета является маркером культурного уровня их отправителей. Многие интернет-пользователи негативно относятся к рассылке без текста адресанта: меня бесят не все поздравления, а только обезличенные, *которые делаются рассылкой, в ватсапе например, или когда просто тупую картинку из инета присылают и всё, это вообще колхоз какой-то*); Сейчас в праздники просто засыпают смс-поздравлениями. Причем видно, что не мне индивидуально, а по рассылке кидают. Не отвечаю даже на такие. Аналогичных комментариев в Сети множество. Шаблонность обезличенных текстов противопоставляется искреннему выражению чувств: А когда шлют стишки какие то дурацкие или открытки, *которые не подписывают даже, то да..это действитель но раздражает*. Авторы уточняют: например, «С Днем рождения! Всегда помню, обнимаю и люблю» **для меня драгоценнее и дороже, чем «С днем рождения поздравляю, Пожелаю от души Исполнения желаний, Покорения вершин!».** *Поздравления в стихах присылают или люди не слишком «далекие» или для отмазки.* Поскольку такие поздравления часто остаются без ответа, нарушается диалогичная природа жанра, при этом реализация жанра посредством нового канала (Интернет) утрачивает свою ценность. Предпочтение отдается поздравлениям и пожеланиям, в которых проявляется индивидуальность автора, его искренность.

Искренность в русской коммуникативной культуре соотносится с неподдельным выражением личного отношения к человеку, честностью и правдивостью. Использование картинок расценивается адресатами как экономия временных и речевых усилий отправителя:

Все эти картинки – обыкновенная имитация дружелюбия и внимания. Людям либо лень тратить силы и время на выражение своих эмоций и чувств, либо их (искренних чувств) просто нет... Кроме того, когда адресат видит помету WhatsApp «переслано» или «часто пересылаемое» как текстовый ярлык, маркирующий изображение, это очень задевает его, и пожелание воспринимается не только как неискреннее, но и как противоречащее морали общения, его этике: *Самый смак, когда это часто пересылаемое присылают тебе на день рождения!* Для меня это верх пофигизма, человек от себя даже не удосужился ничего добавить, есть же классная открытка; Еще интереснее бывает увидеть, что тебе отправили открытку с пометкой «часто пересылаемое». Ощущение, что человеку было лень придумывать настоящее теплые поздравление. А с этим блестящим ширпотребом все просто – скопировал, вставил, отправил. Очевидно, что открытка с пометкой «часто пересылаемое» моментально классифицируется как «отписка», «пофигизм», воспринимается как нежелание адресанта создать искренний текст и нередко игнорируется получателем (Я игнорирую такие открытки, не открываю и не смотрю неделями). Таким образом, искренность и уникальность виртуальных поздравлений и пожеланий уже измеряется техническими средствами.

В интернет-обсуждениях нередко появляются этические метаоценки субъективного характера: Бесит, когда человеку желаю *то, об отсутствии* чего он в данный момент переживает. Заболел – «Здоровья тебе». Потерял дорогого человека – «Желаю, чтобы ты встретил кого-нибудь». Потерял работу – «Пусть ты найдёшь ещё лучше». Когда человеку плохо, он ищет сочувствия. Того, кто погорюет вместе с ним. А не обесценит все его переживания одной фразой. На наш взгляд, в этих и многих других метаоценках имеет место демонстративное продвижение имиджа автора рефлексивного высказывания. Создается некий образ критически настроенного ко всему человека, негативно воспринимающего то, что, возможно, не заслуживает этого. Такое проявление эгоцентризма, независимости, амбициозности, максимализма свойственно подростковому возрасту или субъективным личностям.

Справедливости ради необходимо отметить, что в нашем материале есть метавысказывания противоположного толка: Человек от чистой души присыпает Вам весточку, что помнит Вас, что Вы что-то стоечте в его жизни, а Вы так жёстко: мусор,

бездельник. Почему пожелания на открытке с цветами Вы считаете признаком безделия и вообще всех собак навешали. Искренний порыв напомнить о себе возвели в ранг преступления. Одна секунда открыть сообщение. По-моему как раз это дурной тон, на проявление хорошего к Вам отношения, отвечать таким неуважением.

Метарефлексивы при взаимодействии разных культур: интернет-пожелания феминистски настроенной молодёжи

В ряду рефлексивных высказываний в нашем материале встретились и **метаоценки, обусловленные межкультурными различиями**. Исследователи отмечают, что современный праздничный дискурс представляет переходный этап в культурном развитии российского общества, традиционные ценности получают новое оформление, обусловленное современной цивилизацией [14]. Обращает на себя внимание то, что жанры праздничного дискурса стали активно обсуждаться в интернет-среде феминистски настроенной части молодёжи.

Движение за права женщин – феминизм – возникло ещё в XVIII в., но активизировалось в 1960-е гг. Сегодня под влиянием процессов глобализации, цифровизации, урбанизации этот вопрос приобретает ещё большую остроту и актуальность. Злободневность обусловила научный интерес к этой теме: исследуется влияние феминизма на языки [15], освещается идеология феминизма в СМИ [16], актуализируются и вызывают дискуссии феминитивы и их функционирование в языке [17]. Осмысление многих вопросов фем-повестки стало возможным благодаря открытости интернет-пространства. По мнению большинства россиян, феминизм представляет собой нечто чуждое русское культуре, тем не менее, в Интернете начала активно транслироваться философия феминизма (об этом см.: [18]). В настоящее время русскоязычный феминистский дискурс локализован в основном в сети Интернет на сайтах, блогах, форумах и в сообществах в социальных сетях [19].

Представительницы этого движения не оставляют без внимания поздравительные тексты. На «Яндекс.кью» и других платформах находим обсуждение темы поздравлений, одно из которых, например, имеет заголовок «Какие самые пошлые и шовинистические поздравления с восьмым марта вы видели?» (https://yandex.ru/q/question/kakie_samye_poshlye_i_shovinisticheskie_s_02f854-bf/?answer_id=98190). Девушки-феминистки очень саркастично отзываются о стереотипных распространенных пожеланиях: Сего^ня в PP World видела отличное –

“Девушки, поменьше думайте о равноправии и побольше – о себе и близких”. Не говорю уже о пожеланиях быть “милыми” “слабыми” и “беззащитными”. А таких тоже тонна. Чот представила себе скорость, с которой от таких поздравлений Клара с Розой вращаются. Императивные конструкции, содержащие призывы радовать мужскую часть общества, в этой среде считаются неприемлемыми: **У меня всегда дико болбит от фразы «Радуйте нас и дальше», «Продолжайте радовать нас и дальше»**. Очень часто встречается. Наверное, многие, кто ее говорят, не имеют в виду ничего плохого, но это же ужасно звучит – **как будто роль половины населения Земли сводится только к тому, чтобы «радовать» другую половину, а если не радует, то уу, плохо... В общем, стремно**.

В статьях и блогах, появляющихся накануне 8 Марта, активистки феминистских организаций анализируют типичные пожелания, адресованные женщинам, и выступают за изменение текстов, задевающих их чувства. Например, рекомендуется отказаться от выражения быть нежной и использовать быть самой собой, быть уверенной в себе и упорной. Каждый вариант сопровождается аргументацией. Например, в первом пожелании быть нежной феминистки усматривают сексизм: Предписывая женщине быть нежной, общество ожидает от нее подчинения, отсутствия собственного мнения и его защиты; быть нежной – значит не проявлять жёсткости и лидерских качеств, быть уступчивой и гибкой (https://vk.com/wall101176753_3937). За пожеланием быть нежной, с точки зрения феминисток, скрывается ожидание от женщин подчинения, отсутствия жёсткости и стремления к лидерству.

Осуждают феминистки и пожелание быть желанной: Это пожелание **предписывает не только найти мужчину, но и нравиться ему**, будучи объектом для наслаждения; усматривается и какая-то неполнценность женщины без мужчины. **Словно женщина необходим каждой, хотя это не так**. Взамен предлагаются варианты люби себя или заботься о себе.

Оскорбительными и неудачными признаются феминистками пожелание быть красивой: Женщина не обязана быть приятной и удобной для других. **Поэтому не стоит желать ей вписываться в стандарты красоты или быть милой, угодной всем вокруг**. Лучше пожелать выглядеть и поступать так, как хочется (<https://sntat.ru/news/tulpany-bolshe-ne-zatknut-nam-rot-femkyzlar-o-pravilnyh-pozdravleniyah-s-8-marta-5727619>).

Типичное пожелание *защитника* рядом, *достойного* *мужчины* превращается в пожелание *комфортной* и *безопасной* *среды*.

Осуждается феминистски настроенными девушками и пожелание *найти* женское счастье. Поскольку под женским счастьем традиционно понимается наличие хорошего мужа и детей, рекомендуется заменять такие пожелания на *исполняй* *свои* *мечты*, *следуй* *своим* *путём*, ведь, как считают феминистки, *не* *всем* *женщинам* *для* *счастья* *нужен* *парти-нёр* *или* *семья*, *поэтому* *лучше* *желать* *найти* *своё* *представление* *о* *счастье* *и* *идти* *к* *нему*. Обратим внимание на местоимение *своё*. Его использование свидетельствует о том, что в основе представлений феминисток эгоцентризм, независимость от всего и вся, счастье для личного удовольствия.

Об изменении традиционного статуса женщины в этой субкультуре свидетельствует и отрицаемое пожелание *быть* *хранительницей* *домашнего* *очага*, которому противопоставляется пожелание *делай* *то*, *что* *любишь*. Тенденции к уходу от традиционного образа жизни женщины, нацеленной на создание семьи и хранящей домашний уют, уже были выявлены нами при анализе дружеских женских пожеланий не феминисток. Феминистки же расценивают это пожелание так: *Пожелание* *быть* *хранительницей* *домашне-го* *очага* – фактически полная передача женщины *всех* *ежедневных* *домашних* *дел* – *готовки*, *уборки*, *стирки*, *воспитания* *де-тей*, *ухода* *за* *близкими* *и* *родственниками*. Отрицание этого пожелания свидетельствует о нежелании феминисток заниматься домашними делами, бытом.

В интервью с феминистками находим такие реплики о пожеланиях к 8 Марта: *Не* *стоит* *желать* *женщине* *“оставать-ся* *красивой”*, *“быть* *слабой”*. Потому что красота – это не главная ценность женщины, а слабость только на руку домашним насилиникам; Думаю, правильно будет желать женщинам быть свободными (<https://www.bashinform.ru/news/social/2021-03-08/pozdravlyayte-zhenschin-s-8-marta-zhelayim-byt-svobodnymi-feministki-bashkirii-2005444>). Как видим, пожелания отражают серьёзные социальные проблемы: пожелание быть слабой ассоциируется с проблемой домашнего насилия (слабость только на руку домашним насилиникам).

Нельзя не сказать, что само по себе поздравление (т. е. первая фраза с 8 Марта или с Международным днём женщин!) не является рискогенным; анализу, оценке и критике подвергаются именно пожелания,

их формулировка: 8 марта не означает, что женщину можно как-то оценивать, *желать* *ей* *«красоты*, *женственности*, *изящества*. *Оставьте* *стереотипы*, *если* *нечего* *сказа-ть*, *то* *вымите* *нейтральное* *«чтобы* *все* *мечты* *сбылись»* (<https://opennov.ru/?q=news/society/2019-03-07/13855>). Феминистки рекомендуют с целью предотвращения конфликтной ситуации избегать оценивания женщин и использовать универсальные пожелания, лишенные гендерных стереотипов, например *чтобы* *все* *мечты* *сбылись*.

Если в интернет-статьях не всегда можно правильно определить возраст авторов, то Tik-Tok¹ позволяет увидеть, что авторами видео, в которых анализируются ужасные поздравления на 8 Марта и составляются рейтинги неприемлемых фраз-поздравлений, являются школьницы старших классов или студентки – девушки от 17 до 25 лет. Каждое из таких видео сопровождается бурным обсуждением, например: *Ооой, ещё желают «женского счастья»*. *Хочется простого женского деняк, пломбы*. Отрицая стереотипное пожелание женского счастья, феминистки указывают на то, что важны конкретные потребности: достаточное количество денег или качественно сделанная пломба.

В феминистской среде обсуждается пожелание *улыбайтесь* *чаще*. Объясняется это тем, что такие пожелания как бы запрещают женщинам проявлять гнев, печаль, страх и все остальные чувства, кроме радости и восторга (https://vk.com/wall-36043735_323093). Альтернативным для *улыбайтесь* *чаще* признаётся пожелание *позволяй* *себе* *любые* *чувства*. Некоторые из интернет-пользователей всё-таки пытаются оправдать пожелание *улыбайся* *чаще*, которое, по их мнению, имеет значение быть счастливее, но сторонницы феминизма отрицают: *Если* *хотите* *желать* *быть* *счастливой* – *нужно* *использовать* *ровно* *такую* *формулировку*. *«Почаще улыбаться»* *в* *феминистской* *оптике* – *обслуживающий* *ха-рактер*. Сарказм выражается и в ироничной интерпретации пожелания: *ага, улыбайтесь* *чаще, и чаща улыбнётся* *вам*.

Школьницы и студентки выражают недовольство пожеланиями, которые звучали в школе / университете, были получены от одноклассников / одногруппников / классных руководителей: *наша* *классная* *руководитель-ница* *пожелала* *нам* *быть* *“красивыми*, *нежными* *и* *Хозяйственными”*, *весь* *мы* *будущие* *жены* *и* *мамы*” (смайлы, выра-жающие злость); Физица сказала: *Девочки, будьте красивыми, красота – это главное в жизни!*; в школе на поздравление

¹Российский «Тик-ток» отделен от мирового с 2022 г.

с 8 марта я всегда ржу, как конь, потому что там столько сексизма, что больше похоже на оскорблений; нам классика пожелала почувствовать что такое материнство и как оно прекрасно. **НАВЯЗЫВАНИЕ МНЕНИЯ.** Школьницы агрессивно отзываются о пожеланиях, в которых звучит призыв к проявлению слабости (будьте слабыми), отмечается ценность внешности (будьте красивыми...) или навязываются идеи радости материнства.

В качестве идеальных пожеланий школьницы и студентки предлагают следующие: оставайся собой; успехов в твоём деле, веры в себя; достижения всех целей; будьте самодостаточными, найдите путь любви к себе; больше свободного времени и отдыха; быть финансово независимой от кого-либо; побольше нервов, вот что сейчас нужно всем. Главными признаны самодостаточность, любовь к себе, финансовая независимость, крепкие нервы.

Девушки высоко оценивают удачные деликатные, с их точки зрения, пожелания: только один одноклассник нормально поздравил, он пожелал **мотивацию к саморазвитию**; учительница истории нас лучше всех поздравила: «**Девочки, будьте свободными и счастливыми, хороших выходных.**» Вроде ничего такого не сказала, но приятно. Происходит изменение ценностных установок, первичными признаются свобода, безопасность, уважение к женщине как к личности: вот лучшее: желаю свободы, безопасности, чтоб уважали ваш выбор, считались с вашим мнением и не считали за вещь.

Интернет-пользователи задают следующие вопросы на «Яндекс.Кью»: «Как поздравить феминистку с 8 марта?»; «Как грамотно поздравить современную женщину с 8 марта, учитывая распространяющиеся феминистические настроения?». Иногда проявляется коммуникативная беспомощность молодежи. Так, в одном из интернет-сообществ зафиксировано следующее высказывание: **Нравится девушка, увлекающаяся феминизмом (не радикальным) и вопросами гендерных стереотипов. Какие слова, поздравляя её с женским днем, стоит и не стоит говорить, чтобы порадовать и не обидеть?** Такие же запросы находим и в пабликах социальной сети «ВКонтакте» (участники которых – подростки, студенты): как поздравить феминистку с 8 марта? **Подруга в последние месяцы упоролась по «этому» движению и поздравления в стиле «желаю тебе клевого парня и детишек» с цветочками и рафаэлкой уже не канают.** Юноши, очевидно, осознают, что неудачное пожелание может вызвать конфликтную ситуацию.

Ответы на такие запросы похожи: Выкинуть из головы всякие "прекрасный пол" "нежная как цветочек" "хорошего тебе мужика"; Мне кажется, проще написать, чего лучше не делать. Никаких пожеланий быть "крутыми, скромными и женственными" и прочих атрибутов жертвы, которые читаются как "будь удобной для нас и не высывайся"; Никаких "вдохновлять мужчин". Тут вообще без комментариев. Помните, что женщина рядом с вами – личность, специалист и друг. Таким образом, можно говорить, что существует набор лексем, конструкций и формулировок, которые оказываются неприемлемыми для определенной категории адресатов.

В нашем эмпирическом материале (дружеских молодёжных пожеланиях в интернет-коммуникации) встретились поздравления с 8 Марта, созданные юношами-филологами и адресованные одногруппницам, в которых нарочито подчеркивается соответствие пожелания требованиям феминисток, например, одно из таких пожеланий звучит следующим образом: женщины, девушки, барышни, сударыни, леди, дамы (кому что предпочтительнее), если вы относите это Международное празднество к своим персонам, то примите поздравления только за факт вашего существования! (Если вам эта суэта претит, то сразу извините! Просто с восьмым днём весны вас!). Будьте не такими, какие вы есть, ибо что хуже пожелать, я не знаю; а будьте хотя бы не хуже самих себя, поскольку только такие сравнения адекватны! Мы, треклятые мужчины, понимаем, что вам трудно сохранять красоту этого мира, когда мы в разной степени к ней безразличны, но уж простите нас за это: мы настолько поражены вами, что теряем дар речи, а потому предпочитаем сказать хотя бы о погоде, чтобы не плодить молчания. К слову о погоде. Пусть она у вас и в вас, ибо погода – состояние духа, чаще будет лучезарной и заставляющей жить! Да прибудет с вами во дни тягостных сомнений и раздумий особенная ясность взгляда и трезвость мысли! Пожелание нарочито построено в унисон феминистическим взглядам: предварительное мета-извинение за поздравление, если адресату эта суэта претит,нейтрализация повода (просто с восьмым днём весны вас), использование только адекватных сравнений (будьте хотя бы не хуже самих себя), самоунижение (мы, треклятые мужчины...), смещение акцента на внутреннее, а не внешнее (ясность взгляда и трезвость мысли).

Чего же желают сами феминистки друг другу, какие пожелания формируются представительницами одной социальной группы, имеющими общие локальные ценности? Для

этого мы опубликовали посты с просьбами поделиться реальными текстами поздравлений в сообществах и пабликах социальной сети ВКонтакте, таких, как: «Феминизм на всегда: как правильно всё запрещать» (https://vk.com/feminism_forever), «Подслушано Феминизм 18+» (https://vk.com/feminism_overhear), «Феминизм в регионах» (https://vk.com/femactivism_rf), в Телеграм-канале «FemUnity» и др. Одни пользователи делились своими размышлениями или примерами поздравительных текстов в комментариях, другие – присылали материал в личных сообщениях. Общее количество полученных текстов составило около 60 пожеланий, не так много, тем не менее ранее такой материал не рассматривался совсем. Примечательно, что почти все комментарии с предложенными пожеланиями к посту получали положительную оценку (от 4 до 60 лайков), таким образом, очевидно, что некоторые пользователи, не принимая участие в обсуждении, посредством лайков выражали свою солидарность с комментаторами.

Исследуемые пожелания можно разделить на две категории.

К первой категории отнесём пожелания, авторы которых сопровождали их метатекстовыми высказываниями, подчёркивающими, что пожелания феминисткам ничем не отличаются от пожеланий другим адресатам: **Я желаю по обычному:** счастья, здоровья, успехов в жизни, добиться поставленных целей, денег своих заработанных, сил и терпения, потому что у женщин путь всегда тернистый, а ещё и свержения патриархата; **Я желаю всего того же, что и обычному человеку.** Достижения своих целей, успехов в науке и/или на рабочем месте, крепкого здоровья, поводов для улыбки, душевного покоя. Особо близким могу пожелать и любви, без уточнения, от кого эта любовь будет и какого рода, т. е. романтическая или платоническая. Действительно, перечисляемый набор дезидератов (содержательных компонентов пожелания) в подобных высказываниях – успехов, достижения целей, крепкого здоровья, сил и т.д. – можно считать универсальным и частотным, подходящим для любого адресата. Тем не менее, видно, как на периферию выносится дезидерат любовь (обычно составляющий ядро пожеланий): Особо близким могу пожелать и любви, без уточнения, от кого эта любовь будет и какого рода; очевидно, что этот дезидерат отнесён к разряду рисковенных.

Интересно, что многие пользователи сами очертили круг непозволительных пожеланий: да всё просто. Исполнения желаний, успехов в учёбе / на работе, здоровья. Чего угодно, кроме «оставаться красивой / молодой,

найти мужа и деток побольше». Чувствуется, что пользователь не видит сложностей в создании поздравительного текста (да всё просто), но совершенно точно осознаёт, чего нельзя желать (чего угодно, кроме...). Недопустимыми становятся весьма традиционные пожелания для других социальных групп: пожелания создания и роста семьи, сохранения красоты и молодости. При этом замечаем, что конструкция *оставайся такой же...* распространена в пожеланиях феминисткам, только упоминаются не внешние, а внутренние, психологические достоинства: *оставайся всегда такой же весёлой и прикольной!*

Подруги-феминистки желают друг другу самореализации и достижения целей, что характерно для пожеланий молодёжи в целом: *Маша, желаю повышения в карьере; я всегда желаю, чтобы мечты становились целями, а цели – действиями) и чтобы процесс достижения цели радовал не меньше самого результата)*

Феминистки часто желают подругам большого количества денег: *чтобы было побольше денег; много денег; чтобы денег до жопы.* Представляется, что пожелание финансового благополучия не создаёт риска, поэтому некоторые пользователи отмечают, что всегда упоминают это в пожелания: *я всегда говорила про деньги, и про цели, сепарацию, и хорошего ментального здоровья.* Обычно идея материального благосостояния никак не завуалирована, денег желают прямо, лишь иногда встречаются метафоричные пожелания: *радости, надежды, вдохновения, творческих успехов и необъятных горизонтов в плане гонораров!*

К числу повторяющихся компонентов пожеланий можно отнести также исполнение желаний и присутствие близких людей, позитив и удачу: *здоровья, удачи, позитива!; желаю сбычи мечт и близких людей рядом!; обычно желаю много денег, здоровья и исполнения мечтаний.* Я думаю, это лучшее, что можно пожелать. Судя по мнению девушек (я думаю, это лучшее, что можно пожелать) и большому количеству лайков, феминистки одобряют использование этих компонентов в текстах пожеланий и считают их безопасными.

Следует отметить, что базовым компонентом остается здоровье, практически в каждом пожелании оно встречается и, очевидно, представляется наименее рискованным компонентом: *здоровья; здоровья крепкого.* При этом важно, что понятие «здоровье» значительно расширяется и центральное место в системе ценностей уже занимает не физическое, а ментальное здоровье: *хорошего*

ментального здоровья; здоровья. Ментально-го и физического!

Другая категория пожеланий отличается от «среднестатистических пожеланий» и демонстрирует не только реальные ценности феминистки настроенных девушек, но и вскрывает «болезненные темы» для них. Предполагаем, что эти пожелания принадлежат представительницам, разделяющим принципы радикального феминизма.

В таких пожеланиях находит отражение то, что особенно беспокоит феминисток: неравенство на рабочем месте (желаю равной оплаты труда), семейные взаимоотношения (желаю, чтобы муж ушёл его больше не надо было обслуживать) и даже своего рода муженавистничество (желаю, чтобы рождались только девочки; чтобы не приходилось обслуживать мужчин).

Не остаётся за рамками пожеланий патриархальный уклад жизни, который является основным «триггером» для феминисток и вызывает сильную эмоциональную реакцию, поэтому нередко в пожеланиях лейтмотивом звучит идея свержения патриархата: *а ещё свержения патриархата; желаю победить патриархат, Желаю женщинам МАТРИАРХАТ*

В некоторых пожеланиях наше внимание привлек неологизм *подружба*. Феминистки используют это слово, видимо, называя так дружбу между подругами: желаю, чтобы подружба была долгой и крепкой. Обращает на себя внимание, что в пожеланиях феминисток друг другу преимущественно упоминаются подруги: *успеха, счастья, здоровья, крутых подружек и чтобы мечты сбывались*)

В пожелания проникают и некие общие посылы, девизы, свойственные этой социальной группе. Феминистки призывают девушек быть собой, не стесняться себя и т. д. Видим, что пожелания вбирают в себя эти посылы, например: желаю быть собой, не бояться осуждения и кайфовать по жизни. С нашим днём; будь такой, какой ты хочешь быть; желаю перестать стыдиться себя! Ценится умение и готовность быть собой: желаю **быть такой, какой ты хочешь быть;** с днём рождения, моя хорошая! Будь. Просто будь: счастливой, успешной, загадочной, энергичной, фееричной. Танцуй! Люби! Мечтай! Твори! **В общем, будь самой собой!**

Таким образом, вторая группа пожеланий показывает, как радикальные настроения феминисток, их философия проникают в пожелания.

Конечно, встретились и такие пожелания, тематика которых никак не соотносится ни с базовыми фундаментальными, ни с локально-групповыми ценностями: желаю побольше ши-

зы и птичек), их мы оставляем за пределами нашего рассмотрения.

Как показали наблюдения, феминистки настроенная часть общества вносит свои представления о роли женщины в современном обществе, выступает за разрушение существующих стереотипов и распространение собственных ценностей. Учитывая, что жанр пожелания способен отражать мировоззрение представителей разных социальных групп и субкультур, предполагаем возможность различных коммуникативных рисков при его использовании.

Заключение

Итак, специально созданные на различных ресурсах Интернета пожелания, облечённые в форму виртуальных открыток или других вербально-визуальных форм, мы рассматриваем как вторичный, искусственно созданный жанр, получивший широкое распространение в виртуальном пространстве: появились многочисленные коллекции / базы предлагаемых массовой аудитории текстов. Это следствие специфики самой интернет-коммуникации (её удобства для потребителей), а также новых культурных явлений, обусловленных цифровой революцией и развитием общества потребления.

Создатели баз поздравительных текстов быстро реагируют на запросы пользователей, учитывая различные социальные факторы и культурные запросы общества (в том числе и далекие от высококультурных). Развитие жанра в интернет-среде идет в направлении утраты связи с ценностно значимыми событиями. Явлением интернет-коммуникации становятся ежедневные рассылки виртуальных открыток не только по значимому поводу, но и без повода как способ укрепления слабых связей.

Для выявления мировоззренческих установок, социокультурных умонастроений, распространённых в виртуальной среде, психологического состояния людей рассмотрены метаязыковые высказывания – развернутые суждения о языке, речевых жанрах и их использовании. Рефлексия общества выражается по-разному: в острых обсуждениях на форумах соцсетей, в создании иронических мемов. Критически оценивается графический облик поздравительных текстов и отдельно пожеланий, их шаблонность и низкая эстетическая ценность. Рассмотренные метатекстовые высказывания свидетельствуют о нескрываемом чувстве раздражения по поводу приёма массовой рассылки поздравлений большому количеству интернет-пользователей, не предусматривающей персонального обращения и искреннего диалога с адресатом. Ненужный, с точки зре-

ния адресата, контент засоряет смартфон, отнимает время на прочтение и реагирование, портит, а не улучшает отношения, наносит психологическую травму, вызывает агрессию. В целом такое общение становится рискогенным.

На оформление и содержание пожеланий может влиять мировоззрение представителей различных субкультур. Так, феминистки настроенная часть общества вносит свои представления о роли женщины в современном обществе, выступает за разрушение существующих стереотипов пожеланий. Как показывают обсуждения в социальных сетях, ближайшее окружение феминисток прислушивается к их пропаганде и прилагает больше усилий при формировании поздравительных текстов, стремясь избежать конфликтных ситуаций.

Таким образом, пожелание не только становится рискогенным жанром, но и подвергается

непрерывной формальной и семантической трансформации под воздействием глобализации и медиатизации общества.

В целом в рамках лингвистической гносеологии, самостоятельным объектом которой является обыденное метаязыковое сознание (см.: [20]), проведены наблюдения, которые показали изменения, происходящие в обыденном сознании людей: с одной стороны, медиатизация населения способствует всеядности потребителя, снижению критического отношения к потребляемому продукту; с другой стороны, на этом фоне зреют процессы самозащиты: осуждается (отметим, что преимущественно в среде молодёжи как наиболее передового слоя общества) уход от целесообразного и осмыслинного использования языка, речевого творчества к потреблению готового продукта без существенных затрат сил и времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байкулова А. Н., Малашенкова Е. Н. Изучение речевого жанра «пожелание»: обзор работ в современной лингвистике // Жанры речи. 2023. № 1 (37). С. 74–91. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>. EDN: GFLQDW
2. Малашенкова Е. Н. Речевой жанр пожелания в молодёжном интернет-дискурсе: новации и лингвокреативность // Жанры речи. 2024. № 2 (42). С. 183–194. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-183-194>. EDN: VCYICF
3. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–124.
4. Иванов Л. Ю. Язык Интернета: заметки лингвиста. 2000. URL: http://faq-www.ru/s_janr.htm (дата обращения: 19.03.2024).
5. Горошко Е. И. «Чирикающий» жанр 2.0 Твиттер или Что нового появилось в виртуальном жанроведении // Вестник Тверского государственного университета. 2011. № 3. С. 11–21.
6. Акишина А. А., Формановская Н. И. Речевой этикет (в таблицах и упражнениях). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 87 с.
7. Норман Б. Ю. Речевой акт пожелания под психолингвистическим углом зрения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. Вып. 13. С. 235–248.
8. Дементьев В. В. Интегральное описание речевых жанров. Саратов : Издательство Саратовского университета, 2024. 304 с.
9. Чернейко Л. О. Обыденное сознание: его границы и формы речевого воплощения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 194–202.
10. Чернейко Л. О. Оценка в знаке и знак в оценке // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1990. № 2. С. 72–82.
11. Вепрева И. Т. Метаязыковой привкус эпохи: избранные работы последнего десятилетия. Saarbrucken : Palmarium Academic Publishing, 2014. 223 с.
12. Сухотерина Т. П. Состав жанров гипержанра естественной письменной речи «поздравление» (общая характеристика текстов с семантикой «поздравить») // Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2010. № 4. С. 47–52.
13. Дементьев В. В. Аксиологическая генристика: аспекты проблемы «оценка и жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>
14. Эмер Ю. А. Праздничный дискурс: когнитивно-дискурсивное исследование // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2011. № 4. С. 53–68.
15. Александрова Т. А., Лазовская Н. В. Английский язык с точки зрения феминизма (по материалам зарубежных исследований) // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2023. № 1 (8). С. 5–14.
16. Ермолова А. К., Клец Ю. А. Медиа-отражение темы феминизма в отечественных общественно-политических интернет-СМИ // Медиасреда. 2020. № 17. С. 135–140.
17. Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М. ; ACT : CORPUS, 2020. 304 с.
18. Винник Н. В. Женское движение и Рунет: найти друг друга // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра : материалы конференции, Москва, 26 февраля 2010 г. / отв. ред. Г. М. Михалева. М. : РОДП «ЯБЛОКО» ; «КМК», 2010. С. 94–95.
19. Боженкова Н. А., Негушина А. А. Интерперсональные характеристики русскоязычного феминистского медиадискурса (на примере telegram-канала «Дочь разбойника») // Культура и текст. 2021. № 4 (47). С. 240–252. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-240-252>
20. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.

REFERENCES

1. Baikulova A. N., Malashenkova E. N. Study of the speech genre of “wishing”: Research review in modern linguistics. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 74–91 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-74-91>, EDN: GFLQDW
2. Malashenkova E. N. Speech genre of wishes in youth Internet discourse: Innovations and linguistic creativity. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 2 (42), pp. 183–194 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-183-194>, EDN: VCYICF
3. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual image: An established and controversial. *Issues of Psycholinguistics*, 2010, no. 12, pp. 105–124 (in Russian).
4. Ivanov L. Yu. *Yazyk Interneta: zametki lingvista* [The Language of the Internet: Notes of a linguist]. 2000. Available at: http://faq-www.ru/s_janr.htm (accessed March 19, 2024) (in Russian).
5. Goroshko E. I. Chirping genre 2.0 Twitter or what’s new in virtual garouden. *Vestnik of Tver State University*, 2011, no. 3, pp. 11–20 (in Russian).
6. Akishina A. A., Formanova N. I. *Rechevoi etiket (v tablitsakh i uprazhneniakh)* [Speech Etiquette (in Tables and Exercises)]. Moscow, Moscow University Press, 1973. 87 p. (in Russian).
7. Norman B. Yu. Speech act of wishing from a psycholinguistic point of view. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2015, iss. 13, pp. 235–248 (in Russian).
8. Dementyev V. V. *Integral’noe opisanie rechevykh zhanrov* [Integral description of speech genres]. Saratov, Saratov State University Publ., 2024. 304 p. (in Russian).
9. Chernejko L. O. Ordinary consciousness: Its boundaries and forms of speech embodiment. *Bulletin of Kemerovo State University Series: Humanities and Social Sciences*, 2016, no. 3, pp. 194–202 (in Russian).
10. Chernejko L. O. Evaluation of the sign and sign in the evaluation of. *Philological Sciences. Scientific Essay of Higher Education*, 1990, no. 2, pp. 72–82 (in Russian).
11. Vepreva I. T. *Metajazykovoye privkus jepokhi: izbrannye raboty poslednego desyatiletija* [The metalanguage taste of the era: Selected works of the last decade]. Saarbrucken, Palmarium Academic Publishing, 2014. 223 p. (in Russian).
12. Sukhoterina T. P. The composition of the congratulation hypergenre in natural written speech: General characteristics of texts with the semantics of congratulations. *Vestnik Altaiskoi gosudarstvennoi pedagogicheskoi akademii*, 2010, no. 4, pp. 47–52 (in Russian).
13. Dementyev V. V. Axiological genristics: Aspects of the problem “assessment and genre”. *Speech Genres*, 2016, no. 2, pp. 9–24 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2016-2-14-9-24>
14. Emer Yu. A. Festive discourse: A cognitive-discursive study. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2011, no. 4, pp. 53–68 (in Russian).
15. Aleksandrova T. A., Lazovskaja N. V. English language from the point of view of feminism (based on materials from foreign studies). *Language of Science and Professional Communication*, 2023, no. 1 (8), pp. 5–14 (in Russian).
16. Ermolova A. A., Klets Yu. A. Media reflection of the feminism in domestic socio-political Internet media. *Mediasreda*, 2020, no. 17, pp. 135–140 (in Russian).
17. Fufaeva I. V. *Kak nazyvayutsya zhenshchiny. Feminitiv: istoriya, ustroistvo, konkurentsiya. Feminitives: History, structure, competition* [How women are named. Feminitives: History, structure, competition]. Moscow, AST, CORPUS, 2020. 304 p. (in Russian).
18. Vinnik N. V. Women’s movement and Runet: Finding each other. In: Mikheleva G. M., ed. *Women’s movement in Russia: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the conference, Moscow, February 26, 2010*. Moscow, RODP “YABLOKO”, “KMK”. 2010, pp. 94–95 (in Russian).
19. Bozhenkova N. A., Negushina A. A. Interpersonal characteristics of Russian-speaking feminist mediadiscourse (based on the Telegram-channel “The Robber’s Daughter”). *Culture and Text*, 2021, no. 4 (47), pp. 240–252 (in Russian). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-240-252>
20. Golev N. D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction. *Tomsk State University Journal of Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 5–17 (in Russian).

Поступила в редакцию 19.07.2024; одобрена после рецензирования 05.09.2024;
принята к публикации 05.09.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 19.07.2024; approved after reviewing 05.09.2024;
accepted for publication 05.09.2024; published 28.11.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 442–446
Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 442–446
<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-442-446>, EDN: XQQYTC

Научная статья
УДК 004.738.5-028.23-045.23:811.161.1'38

Поджанр интернет-комментария для продвижения видеоролика

Д. М. Судник

Судник Дмитрий Марьянович, независимый исследователь, sudnik.mitia@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3817-2014>

Аннотация. На материале нескольких видеороликов из социальной сети TikTok описан поджанр интернет-комментария для продвижения видеоролика. К данному поджанру интернет-пользователи прибегают, чтобы расширить зрительскую аудиторию автора комментируемого видеоролика, в том числе с целью содействовать монетизации контента. Установлено, что характерными особенностями первичных интернет-комментариев для продвижения видеороликов является отсутствие смысловой связи между ними и содержанием видеоролика и, как правило, направленность на получение как можно большего числа вторичных комментариев иных пользователей. Первичные и вторичные интернет-комментарии для продвижения видеоролика образуют ветку комментариев. Интернет-комментарии для продвижения видеороликов могут представать в форме вопросов личного и бытового характера; побуждений совершить определённое действие, связанное с письмом (например, поставить точку в ответ на первичный комментарий); словесных игр в письменной форме (к примеру, «Города»); побуждений совершить действие с ограниченным множеством (алфавитом, рядом простых чисел). Вторичные интернет-комментарии могут представлять собой невербальный текст (эмодзи). Наиболее простой формой интернет-комментария для продвижения видеоролика признаются глагол *продвигаю*, его формы, констатирующие высказывания типа «*Пишу это для продвижения ролика*».

Ключевые слова: поджанр, интернет-комментарий, продвижение, TikTok, видеоролик, реплика-стимул, реплика-реакция, ветка интернет-комментариев

Для цитирования: Судник Д. М. Поджанр интернет-комментария для продвижения видеоролика // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 442–446. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-442-446>, EDN: XQQYTC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Subgenre of Internet Comments for Video Promotion

Д. М. Судник

Дмитрий М. Судник, sudnik.mitia@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3817-2014>

Abstract. The paper describes the subgenre of an Internet comment for video promotion based on several videos from the TikTok social media. The users resort to this subgenre in order to expand the viewer audience of the author of the video commented on and in order to aid content monetization. It has been established that the characteristic features of primary Internet comments for promotion of videos include the absence of semantic connection between the comments and the content of the video and, as a rule, the intention to generate as many secondary comments from other users as possible. Primary and secondary Internet comments for promotion of the video form a comment thread. Internet comments for video promotion can be presented in the form of personal and casual conversational phrases; calls to perform a certain action related to typing (e.g., type a full stop in response to the primary comment); word games in written (typed) form, such as the Cities game; calls to perform an action with a limited multitude (alphabet, prime number sequence, etc.). Secondary Internet comments may include non-verbal texts (e.g., emojis). The most basic form of an Internet comment for promotion of videos is considered to be the phrase “I promote” (*продвигаю*), other phrases with this verb, and statements such as “I’m commenting here for video promotion” (*Пишу это для продвижения ролика*).

Keywords: subgenre, internet commentary, promotion, TikTok, video clip, cue-stimulus, cue-response, internet comment thread

For citation: Sudnik D. M. Subgenre of Internet Comments for Video Promotion. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 442–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-442-446>, EDN: XQQYTC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В статье Т. Н. Колокольцевой «Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации» [1], опубликованной в журнале «Жанры речи» (№2–2024), «представлена характеристика такого относительно нового сетевого жанра, как *интернет-комментарий*» (сохранён курсив исходного текста. – Д. С.). Мы хотели бы обратить внимание на **новейший** поджанр интернет-комментария, развившийся с получением интернет-пользователями возможности монетизации контента, а именно с приходом на русскоязычный медиа рынок платформы TikTok.

Появление социальной сети TikTok дало возможность интернет-пользователям широко распространять, продвигать свой творческий видеопродукт. «Продвижение – это инструмент, который поможет продемонстрировать уже готовое видео большему количеству зрителей». Способствует продвижению видеоконтента в том числе «количество просмотров видео», «количество лайков, комментариев и репостов видео»¹. Широкий охват аудитории, который выражается во множестве комментариев к видеоролику, открывает путь для монетизации контента. «TikTok уже встроен в новую логику, согласно которой творческий труд интернет-пользователей, ещё столь недавно действительно в полной мере безвозмездный и анонимный, начинает приобретать ценность, в том числе в глазах самих производителей, поскольку они осваивают механизмы его монетизации, наблюдая истории успеха других просьюмеров – в частности, блогеров» [2: 104].

Продвижение контента воспринимается интернет-пользователями как бескорыстная благотворительная помощь. Это на базовом уровне коррелирует с социальной наградой, одобрением, стремление к которому в человеке закладывается с детства, и в конечном

счёте активизирует центральный стриатум («центр вознаграждения»). Как следствие – поднятие настроения, всплеск нейромедиаторов у зрителей, принявших участие в судьбе видеоролика².

Основная часть

Желание зрителей содействовать продвижению видеоконтента при помощи комментария к видеоролику с затратой минимальных речевых усилий привело к развитию особого поджанра, который можно назвать **интернет-комментарием для продвижения видеоролика**³. Одним из наиболее показательных примеров в русскоязычном сегменте платформы TikTok будут комментарии к видеороликам со звуковым сопровождением в виде трека «Dance You Outta My Head». Это песня американской артистки Кэт Дженис, боровшейся с раком. В начале 2024 г. певица призвала пользователей слушать композицию, объяснив, что доходы от этого (благодаря механизмам монетизации контента) пойдут на обеспечение её семилетнего сына⁴.

К видеоролику пользователя «Аня Дрейман» (<https://vm.tiktok.com/ZMrj5NwBV/>) (рис. 1) были написаны, к примеру, следующие комментарии, целью которых было именно продвижение композиции «Dance You Outta My Head», звучащей на фоне (здесь и далее орфография и пунктуация авторов при цитировании сохранена):

- (1) «сколько% на телефоне»;
- (2) «ставим точки и продвигаем!!!»;
- (3) «Кто вам больше нравится? Кошка или собака?»;
- (4) «что выберите? Какао или молочный коктейль?»;
- (5) «что выберите получать 1\$ в минуту или получить 100.000\$»;
- (6) «что выбираете? Спать или есть»;
- (7) «считаем до 100»;
- (8) «полейте цветочки 🌸 🌸 🌸» (и т. п.)

¹Как привлечь новых подписчиков в TikTok с помощью продвижения. URL: <https://support.tiktok.com/ru/using-tiktok/growing-your-audience/use-promote-to-grow-your-tiktok-audience> (дата обращения: 22.06.2024).

²Благодарим за это психолингвистическое замечание И. Д. Климовича.

³Как пишут Д. А. Крикунова и А. Ю. Трусова, «необходимость оптимизации коммуникации в TikTok обусловлена в первую очередь лимитом символов в приложении, так как максимальное число символов описания видео, так же, как и комментария, составляет 150» [3: 37]. Ещё более важной и очевидной причиной минимализации речевых усилий при написании интернет-комментариев будет недостаточная сформированность навыков связной и выразительной речи у пользователей TikTok'a в школьном возрасте.

⁴«Я упорно боролась» Как умирающая от рака певица решила позаботиться о сыне и стала мировой звездой? URL: <https://lenta.ru/articles/2024/03/15/cat-janice-tiktok/> (дата обращения: 22.06.2024).

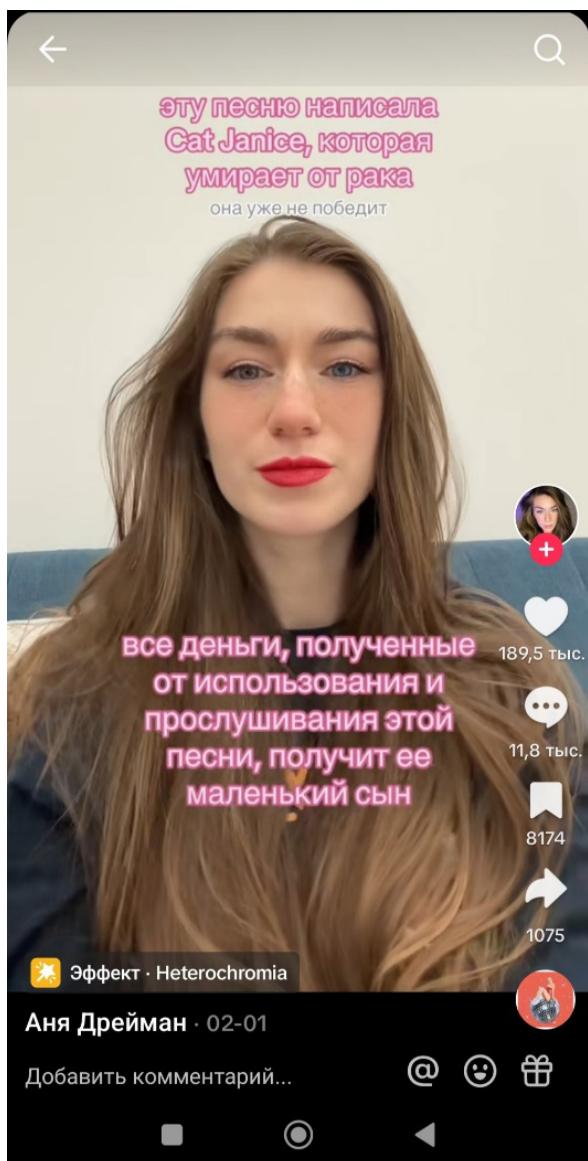

Рис. 1. Снимок экрана с кадром из видеоролика пользователя «Аня Дрейман» в социальной сети TikTok

Fig. 1. Screenshot with a frame from a video by user «Аня Дрейман» on the social network TikTok

Важнейшей особенностью первичных интернет-комментариев для продвижения видеоролика является то, что большинство из них представляет собой реплику-стимул, требующую ответа от как можно большего числа иных зрителей видеоролика. Реплика-реакция, как правило, однословная или предельно краткая, например:

- «сколько% на телефоне?»
- «39%:(»;
- «91»;
- «53»;
- «40».

Первичный комментарий-стимул и вторичные комментарии-реакции образуют **ветку**

интернет-комментариев для продвижения видеоролика. К примеру, на приведённый вопрос об уровне заряда телефона, заданный пользователем «люблю дэда», было дано 176 ответов, причём эта ветка комментариев не самая объёмная.

Пользователь, пишущий интернет-комментарий для продвижения видеоролика, может не только задать какой-либо вопрос, но и предложить другим зрителям совершить конкретное действие, связанное с письмом. Так, пользователь с именем «Rufina» написал: «ставим точки и продвигаем!!!» Данный призыв поддержали 204 пользователя, поставив под родительским комментарием одну или несколько точек либо иных знаков (восклицательных, плюсов, запятых).

Некоторые интернет-комментарии имеют, помимо цели продвижения видеоролика, и сопутствующую цель – обмен мнениями по какому-либо личному вопросу, своеобразное заочное знакомство с предпочтениями иных пользователей. Такими являются комментарии типа «что выберите? Какао или молочный коктейль?», «что выберите получать 1\$ в минуту или получить 100.000\$».

Отдельные интернет-комментарии представляют собой словесные игры в письменной форме. Например, предложение пользователя «мила #трустэй(.*)»: «играем в слова, я начинаю Смайлик» или «Mekurio.Lio»: «Го в города? Вильнюс».

Интернет-комментарии для продвижения видеоролика могут предполагать действие пользователя с ограниченным множеством: «буду пересказывать алфавит. а» («че»), «считаем до 10000 погнали» («Тошнота»).

Ряд первичных интернет-комментариев требуют от вторичных действия с эмодзи: «кидаем флаг стран которые хотим посетить, индивидуально каждый», «кидаем свои любимые эмодзики». Примеры вторичных интернет-комментариев с эмодзи приведены на рис. 2.

Наиболее простыми формами интернет-комментария для продвижения видеоролика представляются глагол *продвигаю* и его формы, констатирующие высказывания типа «Пишу это для продвижения ролика» («уа_maggie»), а также знак «+», любой эмодзи. Комментарии в форме эмодзи и плюса ответа, как правило, не предполагают. Популярность эмодзи в качестве интернет-комментария для продвижения видеоролика на платформе TikTok можно объяснить тем, что пользовательский интерфейс социальной сети предлагает их в качестве так называемого быстрого ответа. Строку с эмодзи для выбора в качестве реакции на видеоролик можно увидеть на рис. 2, чуть выше поля

«Добавить комментарий». К примеру, пользователь «ami» в качестве ответа выбрала эмодзи «улыбающееся лицо с сердечками», а пользователь «~QIQI~» – эмодзи «ухмылка».

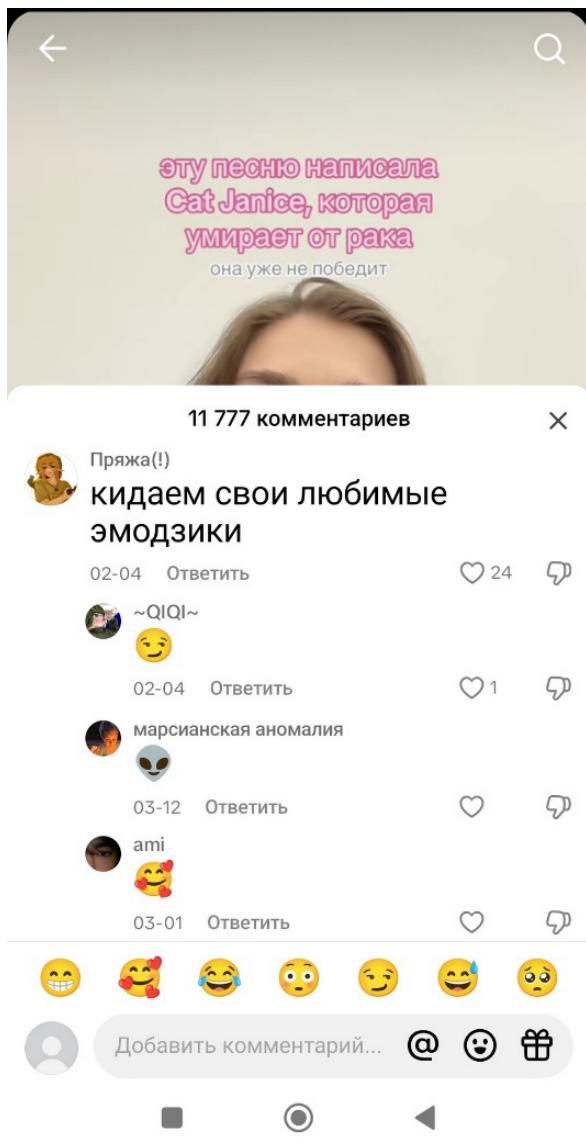

Рис. 2. Ветка интернет-комментариев для продвижения видеоролика с эмодзи

Fig. 2. Online comment thread to promote a video with emoji

Заметим, что не все интернет-пользователи понимают механизмы продвижения. Так, пользователь «Полина» поинтересовалась: «это так грустно(не в тему но почему все проценты пишут к комментар?», пользователь «Slavyuu☆✉️» обратился к другим зрителям видеоролика с вопросом: «Бригу⁵ почему все пишут проценты?» Недоумение пользователей может быть обусловлено

и тем, что ветка интернет-комментариев для продвижения видеоролика, начатая вопросом «сколько% на телефоне?», разрывается. Это вызвано тем, что ряд пользователей, реагируя на первичный интернет-комментарий, не воспользовались функцией «ответить на конкретный комментарий», а ввели интернет-комментарий, как бы независимый от первичного. Так, ответы на определённый вопрос платформа распределила в разделе «Комментарии» в случайном порядке, и вне контекста понять, что же значат, к примеру, записи 62% или 35%, сложно. Это ещё одна особенность коммуникации в глобальной сети Интернет в жанре интернет-комментария.

Ранее указывалось, что «анализ интернет-комментариев не представляется возможным без учёта текста комментируемого поста» [4: 67] (и это, безусловно, верно для большинства ситуаций комментирования), однако контекст для анализа интернет-комментариев для продвижения видеоролика практически неважен: большая часть первичных интернет-комментариев – клише, которые повторяются из видеоролика к видеоролику, не коррелируя с содержанием последних. Подобные описанным выше интернет-комментарии для продвижения видеоролика можно найти на странице видеоролика «у меня сильно заболела кошка» пользователя «татами» (<https://vm.tiktok.com/ZMrgNPF3u/>). Очевидно, для сбора средств для лечения питомца автор видеоролика предлагает зрителям: «потыкайте на 4 кнопки» (имеются в виду следующие кнопки: «Лайк», «Комментарии», «Сохранить», «Поделиться», размещённые на боковой панели в интерфейсе социальной сети). Пользователи комментируют видеозапись (точнее перелистывающиеся фото, сопровождаемые аудиозаписью) примерно так же, как и в видеоролике «Ани Дрейман» (рис. 3).

Обратившись к типологии комментариев Н. И. Клушиной и соавторов, интернет-комментарий для продвижения видеоролика можно отнести к комментарию – эмоциональному отклику, который «не содержит элементов анализа, а представляет собой лишь выражение эмоции по отношению к автору, к произведению» [5: 53]. Конечно, отличие интернет-комментария для продвижения видеоролика от «традиционного» интернет-комментария здесь в том, что положительная эмоция по отношению к автору или видеоролику выражается, как это ни парадоксально, не в содержании текста интернет-комментария, а в самом факте наличия текста. (В таком случае отсутствие интернет-комментария от зрителя под видеороликом – это

⁵Брига – сокр. от пояснительная бригада. В молодёжном социолекте означает пояснение по определённой теме.

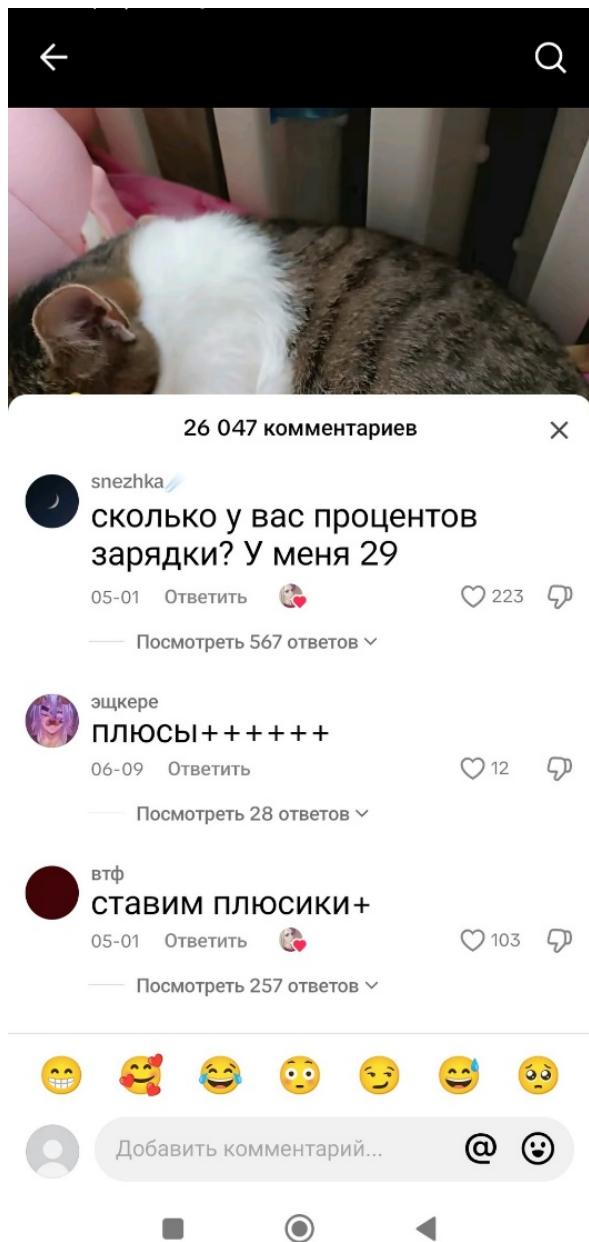

Рис. 3. Типичные интернет-комментарии для продвижения видеоролика

Fig. 3. Typical online comments to promote a video нулевой знак, показывающий отрицательное или нейтральное отношение к просмотренному видеоконтенту.)

Поступила в редакцию 23.05.2024; одобрена после рецензирования 06.07.2024; принята к публикации 06.07.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 23.05.2024; approved after reviewing 06.07.2024; accepted for publication 06.07.2024; published 28.11.2025

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колокольцева Т. Н. Интернет-комментарий как сетевой жанр: общая характеристика, диалогический потенциал, проблемы классификации // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 2 (42). С. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>, EDN: ISDSFK

2. Пейгина Л. В., Теплякова А. О. Демократизация процесса производства фанатских видео в контексте культурной логики позднего капитализма // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 44. С. 93–109. <https://doi.org/10.17223/22220836/44/8>, EDN: FXLBTM

3. Крикунова Д. А., Трусова А. Ю. Лингвистические способы оптимизации коммуникации на платформе TikTok // *Znanstvena Misel.* 2021. № 55-2 (55). С. 36–38. EDN: IALTPO

4. Викторова Е. Ю., Пантеева К. В. Жанр интернет-комментария: аксиологический аспект // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 1 (37). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>, EDN: HGVVCL

5. Клушкина Н. И., Смирнова Н. В., Касперова Л. Т., Иванова М. В., Барышева С. Ф. Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3 (14). С. 50–54. <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10134>

REFERENCES

1. Kolokoltseva T. N. Internet comments as a network genre: General characteristics, diological potency, classification problems. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, iss. 2 (42), pp. 164–173. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-2-42-164-173>, EDN: ISDSFK.

2. Peigina L. V., Teplyakova A. O. Democratization of the process of fan video production in the context of cultural logic of late capitalism. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 2021, no. 44, pp. 93–109 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/22220836/44/8>, EDN: FXLBTM.

3. Krikunova D. A., Trusova A. Yu. Linguistic means of optimizing communication on TikTok. *Znanstvena Misel*, 2021, no. 55-2 (55), pp. 36–38 (in Russian). EDN: IALTPO.

4. Viktorova E. Yu., Panteeva K. V. An Internet comment as a speech genre: Axiological aspect. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 1 (37), pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-1-37-66-73>, EDN: HGVVCL.

5. Klushina N. I., Smirnova N. V., Kasperova L. T., Ivanova M. V., Barysheva S. F. Network genres: News and commentary in the Internet space. *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 2018, no. 3 (14), pp. 50–54 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2018-10134>

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 447–455
Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 447–455
<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-447-455>, EDN: YNGACZ

Научная статья
УДК 004.738.5:[811.161.1+811.111]’27’38’42

Видеореакция, трэш-обзор, ностальгический обзор: к вопросу о новых оценочных жанрах интернет-коммуникации

К. В. Калинина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Калинина Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и переводоведения, kse-panteeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Аннотация. В статье представлены результаты лингвопрагматического анализа трех оценочных речевых жанров интернет-коммуникации: видеореакции, трэш-обзора, ностальгического обзора. Материал исследования – скрипты русско- и англоязычных видеоблогов на YouTube. Поскольку жанры видеореакции, трэш-обзора и ностальгического обзора выделились из жанра интернет-обзора, коммуникативная цель всех трех исследуемых жанров – оценить качество какого-либо контента. При этом каждый из анализируемых жанров обладает рядом специфических черт. Так, главная особенность видеореакции состоит в том, что оценка видео дается непосредственно во время его просмотра. Ключевой характеристикий трэш-обзора является тот факт, что объектом оценки становится что-то заведомо некачественное, т. е. пользователям не столь важен результат оценивания, сколько то, каким образом блогер выразит негативное отношение к тому или иному медийному продукту. В фокусе ностальгического обзора – популярные в прошлом фильмы и телешоу, которые нередко оцениваются с позиций современных общественных установок и психологии отношений. Все три исследуемых жанра характеризуются различным соотношением положительных и отрицательных оценок, однако и в видеореакции, и в трэш-обзоре, и в ностальгическом обзоре наблюдаем превалирование эксплицитных оценок, что, вероятно, связано с тем, что блоговый продукт, выполняющий, прежде всего, рекреативную функцию, не предполагает высокого уровня интерпретативной компетентности реципиента. Хотя в исследуемом материале были выявлены и имплицитные оценки, число их относительно невелико.

Ключевые слова: речевой жанр, оценочные речевые жанры, жанр видеореакции, жанр трэш-обзора, жанр ностальгического обзора, интернет-дискурс, интернет-коммуникация

Для цитирования: Калинина К. В. Видеореакция, трэш-обзор, ностальгический обзор: к вопросу о новых оценочных жанрах интернет-коммуникации // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 447–455. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-447-455>, EDN: YNGACZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Video reaction, trash review, nostalgic review as new evaluative speech genres of the Internet communication

К. В. Kalinina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ksenia V. Kalinina, kse-panteeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6422-4906>

Abstract. The article presents the results of the linguopragmatic analysis of three evaluative speech genres of the Internet communication: video reaction, trash review and nostalgic review. The study is based on Russian and English YouTube video blogs. Since video reactions, trash reviews and nostalgic reviews originated from the speech genre “Internet review”, their communicative purpose is to evaluate the quality of some content. Nevertheless, all three genres have a number of specific characteristics. Thus, the main peculiarity of video reactions is that they show people watching and commenting on the video they are watching. The key feature

of the trash review is that the object of criticism is something initially being considered to be low quality, i.e. the viewers of trash reviews are more interested in how the blogger would express his negative attitudes. As for the nostalgic review, it focuses on once popular films and TV shows which are evaluated from the perspective of the contemporary social attitudes. The ratio between positive and negative evaluation varies depending on the speech genre. However, in all three analyzed speech genres, explicit evaluation significantly prevails over implicit evaluation since blogs (performing primarily the recreational function) do not require a high level of interpretative skills of a recipient. Despite the fact that in the material under study implicit evaluative statements were identified as well, their number is relatively small.

Keywords: speech genre, evaluative speech genres, reaction video, trash review, nostalgic review, internet discourse, internet communication.

For citation: Kalinina K. V. Video reaction, trash review, nostalgic review as new evaluative speech genres of the Internet communication. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 447–455 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-447-455>, EDN: YNGACZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблемам интернет-коммуникации посвящено много научных работ. Так, досконально изучены тематические, композиционные, лексико-стилистические, лингвопрагматические особенности интернет-коммуникации [1–4]. Не обделены вниманием исследователей и речевые интернет-жанры [5–9]. Думается, роль интернета как важной медиасреды не была недооценена и до 2020 года, однако в постковидную эру число интернет-пользователей и общее количество интернет-трафика достигли максимальных значений за всю историю существования Интернета. В эпоху ускоренной цифровизации, когда у большинства форм офлайн-общения есть онлайн-аналоги, а некоторые ученые задаются вопросом о целесообразности выделения самого понятия интернет-дискурса – настолько размытыми видятся границы между виртуальной и реальной коммуникацией – невольно возникает вопрос: что нового можно сказать об интернет-коммуникации, о которой, кажется, и так все уже известно? Ответ кроется в самой природе интернет-коммуникации: будучи уникальной жанропорождающей средой, коммуникативное пространство Интернета, вероятно, еще долго останется в фокусе лингвистических исследований.

По образному выражению Е. И. Горошко, Интернет – «кипящий котел», в котором не только мутируют или адаптируются традиционные жанры, но и образуются новые жанры [10: 173]. Проблема интернет-жанров оригинального типа, возникших непосредственно в интернет-среде, несомненно, актуальна для теории речевых жанров. Представляется, что особое развитие в интернет-коммуникации получили оценочные речевые жанры (РЖ): интернет-общение, выходящее за рамки личной переписки в мессенджерах, как правило, подразумевает активный обмен мнениями, а мнение априори сопряжено с оценкой.

Оценка присуща многим (если не всем) РЖ, но степень ее присутствия, ее форма разнятся от жанра к жанру. Вопрос соотношения оценки и РЖ, безусловно, заслуживает отдельного скрупулезного анализа. Тем не менее, не углубляясь в описание различий между формами оценки в отдельных дискурсах и жанрах, отметим, что РЖ, в которых оценка определяет коммуникативную цель, могут быть отнесены к оценочным РЖ. Так, в оценочных РЖ оценка выходит на первый план (что, однако, не подразумевает отсутствия оценки в условно «неоценочных» РЖ). Функции оценки разнообразны: выражение содержательной позиции говорящего, формирование его речевого имиджа, осуществление эффективного речевого воздействия на адресата. Логично предположить, что в оценочных РЖ выражение автором своего мнения относительно какого-либо объекта действительности – жанрообразующая характеристика. В коммуникативном интернет-пространстве к оценочным РЖ традиционно относят жанр интернет-комментария и жанр интернет-отзыва [11, 12]. Тем не менее, с активным развитием блогосферы возникают и новые оценочные интернет-жанры: авторам блогов важно привлечь и удержать внимание аудитории, что напрямую зависит от уникальности и оригинальности контента. Пользователям важно найти подтверждение своей точки зрения или, наоборот, подчеркнуть неправоту тех, кто придерживается противоположных взглядов. Поэтому блогеры заинтересованы в создании контента, характеризуемого высокой степенью оценочности.

Так, статья посвящена некоторым новым оценочным РЖ, относительно недавно появившимся в интернет-коммуникации, а именно жанру видеореакции, жанру трэш-обзора, жанру ностальгического обзора. Цель исследования – выявить жанрообразующие характеристики трех вышеперечисленных РЖ, проанализировать данные РЖ с точки зрения

оценочности, а также сопоставить особенности функционирования этих РЖ в русско- и англоязычной интернет-коммуникации. Материалом исследования послужили скрипты русско- и англоязычных видеоблогов на YouTube.

Жанр видеореакции

Видеореакция (англ. a *reaction video*) – видео, демонстрирующее реакцию одного или нескольких человек на фильм, сериал, шоу, трейлер и т. д., причем реакция записывается непосредственно во время просмотра комментируемого материала. Видеореакция демонстрирует и исходное видео, и реакцию на него. Первые клипы с реакциями появились еще в рамках некоторых японских развлекательных программ 1970-х гг. Первая видеореакция, ставшая вирусной во всемирной сети, появилась только в 2006 г., и с этого момента видеореакции стали набирать популярность. За несколько лет видеореакции из эпизодических клипов, демонстрирующих невербальное проявление эмоций во время просмотра какого-либо видео, превратились в особый вид контента: ряд блогеров специализируются на создании исключительно видеореакций. Отметим, что в рамках данного исследования видео, содержащие исключительно эмоциональную реакцию на что-либо,

в качестве примеров речевого жанра «видеореакция» не рассматриваются. Так, в первых видеореакциях вербальный компонент отсутствовал (причем подобный тип видео существует до сих пор). Однако речевой жанр видеореакции сформировался на стыке интернет-обзора и видеореакций оригинального типа: с одной стороны, в жанре видеореакции представлена оценка какого-либо материала (как в интернет-обзоре), с другой – оценка дается непосредственно во время просмотра исходного видео (как в первых видеореакциях).

Если в первых видеореакциях было важно, чтобы блогер был эмоциональным человеком, то с трансформацией видеореакций в особый речевой жанр значение приобретает речь блогера. Эмоциональность, несомненно, по-прежнему релевантна в формировании образа блогера (рис. 1), но на первый план выходит то, каким образом блогер оценивает увиденное. Так, его должен отличать индивидуальный стиль оценивания материала, а его оценочные суждения должны быть ясно и четко сформулированы. Немаловажны такие черты блогера, как уверенность в поведении, активность в выражении своих убеждений, стремление активно контактировать с аудиторией [13]. Блогер не обязан быть экспертом в какой-либо области, а степень авторитетности бло-

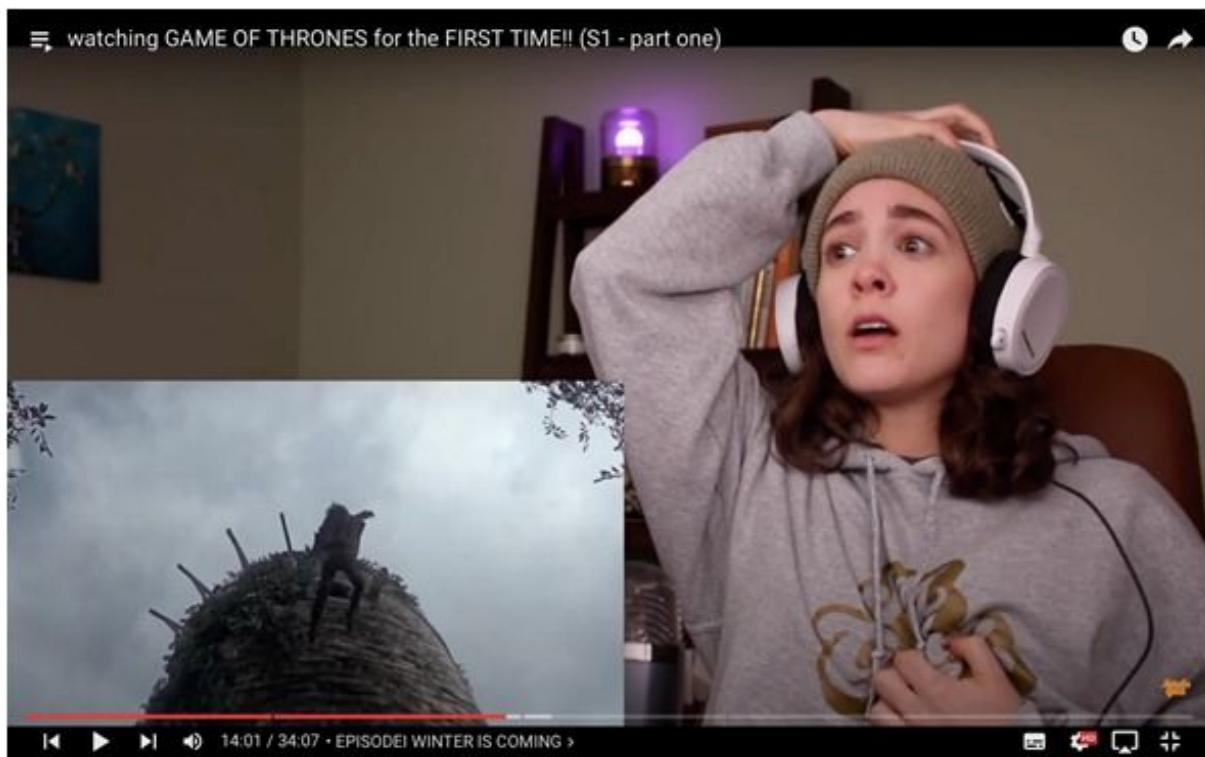

Рис. 1. Блогер видит падение Брана Старка с башни

Fig. 1. A blogger sees Bran Stark falling from the tower

гера – относительная величина, поскольку она во многом зависит от охвата аудитории, количества просмотров, лайков, комментариев под видео. Следовательно, популярность видеореакции во-многом зависит от личности блогера.

Среди психологических причин, объясняющих популярность жанра видеореакции, обозначим 1) иллюзию общения при совместном просмотре (блогер при записи реакции смотрит в камеру, интересуется мнением аудитории относительно того или иного высказывания); 2) подтверждение своей точки зрения или эмоций (вокруг блогера формируется аудитория с более-менее сходными взглядами); 3) возможность поспорить на интересующую тему (в комментариях к видеореакции, например).

Видеореакции, как правило, снимаются на материал, потенциально способный вызывать сильные эмоции: первые или заключительные серии популярных сериалов; видео, вызвавшие общественный резонанс; трейлеры на ожидаемые премьеры фильмов; известные телешоу. Считается, что блогеры, создающие видеореакцию, не смотрели материал заранее, т. е. жанр видеореакции предполагает живую реакцию во время первого просмотра видео: даже если автор видеореакции уже ознакомился с материалом, чтобы лучше продумать свой текст, ему принципиально важно создать видимость, что видео он смотрит впервые. В англоязычной интернет-коммуникации видеореакцию также называют *blind reaction*, чтобы особо подчеркнуть спонтанный характер речи блогера. Таким образом, жанр видеореакции подразумевает неподготовленную речь, хотя исключить присутствие в видеореакции заранее заготовленных фраз не представляется возможным.

В начале видеореакции может звучать как стандартное приветствие, так и особая запоминающаяся фраза, характерная для конкретного блогера (англ. *catch phrase*). Затем обозначается материал, реакция на который и является предметом всего видео, хотя в большинстве случаев тема обозначена еще в заголовке к видео. Основная часть представляет собой процесс просмотра заявленного видео, которое по мере необходимости ставится блогером на паузу и им комментируется. Длительность комментируемого материала во многом определяет длительность всей видеореакции: реакция может записываться на видео продолжительностью от нескольких минут до нескольких часов.

Основная коммуникативная цель видеореакции – дать оценку какому-либо контенту. Одновременно с этим блогеру важно привлечь максимально обширную аудиторию, поэтому реакции должны быть эмоциональными и оценочными. Рассмотрим несколько примеров:

- 1) *I'm pretty fascinated by him, he's clearly a super highly skilled fighter and warrior and got these cool little witchcraft powers.*
- 2) *What a way to start the show, wow! Winter zombies! Great!*
- 3) Господи, я пытаюсь понять, но с первой минуты меня погружают в какую-то **вакханалию!**
- 4) Даже не знаю, насколько это было **ужасно** по десятибалльной шкале...

Первые два примера – отрывки из видеореакций на первые серии первых сезонов «Ведьмака» и «Игры престолов» соответственно. Последние два примера взяты из русскоязычных видеореакций на телешоу «Порча». Материал, на который были сделаны видеореакции, отвечает стандартным требованиям для этого РЖ: «Ведьмак» и «Игра престолов» – популярные сериалы, и их первые серии, несомненно, способны вызвать бурные эмоции. Телешоу «Порча», в свою очередь, отличается абсурдностью и нелогичностью сюжета, поэтому представляет собой отличную площадку для шуток и сарказма.

Во всех вышеприведенных примерах видим обилие оценок, причем значительное число оценок являются эксплицитными прямыми. Хотя косвенные оценки также присутствуют в исследуемом материале, их число значительно меньше, чем прямых оценок. Стремление блогеров эксплицитно выражать оценочные суждения связано с тем, что интерпретация косвенных оценок требует несколько больших усилий от реципиента, тогда как потенциальная аудитория видеореакций, как правило, стремится получить легкоанализируемый контент, поскольку основная функция видеореакций – рекреативная.

В наших примерах видим превалирование положительных оценок, однако соотношение положительных и отрицательных оценочных высказываний зависит от исходного материала: так, первые серии популярных сериалов чаще всего оцениваются положительно. Видеореакции на последующие сезоны нередко характеризуются большим количеством отрицательных оценок. Видеореакции на абсурдные телешоу про магию, гадалок и пр. изобилуют отрицательными оценками.

Жанр трэш-обзора

Трэш-обзор – это интернет-обзор, в котором блогер оценивает заведомо плохой фильм, сериал, шоу и т. д. Трэш-обзор создается преимущественно в видеоформате, что, однако, не исключает существования трэш-обзоров в виде текстовых публикаций. Стандартный ролик с трэш-обзором на YouTube состоит из приветствия, основной части и заключения, но в отличие от видеореакции трэш-

обзор не подразумевает полноценного просмотра оцениваемого контента: в трэш-обзоре присутствуют лишь отдельные видео-вставки, скриншоты, подходящие по тематике картинки, гифки и пр. (на рис. 2, например, видим мем, цель которого – продемонстрировать зрителям, насколько сюжетный поворот кажется блогеру нелогичным). Подобные вставки помогают разнообразить видеоряд и служат удачным дополнением к речи блогера. Как и в случае с жанром видеореакции, успех трэш-обзора во многом определяется тем, как блогер формулирует свою точку зрения. Поскольку трэш-обзор изначально подразумевает, что оценка будет негативной, то пользователям не столь важно узнать, каково качество обозреваемого продукта (результат очевиден) – гораздо важнее то, каким образом эта негативная оценка будет выражена блогером.

Любопытно, что в англоязычной интернет-коммуникации жанр трэш-обзора функционирует в рамках стандартного интернет-обзора: так, среди англоязычных обзоров немало видео с неприкрытым критикой какого-либо медийного продукта, но непосредственно в заголовках к подобным видео название *trash review* встречается редко. Рассмотрим несколько примеров англоязычных заголовков: 1) *Aftermath* (2021) is Netflix **Dumpster Trash** – Movie Review;

2) *How The Witcher Destroyed Itself*; 3) *Madame Web – A Hilarious DISASTER*; 4) *Fallout Episode 1 Review – Story FAILS to execute the PAYOFFS*. Несмотря на то что фраза *trash review* в заголовках отсутствует, интернет-пользователи легко могут предугадать содержание видео благодаря оценочно-экспрессивной лексике. В русскоязычных заголовках, напротив, наличие фразы «трэш-обзор» (в различных вариантах написания) если и не облигаторно, то распространено: 1) **ТРЭШ-ОБЗОР: Универ** (Когда пора остановиться!); 2) **ТРЭШ-ОБЗОР: РЕН ТВ** [«Нержавеющий»]; 3) **Трэш-обзор: Звезды под гипнозом** (Позор Первого канала); 4) **Обзор на плохое – Сериал Интерны**. Концепция трэш-обзора просматривается уже в самом названии этой разновидности обзора: англ. *trash* означает «мусор», «хлам», «дрянь». Следовательно, трэш-обзор изобилует резкой критикой, причем критикуется все: в трэш-обзоре на фильм или сериал принято негативно высказываться относительно сюжета, ключевых идей, актерской игры, спецэффектов, отдельных реплик. Рассмотрим несколько примеров:

1) *From the jump we see one of the biggest flaw of this film which is Wonka himself. <...> He wasn't really dark. There didn't seem to be much layering behind his character <...>*

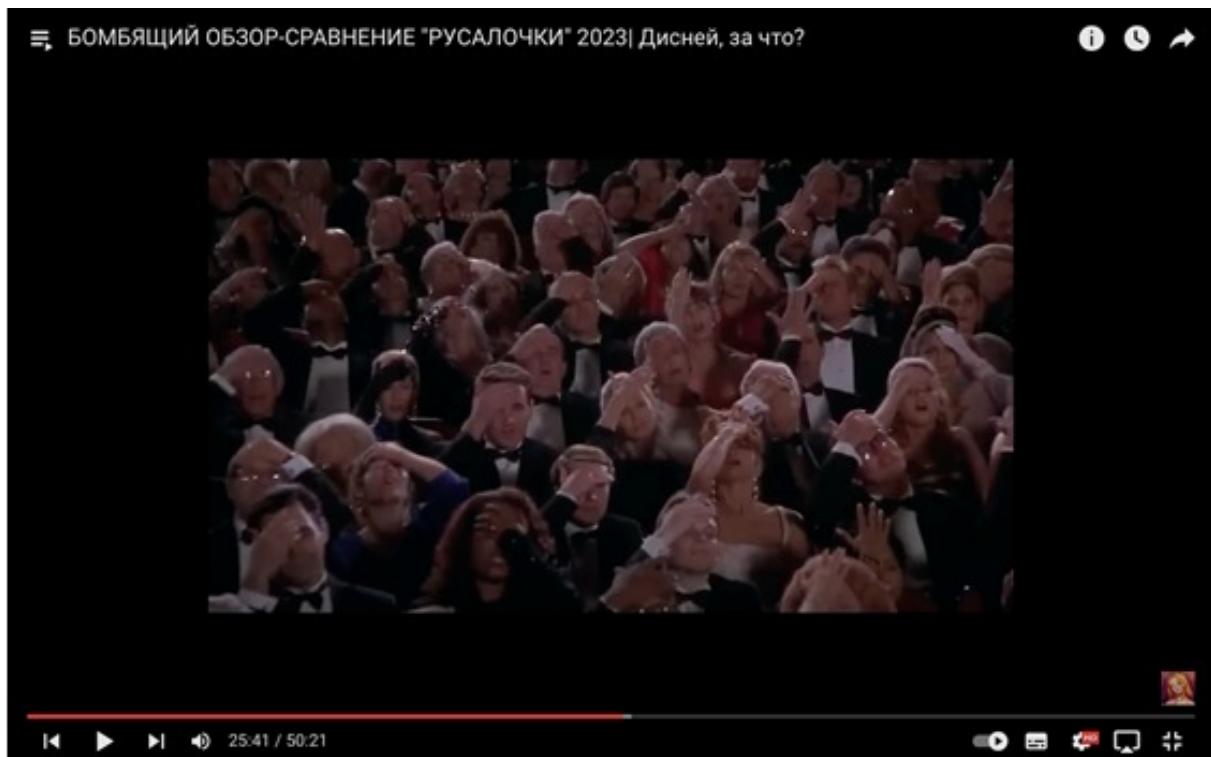

Рис. 2. Мем, где все люди хлопают себя по лбу

Fig. 2. Crowd slapping forehead meme

- He's the same nice happy guy by the end of the movie as he was at the beginning and he doesn't have much of an arc <...> and it's more so about him realizing how great he really is and just learning to share it with other people* [трэш-обзор на фильм 2023 г. «Вонка»];
- 2) *We've gone over a lot of bad films and TV shows on this channel but rarely do we have something this bad. A film that will go down into annals of history is not only the worst movie of 2024, it is the worst comic book film ever made* [трэш-обзор на фильм 2024 г. «Мадам Паутину»];

- 3) *Сильно смешным его не назовешь, интригующим тоже... Мне интересно, что там в итоге будет с Дашей, но до этого момента мне как будто вообще плевать на эту семейству* [трэш-обзор на сериал «Папины дочки. Новые»].

Как мы видим, для трэш-обзора характерно большое количество отрицательных оценочных высказываний, что в целом логично: пользователь, включающий видео с трэш-обзором, ожидает услышать негативный отзыв на что-либо. Именно обилие отрицательных оценок привлекает значительное число пользователей, что во многом объясняет популярность жанра трэш-обзора среди блогеров. Отрицательная оценка с психологической точки зрения привлекает больше внимания, чем положительная, поэтому положительная оценка в трэш-обзоре представлена не столь широко. Например, в следующем отрывке из трэш-обзора на фильм «Дюна. Часть вторая» наблюдаем положительные оценки: *Apparently one of the big changes was that the book, or at least this part of the book, takes place over three years, and they shortened it down to 6 months which I didn't have a problem with and I thought it was clever that they used lady Jessica's pregnancy to show the passage of time and for the most time the acting is topnotch*. Данный пример, скорее, является своеобразным исключением из правил: как отмечалось выше, трэш-обзоры принято снимать на что-то заведомо плохое, т. е. на то, что уже подверглось критике. Вторая часть «Дюны», напротив, всегда оценивалась критиками и простыми зрителями положительно. Думается, автор специально обозначил видеоролик как трэш-обзор, чтобы вызвать дополнительный интерес пользователей: многим было любопытно узнать, что же такого «трэшевого» блогер нашел в «Дюне», но в действительности автор оценил фильм в целом положительно.

Отметим, что как и в случае с положительными оценками в видеореакции, отрицательные оценки в трэш-обзоре в большинстве случаев эксплицитны: блоговый продукт не под-

разумевает серьезных аналитических процессов ни со стороны автора, ни со стороны реципиента. Нередко видеоблоги даже не просматриваются, а прослушиваются в фоновом режиме, поэтому задача блогера максимально эксплицитно выразить свою точку зрения. Среднестатистический пользователь Интернета, решивший посмотреть или послушать трэш-обзор, вероятно, в меньшей степени желает искать и находить скрытые смыслы, заложенные в тексте, что, однако, не исключает наличия имплицитных оценок в жанре трэш-обзора:

— Ну давай-ка, возрази, сделай это максимально размашисто!

— Че? (диалог из передачи)

Наверное, еще более элитарным сделать этот диалог просто невозможно [трэш-обзор на телешоу «Суд присяжных»].

В данном случае автор иронично отзыается об отдельно взятом диалоге из телевизионного шоу «Суд присяжных», причем оценка выражена имплицитно, с помощью иронии. Интересно, что ирония — одно из основных средств выражения имплицитной оценки в трэш-обзорах, что, видимо, связано с тем, что ирония немного легче интерпретируется неподготовленным слушателем по сравнению с другими формами имплицитных оценок. Как мы видим, обнаружить примеры имплицитных оценок (как правило, отрицательных) в трэш-обзоре вполне возможно, но эксплицитные отрицательные оценки значительно превалируют.

Жанр ностальгического обзора

Жанр ностальгического обзора также является одной из разновидностей интернет-обзора, но в фокусе ностальгического обзора — некогда популярные телешоу, сериалы, фильмы, игры, книги. Цель ностальгического обзора — вспомнить и оценить популярные в прошлом сериалы, фильмы и пр. Как правило, блогеры предпочитают делать ностальгические обзоры на те медийные продукты, которые были популярны в их детстве или в детстве их целевой аудитории, почему данный вид обзора и получил название «ностальгический». Особую популярность жанр ностальгического обзора обрел в англоязычной блогосфере, тогда как в русскоязычном сегменте YouTube жанр ностальгического обзора находится в стадии обособления от жанра интернет-обзора. Импульсом для развития ностальгического обзора как особого поджанра интернет-обзора, фокусирующегося исключительно на фильмах и сериалах прошлых лет и призванного оценить их с позиций современных общественных установок, послужили работы американского комика и блогера, который выпустил целую серию подобных видео от имени «ностальгирующего критика» (рис. 3).

Рис. 3. «Ностальгирующий критик» в образе Боба Айгера (главы Диснея) намекает на то, что студия увлеклась эксплуатацией собственного наследия из-за финансовой выгоды

Fig. 3. Nostalgia Critic in the guise of Bob Iger (CEO of Disney) hints that the company is exploiting its heritage for financial reasons

Отметим, что термин «ностальгический обзор» не является пока общепринятым: многие видео вообще не позиционируются как ностальгические обзоры, хотя по содержанию полностью соответствуют этому жанру. Кроме того, в ряде случаев встречается формулировка «ретро-обзор», но поскольку данный термин нередко используется по отношению к обзорам на старые компьютерные игры, видится целесообразным использовать термин «ностальгический обзор», более точно, на наш взгляд, отражающий особенности этого РЖ.

Структура ностальгического обзора во многом сходна со структурой трэш-обзора: акцент также ставится на монологическую речь блогера, периодически прерываемую видеофрагментами, фото и пр. В ностальгическом обзоре интернет-пользователям дается редкая возможность – совместно с блогером (и в какой-то степени совместно с другими пользователями, комментирующими видео) вспомнить любимые мультфильмы, сериалы, телешоу. Для ностальгического обзора характерна общая положительная окраска:

1) Ты чувствуешь, как будто это **твоя личная победа**, ты смог вместе с Мулан пройти через **все это!** [ностальгический обзор на мультфильм «Мулан» 1998 г.];

- 2) Визуал <...> точно **сделан с любовью** <...> настолько, что его **до сих пор помнят и превозносят** [ностальгический обзор на мультфильм «Анастасия» 1997 г.];
- 3) *Still, the Truman Show stands as a **fine movie** that has **good acting, excellent directing and ideas that still spark conversations*** [ностальгический обзор на мультфильм «Шоу Трумана» 1998 г.].

Тем не менее, отрицательные оценочные высказывания также довольно частотны. Если наличие значительного числа положительных оценок в ностальгическом обзоре видится вполне логичным (ностальгия часто сопряжена с положительными эмоциями), то немалое количество отрицательных оценок объясняется тем, что в ряде ностальгических обзоров блогером поставлена задача не только вспомнить любимый некогда фильм или сериал, но оценить его с точки зрения современных реалий, общественных установок, психологии отношений. Подобная стратегия помогает создать юмористический эффект за счет демонстрации того, как с годами поменялось наше восприятие некоторых персонажей, сюжетов, поступков. Немаловажную роль здесь играют и общественные установки относительно гендерных ролей

в обществе, взаимоотношений между родителями и детьми и т. д.

Рассмотрим пример из ностальгического обзора на мультфильм «Принцесса-лебедь» 1994 г.: *But as it's typical of any 90's romance they, of course, have to hate each other throughout the majority of the process. <> But then quite literally out of nowhere, they suddenly love each other <> oh now isn't that a charming lesson? Years of hate and abuse are fine in a relationship as long as your sexual urges deem your partner a sweet piece of a**.* В этом небольшом отрывке автор высмеивает стереотипичные представления о любви с первого взгляда, которой к тому же предшествует сильная ненависть. Если когда-то подобное развитие сюжета не вызывало вопросов, но, наоборот, привлекало зрителей, то с позиции молодого поколения это выглядит как минимум нелогично и странно. Конечно, блогер, комментирующий мультфильм, понимает, что целевая аудитория анимационного фильма – дети, но, например, современные мультфильмы хороших анимационных студий стараются избегать совсем явных стереотипов о взаимоотношениях людей.

В другом отрывке, из ностальгического обзора на диснеевскую «Белоснежку», также наблюдаем отрицательные оценки: *But then Snow White comes back because of a series of very lucky events including not being buried by the dwarves, having stories be told about her a guy she met once, being good enough to count as true love and of course that guy being a ding-dong who's willing to kiss a borderline dead woman on the lips.* Не умаляя ценность мультфильма в целом, блогер сознательно акцентирует внимание на сюжетных нестыковках, немотивированности некоторых поступков, инфантильности персонажей, что, несомненно, сопряжено с выражением отрицательной оценки. Тем не менее, отрицательная оценка в ностальгическом обзоре сглаживается значительно чаще по сравнению, например, с трэш-обзором. Так, в приведенных выше примерах присутствуют преимущественно косвенные отрицательные оценки. Отрывок из русскоязычного ностальгического обзора на фильм «Как стать принцессой» 2001 г. также иллюстрирует тенденцию к выражению отрицательных оценок в ностальгических обзирах скорее косвенно, а не прямо: *Наша главная героиня – пятнадцатилетняя школьница Миа, полное имя – Амелия, которая сразу предстает в образе непопулярной ботаники из нулевых. А там как было: если человек с брекетами, носит очки, и у него пушистые волосы, он автоматически становится изгояем...* И в то же время, вы вообще видели, сколько стоит поставить брекеты и купить очки? Стремление блоге-

ров сглаживать отрицательную оценку является важной характеристикой ностальгического обзора: обзор, изобилующий исключительно отрицательными прямыми оценками, уже не мог бы называться «ностальгическим».

Заключение

Итак, жанр видеореакции, жанр трэш-обзора и жанр ностальгического обзора относительно недавно превратились из разновидностей интернет-обзора в обособленные РЖ интернет-коммуникации, причем процесс формирования этих РЖ в русско- и англоязычной блогосферах проходил по-разному и в некоторой степени еще не завершен. Тем не менее, выявленные тематические, композиционные, аксиолингвистические характеристики проанализированного материала позволяют говорить о видеореакциях, трэш-обзирах и ностальгических обзирах как об отдельных РЖ.

Жанр видеореакции представляет собой непосредственную реакцию на какой-либо фильм, сериал и пр. при первом его просмотре. В видеореакциях транслируемые оценочные смыслы максимально эксплицитны, что, однако, не исключает присутствия в видеореакциях имплицитных оценок. Соотношение положительных и отрицательных оценок варьируется от видео к видео и во многом зависит от самого материала, на который снимается видеореакция.

Трэш-обзоры, как следует из названия, снимаются на заведомо некачественные или совсем провальные фильмы, сериалы, телешоу, поэтому закономерно, что трэш-обзоры характеризуются большим количеством отрицательных оценок (преимущественно эксплицитных прямых). В исследуемых видео были выявлены редкие случаи положительных оценок, но положительная оценочность не вполне характерна для данного РЖ.

Ностальгические обзоры интересны тем, что снимаются на старые фильмы и телепередачи, популярные в детстве авторов обзоров или в детстве их целевой аудитории. Несмотря на общую положительную окраску ностальгических обзоров, число отрицательных оценок в некоторых из них довольно высоко. Кроме того, если отрицательные оценки в проанализированных ностальгических обзирах чаще всего эксплицитные косвенные или имплицитные, то положительные оценки, как правило, эксплицитные прямые. Таким образом, жанр ностальгического обзора продолжает тенденцию, наметившуюся при анализе видеореакций и трэш-обзоров, относительно превалирования эксплицитных оценочных смыслов в исследуемых оценочных РЖ, что, вероятно, связано со стремлением блогеров максимально облег-

чить реципиентам интерпретацию получаемой информации.

Данное исследование осветило лишь малую часть вопроса формирования и функциониро-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crystal D. *Language and the Internet*. 2nd ed. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2006. 316 p.
2. Androutsopoulos J. Code-switching in computer-mediated communication // *Handbook of the Pragmatics of CMC* / eds. S. C. Herring, D. Stein, T. Virtanen. Berlin : Mouton de Gruyter, 2011. P. 667–694.
3. Fowler D. P. Criticism as commentary and commentary as criticism in the age of electronic media // *Commentaries – Kommentare* / ed. G. W. Most. Göttingen : Vandenhoeck and Ruprecht, 1999. P. 426–442.
4. Интернет-коммуникация как новая речевая формация / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М. : ФЛИНТА; Наука, 2016. 328 с.
5. Дементьев В. В. Отзыв иностранцев о советском фильме как жанр Рунета // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 220–233. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233>
6. Карасик В. И. Читательский комментарий как речевой жанр современной российской блогосферы // Жанры речи. 2024. Т. 19, № 1 (41). С. 79–89. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ЕТEOBH
7. Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.
8. Филиппова М. П. Интернет-комментарий и сообщение на интернет-форуме: параметры жанрового разграничения // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2020. № 6. С. 1049–1053.
9. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 294–303. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>
10. Горошко Е. И. Интернет-коммуникация: проблема жанра // Жанры и типы текста в научном и медиийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Г. Пастухов. Орел : ОГИИК, 2006. Вып. 4. С. 165–175.
11. Стексова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88.
12. Иссерс О. С. Речевой жанр отзыва потребителя и его трансформация в цифровую эпоху (на материале отзывов о докторах) // Жанры речи. 2023. Т. 18, № 4 (40). С. 375–385. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>, EDN: AAISBG
13. Мясищев Г. И. Перлокутивный эффект речевого воздействия блогеров (прагмалингвистический аспект) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2021. 196 с.
14. вания оценочных РЖ в интернет-коммуникации. Тем не менее, думается, что сделанные выводы могут внести некоторый вклад в теорию речевых жанров.
15. REFERENCES
1. Crystal D. *Language and the Internet*. 2nd edition. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 316 p.
2. Androutsopoulos J. Code-switching in computer-mediated communication. In: Herring S. C., Stein D., Virtanen T., eds. *Handbook of the Pragmatics of CMC*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 667–694.
3. Fowler D. P. Criticism as commentary and commentary as criticism in the age of electronic media. In: Most G. W., ed. *Commentaries – Kommentare*. Göttingen, Vandenhoeck and Ruprecht, 1999, pp. 426–442.
4. *Internet-kommunikatsiia kak novaya rechevaiia formatsiia*. Nauch. red. T. N. Kolokol'tseva, O. V. Lutovinova [Kolokol'tseva T. N., Lutovinova O. V., eds. Internet Communication as a New Speech Formation]. Moscow, Flinta, Nauka, 2016. 328 p. (in Russian).
5. Dementyev V. V. Foreigners' review of the Soviet film as a genre of Runet. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 220–233 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-220-233>
6. Karasik V. I. Reader's comment as a genre of the modern Russian blog sphere. *Speech Genres*, 2024, vol. 19, no. 1 (41), pp. 79–89 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2024-19-1-41-79-89>, EDN: ЕTEOBH
7. Yeremina M. A. Speech genre of feedback in Internet communicative space. *Scientific Dialogue*, 2016, no. 5 (53), pp. 34–45 (in Russian).
8. Filippova M. P. An Internet comment and Internet forum post: Parameters of genre differentiation. *Journal of Udmurt University. History and Philology Series*, 2020, no. 6, pp. 1049–1053 (in Russian).
9. Viktorova E. Yu. Potential capacity of linguistic creativity in internet communication (Based on the genre of social networks). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 294–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303>
10. Goroshko E. I. Internet communication: The problem of the genre. In: Pastukhov A. G., ch. ed. *Genres and types of text in scientific and media discourse: Coll. works*. Orel, OGIIK Publ., 2006, iss. 4, pp. 165–175 (in Russian).
11. Steksova T. I. Commentary as a speech genre and its variation. *Speech Genres*, 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 81–88 (in Russian).
12. Issers O. S. Speech genre of consumer reviews and its transformation in the digital age (based on reviews of doctors). *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 4 (40), pp. 375–385 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-4-40-375-385>, EDN: AAISBG
13. Miasishchev G. I. *Perlocutionary Effect of Bloggers' Speech Impact (Pragmalinguistic Aspect)*. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Rostov-on-Don, 2021. 196 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 25.06.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 25.06.2024; published 28.11.2025

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 456–465

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 456–465

<https://zhanry-rechi.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-456-465>, EDN: YUNLBL

Научная статья
УДК 004.92:811.161.1'38'42

Игровой стрим как интернет-жанр

Е. Н. Галичкина[✉], О. В. Акимова

Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Россия, 414056, г. Астрахань,
ул. Татищева, д. 20а

Галичкина Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской
филологии, лингводидактики и перевода, elena.galichkina@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0771-6821>

Акимова Ольга Владимировна, аспирант кафедры английской филологии, лингводидактики
и перевода, старший преподаватель кафедры восточных языков, jurycchunk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-1451-8703>

Аннотация. Исследование посвящено описанию речевого жанра игровой стрим, под которым понимается сложное жанровое образование, порожденное интенцией ведущего онлайн-трансляции (стримера) демонстрировать аудитории процесс компьютерной игры и взаимодействовать с ней в режиме реального времени. Актуальность и научная новизна исследования обусловлены необходимостью описания жанрового многообразия интернет-дискурса, установления конститутивных признаков, структурных, семантических и прагматических характеристик игрового стрима как нового жанра интернет-дискурса. Материалом для анализа послужили 13 каналов игровых стримеров на русском языке. Общая длительность проанализированного материала 120 часов. В результате исследования уточняется наименование жанра «стрим», рассматривается содержание лексемы «стрим», выявляются типы стримов: вербальные, визуальные, полимодальные (на основе семиотического критерия), информативные, рекреативные (на основе прагматического критерия), демонстративные, недемонстративные (на основе презентационного критерия), персональные, коллективные (по количеству ведущих онлайн-трансляцию). Моделирование жанра «игровой стрим» осуществляется на основе разработанных Е. И. Горошко и Е. А. Жигалиной параметров. В результате исследования выявлены коммуникативные цели данного жанра, типы адресантов, ведущих онлайн-трансляцию (профессионал и любитель), типы адресатов игрового стрима (официальный и неофициальный). Установлены конститутивные признаки жанра игровой стрим, к которым относятся интерактивность, металюдичность, поликодовость, синхронный, публичный массовый характер, устно-письменная форма реализации языка. Проведенный анализ позволил выделить языковые особенности игрового стрима как речевого жанра (использование игрового жаргона, компьютерного, молодежного сленга, реалий компьютерных игр, лексики с позитивной и негативной оценочной семантикой, инвективной и обсценной лексики, англицизмов).

Ключевые слова: интернет-дискурс, стрим, игровой стрим, интернет-лингвистика, интернет-жанры, стример, интернет-жанроведение, игровой жаргон

Для цитирования: Галичкина Е. Н., Акимова О. В. Игровой стрим как интернет-жанр // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 4 (48). С. 456–465. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-456-465>, EDN: YUNLBL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Video game stream as an Internet speech genre

Е. Н. Galichkina[✉], О. В. Akimova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishev, 20a Tatishev St., Astrakhan 414056, Russia

Elena N. Galichkina, elenagalich@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-6821>

Olga V. Akimova, jurycchunk@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-1451-8703>

Abstract. The article presents the analysis of the speech genre “video game stream”, understood as a complex genre formation generated by the streamer’s intention to broadcast video gameplay to the audience over the Internet as well as interact with the audience online. The relevance and novelty of the study are connected with the need to describe the genre diversity of Internet discourse, to identify constitutive features, structural, semantic and pragmatic characteristics of video game stream as a new genre of Internet discourse. The research is based on the analysis of 13 Russian video game streaming channels. In total, 120 hours of video game streams were analyzed. As a result of the research, the authors specify the name of the genre, consider the semantic components of the lexeme ‘stream’, and identify the types of video streams: verbal, visual, polymodal (based on the semiotic criterion), informative, recreational (based on the pragmatic criterion), demonstrative, non-demonstrative (based on the presentation criterion), personal, collective (based on the number of live streamers). The research relied on the parameters developed by E. I. Goroshko and E. A. Zhigalina. As a result, the research has identified the communicative purpose of the video game stream genre, the types of the streamers broadcasting video gameplays (professional and amateur), and the types of the addressees (official and unofficial). Besides, the research has distinguished the genre peculiarities of the video game stream: interactivity, metaludicity, polycode nature, synchronous and mass character, contamination of oral and written forms of language realization. The authors describe the revealed verbal means which actualize the speech genre (game and computer jargon, teen slang, the use of computer games’ realities, words with positive and negative meaning, offensive and obscene language, anglicisms).

Keywords: internet discourse, stream, game stream, internet linguistics, internet genres, streamer, web genre study, game jargon

For citation: Galichkina E. N., Akimova O. V. Video game stream as an Internet speech genre. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 4 (48), pp. 456–465 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-4-48-456-465>, EDN: YUNLBL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Стремительное развитие технических средств связи привело к формированию интернет-жанроведения, описывающего многообразные интернет-жанры и способы их классификации [1: 119]. В последнее десятилетие значительное число лингвистических работ посвящено изучению интернет-дискурса. Исследователи детально описывают интернет-жанры: блог [2], онлайн-петиция [3], полиформатный мессенджер [4], интернет-анекдот [5], веб-лекция [6], демотиватор [7], интернет-мем [8], шейминг [9], электронная новостная заметка [10] и др. Вместе с тем остаются дискуссионными многие вопросы, связанные с определением дискурсивной принадлежности традиционных и новых жанров в интернет-пространстве, а также выявлением жанровых параметров, которые находятся на стыке нескольких дискурсов. В этой связи изучение новых интернет-жанров представляется актуальным. Цель исследования – установить конститутивные признаки жанра «стрим», описать его жанровые характеристики и типы, определить коммуникативные цели жанра «игровой стрим», установить структурные, семантические и pragmaticальные характеристики жанра «игровой стрим», выявить и проанализировать языковые способы монологичности и диалогичности в игровом стриме.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужила живая речь ведущих онлайн-трансляции (далее – стримеров), которая была зафиксирована на письме. Авторы статьи слушали речь, останавливали запись и сами записывали текст, поскольку функцию субтитрирования трансляции стримеры, как правило, отключают. Также были проанализированы комментарии пользователей. В качестве материала для исследования методом сплошной выборки были отобраны игровые стримы с платформ Twitch, YouTube, RuTube, фиксирующие взаимодействие ведущего стримера и его аудитории. Всего было проанализировано 13 каналов игровых стримеров на русском языке: Kuplinov Play, C_a_k_e, KarmikKoala, AlinaRinRin, Bad Vo1ce, Hard Play, ТрапоМан, UncleBjorn, vika_karter, guit88man, VooDooSh, silvername, Artyom First. Общая длительность проанализированных стримов составляет 120 часов. Видео игровых стримов находятся в открытом доступе в сети Интернет. В исследовании применялись следующие методы: понятийное моделирование, моделирование речевого жанра посредством элементарных смысловых единиц по А. Вежбицкой, метод сплошной выборки, интроспекция, интерпретативный анализ, количественный анализ.

Основная часть

Стрим как предмет исследования в лингвистике

Стрим становится предметом для изучения небольшого количества исследователей. Главным образом это специалисты в области социологии и медиакоммуникации. М. А. Мирошник в ходе изучения особенностей формата стрим-вещания обращает внимание на технические особенности интерактивного общения пользователей сети интернет. Исследователь рассматривает стрим как особый медиаформат взаимодействия с аудиторией, который находится на стыке журналистики и других областей знания [11: 78]. К. А. Онуприенко, руководствуясь семиотическим подходом, проанализировала особенности потребления новых форматов контента, одним из которых является стрим. Исследователь полагает, что поскольку стрим постоянно модифицируется, его нельзя назвать жанром [12: 464]. Мы, в свою очередь, не согласимся с данным мнением, поскольку стрим обладает устойчивыми признаками, которые далее будут рассмотрены более детально. Интересной представляется точка зрения О. С. Горелова, который рассматривает феномен стримингового вещания как метапоэтический перформанс, в ходе которого формируется вторичная интерактивность, а читатель стрим-канала становится перформером [13: 6]. Н. А. Зиновьева описывает социальную роль стрима, его потенциальную возможность формировать сообщества любителей просмотра новых игр и изучения особенностей прохождения старых [14: 462].

Зарубежные исследователи изучают воздействие ведущего онлайн-трансляции на свою аудиторию, мотивы и интенции адресатов при отправке стримеру пожертвований (донатов). Так, Чоу Ши-Вэй и Нгуен Триу изучают поведение зрителей при просмотре прямых эфиров как мотивационную обратную связь [15: 715]. Сходную точку зрения выдвигают Ма Линье, Гао Шуцинь и соавторы, которые изучают маркетинговую сторону стрима, в частности механизмы влияния стримера на поведенческие реакции потребителей [16]. Гун Минчуань описывает модель, основанную на социальном влиянии при отправке донатов во время просмотра игровых стримов [17]. Ли Чэнхайо и соавторы описывают методы глубокого словарного обучения сети для распознавания действий стримера в кадре [18]. Му Ху, Чжан Минли и Ван Юй, основываясь на теории социальной принадлежности, объясняют потребность зрителей смотреть стримы [19]. Ученые В. А. Гамильтон, О. Гарретон и А. Керне

рассматривают стрим как феномен медиасреды, обладающий потенциалом формирования стримингового сообщества пользователей [20]. В целом исследователи изучают стрим с позиций медиакоммуникации, социальных медиа, журналистики, маркетинга и киберкоммерции.

Стрим: уточнение наименования

В Интернете как особой жанропорождающей среде появился новый жанр – стрим. Уточним его наименование и рассмотрим содержание лексемы «стрим». В русском языке слово «стрим» является заимствованием от английского *stream* и переводится как «река, речка, ручей, ручеек, течение, поток» [21]. В этой связи рассмотрим значение слова *stream*, зафиксированное в англоязычных толковых словарях: *stream (n)* – 1. a body of water flowing in a channel or watercourse, as a river, rivulet, or brook; 2. a steady current in water, as in a river or the ocean [22] / сущ. 1. водоем, текущий в канале или водотоке, как река или ручеек; 2. течение воды, например, в реке или океане; *stream (n)* – 1. a small, narrow river; 2. a continuous flow of liquid or gas; 3. a continuous flow of people or vehicles; 4. a continuous supply of something; a large number of things that happen one after the other; 5. (computing) a continuous flow of video or sound sent over the internet; a continuous flow of computer data or instructions; 6. a group of students of the same age and level ability in some schools [23] / сущ. 1. небольшая узкая река; 2. непрерывный поток жидкости или газа; 3. непрерывный поток людей или транспортных средств; 4. непрерывная поставка чего-либо; большое количество событий, которые происходят одно за другим; 5. (комп.) непрерывный поток видео или звука, передаваемых через интернет; непрерывный поток компьютерных данных или инструкций; 6. группа учащихся одного возраста и уровня способностей в некоторых школах.

Толковые словари фиксируют общеупотребительное значение лексемы *stream* «река, поток жидкости или людей» и специальное, применимое к компьютерным технологиям («непрерывный поток видео или звука, передаваемых через интернет»). В первоначальном значении стрим – это поток данных, передаваемый из одного сервера на другой, содержащий в себе видео- и аудиосигналы. В метафорическом плане стрим – это передача потока информации. В лексеме «стрим» выделим сему способа действия, а именно – канал (посредством интернета), и сему времени осуществления действия (трансляция происходит в реальном времени в синхронной форме, онлайн). Содержание лексемы «стрим» сводится к следующему: это непре-

рывный поток информации, передаваемый кем-то через интернет.

Типы стримов

Как показал проанализированный материал, существуют разные типы стримов, в основу классификации которых могут быть положены следующие критерии: семиотический, информативный, презентационный, тематический, количество ведущих онлайн-трансляцию.

Семиотический критерий предполагает фиксацию наличия или отсутствия аудиальных, визуальных и визуально-графических компонентов. В соответствии с ним предлагаем выделять три типа стрима: вербальный; визуальный, в котором превалирует зрительное представление данных; полимодальный, где сочетаются вербальные и визуальные форматы представления информации.

Критерий степени информативности позволяет типизировать стримы по pragматической направленности и выделить информативные стримы (образовательные или новостные) и рекреативные (развлекательные).

Презентационный критерий констатирует наличие или отсутствие в стриме признаков самопрезентации его автора, попыток демонстрации собственной персоны с целью воздействия на аудиторию. На основе данного критерия выделим демонстративные и недемонстративные стримы.

По количеству ведущих онлайн-трансляцию выделим персональные и коллективные стримы. Персональный стрим ведет один ведущий, как правило, автор канала. Коллективными считаются стримы, где в трансляции участвуют два или более ведущих. Последние, в свою очередь, могут быть удаленными (зрители канала видят только автора канала и слышат второго стримера или нескольких стримеров) и прямыми (зрители видят несколько ведущих во время трансляции).

По параметру тематического содержания количество стримов сложно подсчитать: это кулинарные стримы, музыкальные стримы, алкогольные стримы, лайфстримы, креативные стримы, IRL-стримы, бодиарт-стримы, кукинг-стримы, бьюти-стримы, треш-стримы и др. На основе тематического критерия предлагаем выделять неигровые (могут быть информационно-аналитическими, например, новостными) и игровые стримы.

Игровой стрим: коммуникативные цели жанра

За основу моделирования жанра возьмем разработанные параметры, предложенные Е. И. Горошко и Е. А. Жигалиной,

которые включают в себя: коммуникативную цель, концепцию адресанта, концепцию адресата, событийное содержание, фактор коммуникативного прошлого, фактор коммуникативного будущего, формальную структуру, лингвистические средства, графическое оформление, наличие аудиовизуальной информации [24: 114].

Под «игровым стримом» будем понимать онлайн-трансляцию в интернете, в ходе которой стример демонстрирует аудитории процесс игры в режиме реального времени, а пользователи имеют возможность наблюдать за ведущим, поощрять его действия и эмоции в виде пожертвований, а также комментировать происходящее в общем чате.

Если мы используем метод моделирования жанра при помощи последовательности простых предложений, предложенный А. Вежбицкой [25], то получим следующие интенциональные смыслы, идущие от говорящего:

- говорю вам о чем-то и показываю, как это делать;
- говорю вам, потому что хочу, чтобы у вас появился интерес к тому, что я делаю;
- говорю публично в ходе совершения действия;
- говорю, чтобы у вас появилось желание смотреть и слушать мои действия;
- говорю так, чтобы вызвать интерес к себе;
- хочу вам показать, как я умею делать то, что вам показываю;
- говорю потому, что надеюсь, что вы будете смотреть на то, что я вам показываю;
- читаю то, что вы мне пишите, потому что хочу знать, что вы думаете о том, как я совершаю действие, которое вам показываю.

Коммуникативные цели жанра «игровой стрим» могут быть описаны с позиции адресанта, ведущего онлайн-трансляции (стримера), следующим образом:

- демонстрация стримером своих игровых навыков и личных качеств;
- желание стримера привлечь внимание аудитории;
- желание стримера заинтересовать содержанием своего канала;
- желание стримера получить материальную выгоду посредством добровольных пожертвований (донатов);
- желание стримера понравиться и стать узнаваемой персоной;
- желание стримера продемонстрировать свои личные способности (самоактуализация).

Игровой стрим: концепция адресанта и адресата

Адресантом игрового стрима является ведущий онлайн-трансляции (стример), который

может быть как профессионалом, так и любителем. У каждого стримера есть постоянные зрители и фанаты, которым интересен создаваемый им контент или сама личность говорящего.

Анализ материала показывает, что чаще всего стримеры обращаются к зрителям словами *народ*, *чат*, *чатик*, *ребята*, *ребятки*, *ребзя*, *друзья*, *мужики*. Зрители в комментариях обращаются к стримеру уменьшительно-ласкательными именами и краткой формой имени (Саня, Санек, Санечек, Санюрик, Владек, Владос, Лёх, Лёха, Влад, Дим, Димас, Стасян, Кирюха), или вариацией никнейма (Сильвер, Вудуш, Вудушао, Бьёрн, Бьорн, Бурн, Гитман, Гит, Гитмурик, Кейк), или с помощью эмоционально-оценочных слов с положительной (друган, дружище братан, братик, бро, пупсик, красотка) или отрицательной (фрик, свин, жир, жаба) коннотацией.

Игровой стрим представляет собой преимущественно монологическую форму выскаживания ведущего онлайн-трансляции, обращенную ко всем пользователям. Обратим внимание на особый тип интерактивного взаимодействия между стримером и зрителями. Его специфика заключается в том, что стример одновременно осуществляет разные виды деятельности: играет, комментирует происходящее, объясняет что-то, обращается с вопросами к зрителям, просит их помочь, зачитывает комментарии из общего чата и реагирует на них, зачитывает сообщения о материальных пожертвованиях: *Есть вторая вкрутка. Где? Какая? Что вы говорите? Мне ни на что не хватает. Вы про что говорите? Помолись за звездную пыль. А как это сделать? Купи судьбоносные встречи за звездную пыль. Вот так? Вот так? И? И что теперь? И что мне покупать? Нажми на магазин. И что? У меня все кончилось. Дальше что? Вот это надо купить? Вот это вот или какое? Я не понимаю. Спасибо за суперстикер. Розовый. Покупаю розовый, допустим. Ну, и куда мне их теперь тратить? Теперь у тебя есть молитва. Ой, ё, как все запутано* [26].

Как видно из примера, стример, чтобы ответить на вопрос в чате или на сообщение о добровольном пожертвовании, сначала зачитывает сам вопрос или комментарий, а потом отвечает на него, чтобы было понятно, на какой именно из массы вопросов он отвечает. Вопросы по прохождению игры к зрителям, а также их советы помогают создать эффект погружения в игру у зрителей и сделать процесс совместного прохождения игры более интерактивным.

Адресатом выступает вся потенциальная аудитория, заинтересованная в транслируе-

мой компьютерной игре или личности стримера. Выделим два типа адресата: официальный и неофициальный. В первом случае адресат является активным участником игрового стрима, он комментирует онлайн-трансляцию и официально зарегистрирован на платформе. Во втором случае адресат находится в роли «молчаливого» участника или косвенного адресата, поскольку он официально не зарегистрирован на платформе и не имеет возможности комментировать трансляцию.

Игровой стрим: событийное содержание

Событийное содержание жанра «игровой стрим» вариативно, поскольку в ходе онлайн-трансляции могут затрагиваться разные темы. Несмотря на высокую степень разнообразия подобных тем, представляется возможным выделить главную макротему игрового стрима – это сама компьютерная игра и этапы ее прохождения. Данная тема реализуется через подтемы, состоящие из микротем. Спектр подтем вариативен, поскольку в жанр «игровой стрим» заложена импровизация как способ синхронной подачи информации.

Политематичность игрового стрима зависит от ведущего онлайн-трансляции, зрителей и степени их участия в комментариях, а также желания обсудить какую-то тему. Универсальными темами для всех стримеров являются: особенности игры, которые они проходят в данный момент, благодарность за пожертвования, зачитывание рекламы. На темы, которые выходят за пределы игровой тематики, в среднем отводится 20% времени от общей продолжительности стрима. Оставшееся время посвящено комментированию игры, особенностей и этапов ее прохождения.

Игровой стрим: фактор коммуникативного прошлого и коммуникативного будущего

Коммуникативное прошлое находит отражение в предыдущих онлайн-трансляциях, которые хранятся в записи на канале. Например, в реализуемых в момент трансляции игровых стримах ведущие упоминают о ранее проведенных встречах: *Ты-ы-кс. На чем мы остановились тут? Там был какой-то момент душный, я вот не помню, я его прошел? Вроде прошел. Или нет? Сейчас увидим. А. Прошел, да, прошел. Точно. Новая глава у меня была* [27].

Коммуникативное будущее может отражаться и в отсылке на последующие трансляции: *Ладно, мужики, наверное, пойду отдохнуть, потому что сегодня планирую еще подрубить перед поездкой в Москву. Попробую, попробую подрубить. Вечерком еще*

с вами увидимся. Но в Москве тоже будут подрубать [28]; Увидимся на ВоВе через две недели. ВоВ где-то будет числа... В середине месяца [29].

Называя дату следующей трансляции, стример надеется, что зрители заинтересуются. В свою очередь, адресаты задают стримеру вопросы по поводу следующих трансляций для того, чтобы включить стрим в определенное время.

Игровой стрим: формальная структура и отличительные характеристики

Выделим три структурно-композиционные части игрового стрима: вступление, основная часть, заключение. Во вступлении ведущий онлайн-трансляции приветствует зрителей, обозначает тему игрового стрима и рассказывает о сюжете компьютерной игры: *Так. Здравствуйте, здравствуйте, дамы и господа. Я вас всех приветствую меня зовут Бъёрн. И это, между прочим, Ведьмак 3 Дикая охота. Мы приступаем к прохождению этого самого Ведьмака третьего, наконец-то. Пройдя первую часть, пройдя вторую часть, вот она огромная, мясистая, жирненькая вишенка на торте. Вам же доброе утро, здравствуйте. Я чувствую ваше воодушевление, я сам воодушевлен* [30].

В основной части ведущий онлайн-трансляции описывает свои ощущения от игры, дает советы, комментирует свои действия и сравнивает данную игру с предыдущими частями или другими играми: *Ну, кстати, нормальная боевка, да? Ну не такая, не, тут совершенно другая боевка. Дарк энд даркес, как она правильно называется-то? Даркест... Дарк... Как он там? Я забыл. Даркест данжн, да. Ну почти как в Даркест данжн. Насладиться видом. Ха-ха-ха. Вот это мне понравилось. Насладиться видом после драки. Так, очко. Ну давайте его засунем сюда, чтобы если что сливать. Вообще я думаю правильно... Правильно не вот это вот делать, не в одну ветку идти. Мне кажется, это неправильно. Правильно идти во все и пользоваться скилами по-разнообразному. Там видели, у противника был щит, который уменьшал входящий дэмедж на 50%, этот щит снимается определенной стихией – сердце, разум, деяние. А у меня снимается он салютуром, да? То есть этот бафф снимается салютуром. Слушайте, мне нравится. Мне нравится* [31].

Стример комментирует игровой процесс и делится впечатлениями о игре, побуждая зрителей на отклик, тем самым обусловливая возникновение интерактивного эффекта. Молчаливое прохождение игры не вызывает такую волну интереса у зрителей, как активное освещение

действий и эмоций, поэтому стримеры, комментируя этапы прохождения игры, часто говорят «мы», создавая впечатление совместной игры со зрителем. Давая советы или объясняя тактику, стримеры употребляют местоимение «я», тем самым показывая свое экспертное мнение.

В заключении ведущий дает оценку игры и подводит итоги: *Так, ну что, ребят. Как раз-таки, говоря о котлетке с пюрешикой, которая у меня тут стоит и остывает, давайте на этом как раз-таки и закончим, наверное. Ребят, нормально, неплохо игра идет, мне нравится. В принципе, довольно интересно идти по полигончикам лутать. Соответственно ожидаю вас завтра. Завтра часа в три, наверное, стартану, потому что завтра, ну меньше играть. Все, давайте до завтра, давайте пока! Пока, увидимся. Пошел отдохать* [32].

В результате анализа формул прощания выделим универсальные, безличные: *Всем спасибо. Всем пока. Игра окончена. Всем до свидания. До завтра. Всем бб (от англ. bye bye – пока). Пока.* Кроме того, в заключении стримеры делятся впечатлениями и подводят итоги игры или проведенного стрима, прогнозируют время следующей трансляции. Многие стримеры в завершении своей трансляции советуют смотреть других стримеров, у которых идет прямой эфир.

Выделим отличительные характеристики жанра «игровой стрим»: 1) интерактивность; 2) синхронный характер; 3) публичный массовый характер; 4) металюдичность; 5) устно-письменная форма реализации языка; 6) поликодовость. Под интерактивностью понимается техническая возможность вести опосредованный диалог между стримером и аудиторией. Интерактивность носит двусторонний характер: стример → ← зрители или зрители → ← зрители. Стример может сам инициировать общение в виде вопросов участникам чата или отвечать на вопросы адресатов, которые, в свою очередь, могут давать советы ведущему онлайн-трансляции или задавать ему вопросы. В ходе онлайн-трансляции зрители также ведут активный полилог между собой: они обсуждают стримера, его действия, дают ему советы, пишут об игровых тактиках и в целом обсуждают свое отношение к этой игре или играм в целом.

Важным признаком игрового стрима является актуализация в режиме реального времени, который предоставляет возможность непосредственного контакта с аудиторией. Речь идет о синхронном характере взаимодействия, предполагающем актуализацию в режиме реального времени. Стример показывает игру и создает нарратив, рассчитанный на зрителя.

Он делится с аудиторией советами, приемами прохождения этапов игры, рассказывает о происходящем и эмоционально реагирует на события в игре и на комментарии зрителей. Речь стримера носит спонтанный характер.

Важной особенностью игрового стрима является публичный массовый характер. Речь идет о коммуникации, в ходе которой информация передается широкому кругу слушателей. Согласно статистике, среднее количество одновременных зрителей на игровом стриме может быть примерно от 2 до 40 тыс. Количество просмотров в записи значительно выше – около 200 тыс. [33], что свидетельствует о массовом характере игрового стрима. При публичной коммуникации зрители онлайн-трансляции, точнее их комментарии, находятся в поле зрения стримера. В этом случае можно говорить о синхронном контактном взаимодействии, которое отличается от дистантного массового общения, осуществляющегося в асинхронном режиме. Стим рассчитан на массовую аудиторию, потенциально отличающуюся социально-культурной неоднородностью, но объединенную общим интересом – желание играть в компьютерную игру.

Важной особенностью игрового стрима является металюдичность. Под металюдичным характером коммуникации понимается языковое взаимодействие по теме игр и игрового процесса, осуществляющееся игроками, а также другими участниками игровой культуры [34: 409]. В ходе онлайн-трансляции игровые действия стримера сопровождаются его собственными комментариями или комментариями зрителей в общем чате. В ходе коммуникативного онлайн-взаимодействия затрагиваются темы игры и игрового процесса, которые наглядно демонстрирует ведущий онлайн-трансляции. Кроме того, стример и зрители могут обсуждать ранее пройденные, схожие по жанру или по другим параметрам игры, строить планы на дальнейшее прохождение.

Являясь вторичным жанром, игровой стрим реализуется в устно-письменной форме, имеет сложную структуру. Во время проведения онлайн-трансляции стример осуществляет общение в устной форме, в то время как зрители имеют возможность общаться со стримером и между собой только посредством письменной формы языка. Игровой стрим характеризуется сочетанием вербальной, невербальной и визуальной информации, что говорит о его поликодовости. К вербальной информации относятся сообщения в чате, извещения о добровольных пожертвованиях, всплывающие на экране трансляции, звучащая речь стримера. К невербальной информации мы относим звуки и музыкальное сопровождение

игры, а к визуальной – игровой видеоряд и окно с изображением стримера, а также иконические знаки, представленные смайликами и картинками-мемами.

Игровой стрим: языковые особенности

Жанр «игровой стрим» является оформлением типичной ситуации социального взаимодействия участников трансляции, в связи с чем выделим наиболее характерные языковые особенности:

- 1) использование игрового жаргона: *надо все простакать и зафармить; стараюсь кайтить по внутреннему кругу босса; у меня отличный дпс в соло; по всем критануло, ты смотри; надо фиরнуть его;*
- 2) использование реалий компьютерных игр: *мне надо в бкбэху выйти обязательно, глейпнирчик, чтобы никто не мешал пинать; цепная молния, кстати, нормальная тема, три разряда ударит; Как он называется? Некрополис-то этот, господи; Наксрамас! Потом там, блин, до ЦЛК, мама. Там Малигос, Обсидиановое святилище; Потом испытание крестоносца. Потом испытание великого крестоносца! И потом только ЦЛК;*
- 3) использование лексики с позитивной или негативной оценочной семантикой: *сейчас грязику устроим; Вот это было красиво; ХМ – это бред собачий; 500 хп – вот это жесть! Осуждаю максимально Баунти Хантера; Нормально Шейкера похоронили сейчас бодро; Мы дёфаемся просто геройски;*
- 4) использование инвективной лексики: *какой же м****, просто. Вот этого урода продам, урод сильный, но мне не нравится. Я этим говном еще и выигрываю. Быдло на Урсе, просто нытик сам по себе. Черт инвизный!;*
- 5) использование обсценной лексики: *ох**** геймплей, б****. Аномалия, конечно... Сука, на*** вообще это придумали просто. Щас буду мурлуков бить. Меня за**** эти неадекватные придурики, пишущие х***;*
- 6) использование молодежного сленга: *я чекаю такие вещи. Вот это по кайфу покачались. Вот ты скуф. Так, все, я раздуплился. Меня не кидали ни разу еще. Посмотри топовых чуваков, которые гайды пишут. Просто скамил людей на миллиарды своими марафонами;*
- 7) использование компьютерного сленга: *ты можешь плашку поменять; у меня вот там системник еще один стоит; Кто кого задудосил? Пинганы ссылку, плиз;*
- 8) использование англицизмов: *у меня ломается майндсет; если ты проиграл,*

ты получаешь рандомную карту с предыдущей; Джизус Крайст, что происходит? Я сегодня на фул фокусе; очень стронг.

Выводы

В интернет-пространстве появился новый медиаформат взаимодействия ведущего онлайн-трансляции с аудиторией – стрим, под которым понимается сложное жанровое образование, порожденное интенцией стримера демонстрировать аудитории процесс компьютерной игры и взаимодействовать с адресатами в режиме реального времени. Игровой стрим отличается от других жанров (видеоблог, летсплей, live-трансляции на телевидении, развлекательный контент на ви-

деохостингах) возможностью интерактивного взаимодействия пользователей в режиме реального времени посредством стримингового чата и отправки добровольных пожертвований. Суть интерактивного взаимодействия между стримером и зрителями сводится к следующему: стример одновременно осуществляет разные виды деятельности, среди которых отметим комментирование игры, реакцию на сообщения в чате и др. Игровой стрим является самостоятельным речевым жанром интернет-дискурса, поскольку имеет определенную композиционную структуру, посвящен определенной теме или может быть частично политематичен, наделен конститутивными признаками и обладает функционально-стилистическими особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горошко Е. И. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2 (12). С. 119–127.
2. Баженова Е. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российской и зарубежная филология. 2012. № 4 (20). С. 125–131.
3. Дубровская Т. В. Жанр онлайн-петиции в контексте феминистского дискурса // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 111–117. [https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100](https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-111-117)
4. Горошко Е. И. Полиформатный мессенджер как жанр 2.0 (на примере мессенджера мгновенных сообщений Telegram) // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 92–100. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100>
5. Дементьев В. В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 118–135. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-118-135>
6. Щипицна Л. Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 215–226. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>
7. Крылов Ю. В., Стексова Т. И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. 2020. № 1 (25). С. 53–61. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>
8. Часовский Н. В. Интернет-мем как особый жанр коммуникации // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 2 (61). С. 124–127.
9. Лутовинова О. В. Шейминг как речевой жанр // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 3 (35). С. 212–219. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
10. Мойсеенко А. В. Характеристика жанра электронных новостных заметок // Жанры речи. 2022. Т. 17, № 1 (33). С. 66–73. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-66-73>
11. Мирошник М. А. Формирование стрима как нового медиаформата распространения информации и взаимодействия с аудиторией. Игровые и неигровые стримы // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2022. № 2 (44). С. 76–82. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10210>
12. Онуприенко К. А. Семиотические аспекты новых медиаформатов // Вопросы журналистики, педагогики, языкоznания. 2022. Т. 41, № 3. С. 463–472. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-463-472>
13. Горелов О. С. Стим как метапоэтический перформанс // Вестник Ивановского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2022. № 4. С. 5–14. <https://doi.org/10.46726/H.2022.4.1>
14. Зиновьевна Н. А. Игровые стримы и летсплеи: перспективы социологического анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13, № 4. С. 460–475. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.407>
15. Chou Shih-Wei, Nguyen Trieu. Understanding donation intention in live-streaming from dedication and constraint perspectives // Proceedings of The International Conference on Electronic Business. 2022. № 22. Р. 714–719.
16. Ma Linye, Gao Shuqing and Zhang Xiaoyan. How to Use Live Streaming to Improve Consumer Purchase Intentions: Evidence from China // Sustainability. 2022. Vol. 14, iss. 2. Art. 1045. <https://doi.org/10.3390/su14021045>
17. Gong Mingchuan, Bao Xin, Wagner C. Why viewers send paid gifts: The role of social influence on massively multiplayer online games live streaming // Information Processing & Management. 2023. Vol. 60, iss. 4. Art. 103371. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2023.103371>
18. Li Chenhao, Zhang Jing, Yao Jiacheng. Streamer action recognition in live video with spatial-temporal attention and deep dictionary learning // Neurocomputing. 2021. Vol. 453. Р. 383–392. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2020.07.148>
19. Mu Hu, Zhang Mingli, Wang Yu. Why do audiences choose to keep watching on live video streaming platforms? An explanation of dual identification framework // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 75. Р. 594–606. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.06.006>
20. Hamilton W. A., Garretson O., Kerne A. Streaming on twitch: Fostering participatory communities of play within live mixed media // CHI'14: Proceedings of the

- SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2014. P. 1315–1324. <https://doi.org/10.1145/2556288.2557048>
21. Новый большой англо-русский словарь / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. URL: <https://1532.slovaronline.com/search?s=%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BC> (дата обращения: 15.01.2024).
22. Macmillan English Dictionary Online. URL: <https://www.dictionary.com/browse/stream> (дата обращения: 15.01.2024).
23. Oxford Learner's Dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/stream_1?q=stream (дата обращения: 15.01.2024).
24. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. № 12. С. 105–123.
25. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева ; под ред. Т. В. Булыгиной. М. : Языки русской культуры, 1999. 790 с.
26. Канал стримера Д. Куплинов «Kuplinov Play». URL: <https://www.youtube.com/channel/UCdKuE7a2QZeHPhDntXVZ91w>
27. Канал стримера И. Гитмана «guit88man». URL: <https://www.twitch.tv/guit88man>
28. Канал стримера А. Шальчинова «VooDooSh». URL: <https://www.twitch.tv/voodoosh?lang=ru>
29. Канал стримера В. Синотова «silvername». URL: <https://www.twitch.tv/silvername?lang=ru>
30. Канал стримера М. Левенко «UncleBjorn». URL: <https://www.twitch.tv/unclebjorn>
31. Канал стримера Артема «Artyom First». URL: https://www.youtube.com/channel/UCYBuq_0n2yhf8POE1FaAmA
32. Канал стримера Т. Хафизова «Tpabomah». URL: <https://www.twitch.tv/tpabomah>
33. Twitch Tracker. URL: <https://twitchtracker.com/channels/ranking/russian/personality> (дата обращения: 20.02.2024).
34. Ensslin A. Discourse of Games // The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games / eds. K. Tracy, C. Ilie, T. Sandel. John Wiley & Sons, 2015. № 05. P. 406–411.
6. Shchipitsina L. Yu. Web Lecture as an Oral Internet Genre. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 215–226 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-215-226>
7. Krylov Yu. V., Steksova T. I. New Genres of Internet Communication (based on Demotivators and Memes). *Speech Genres*, 2020, no. 1 (25), pp. 53–61 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-1-25-53-61>
8. Chasovskiy N. V. The Internet-Meme as a Special Genre of Communication. *Scientific Notes of Transbaikal State University*, 2015, no. 2 (61), pp. 124–127 (in Russian).
9. Loutovinova O. V. Shaming as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 3 (35), pp. 212–219 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-3-35-212-219>
10. Moiseenko A. V. Characteristic of the digital news story genre. *Speech Genres*, 2022, vol. 17, no. 1 (33), pp. 66–73 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2022-17-1-33-66-73>
11. Miroshnik M. A. Formation of a stream as a new media format for distribution of information and interaction with the audience. game and non-game streams. *Sign: The Problematic Field of Media Education*, 2022, no. 2 (44), pp. 76–82 (in Russian). <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10210>
12. Onuprienko K. A. Semiotic aspects of new media formats. *Questions of Journalism, Education, Linguistics*, 2022, vol. 41, no. 3, pp. 463–472 (in Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-463-472>
13. Gorelov O. S. Game streams and let's play: Perspectives of a sociological analysis. *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, no. 4, pp. 5–14 (in Russian). <https://doi.org/10.46726/H.2022.4.1>
14. Zinov'yeva N. A. Gaming streams and let's plays: Perspectives of sociological analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 460–475 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.407>
15. Chou Shih-Wei, Nguyen Trieu. Understanding donation intention in live-streaming from dedication and constraint perspectives. *Proceedings of The International Conference on Electronic Business*, 2022, no. 22, pp. 714–719.
16. Ma Linye, Gao Shuqing, Zhang Xiaoyan. How to Use Live Streaming to Improve Consumer Purchase Intentions: Evidence from China. *Sustainability*, 2022, vol. 14, iss. 2, art. 1045. <https://doi.org/10.3390/su14021045>
17. Gong Mingchuan, Bao Xin, Wagner C. Why viewers send paid gifts: The role of social influence on massively multiplayer online games live streaming. *Information Processing & Management*, 2023, vol. 60, iss. 4, art. 103371. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2023.103371>
18. Li Chenhao, Zhang Jing, Yao Jiacheng. Streamer action recognition in live video with spatial-temporal attention and deep dictionary learning. *Neurocomputing*, 2021, vol. 453, pp. 383–392. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2020.07.148>
19. Mu Hu, Zhang Mingli, Wang Yu. Why do audiences choose to keep watching on live video streaming platforms? An explanation of dual identification framework. *Computers in Human Behavior*, 2017, vol. 75, pp. 594–606. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.06.006>
20. Hamilton W. A., Garretson O., Kerne A. Streaming on twitch: Fostering participatory communities of play within live mixed media. *CHI'14: Proceedings of*

REFERENCES

1. Goroshko E. I. The construction of genre typology of the social media. *Speech Genres*, 2015, no. 2 (12), pp. 119–127 (in Russian).
2. Bazhenova E. A. Blog as an Internet genre. *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*, 2012, no. 4 (20), pp. 125–131 (in Russian).
3. Dubrovskaya T. V. Online petition as a genre in the context of feminist discourse. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 111–117 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-111-117>
4. Goroshko E. I. Multi-format messenger as a genre 2.0 (example of instant messaging messenger Telegram). *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 92–100 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-92-100>
5. Dementyev V. V. Internet anecdotes: Some structural types. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 118–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-118-135>

- the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*, 2014, pp. 1315–1324. <https://doi.org/10.1145/2556288.2557048>
21. *Novy bol'shoy anglo-russkiy slovar' pod obshchim rukovodstvom akad. Yu. D. Apresyana* [New Big English-Russian Dictionary under the general editorship of Acad. Yu. D. Apresyan]. Available at: <https://1532.slovaronline.com/search?s=%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BC> (accessed January 15, 2024).
22. *Macmillan English Dictionary Online*. Available at: <https://www.dictionary.com/browse/stream> (accessed January 15, 2024).
23. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/stream_1?q=stream (accessed January 15, 2024).
24. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual genre study: Fixed and disputable. *Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 12, pp. 105–123 (in Russian).
25. Wierzbicka A. *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages. Bulygina T. V., ed. Translated from English by A. Shmelev]. Moscow, Yazyki russkoi kultury, 1999. 790 p. (in Russian).
26. Kuplinov D. *Streaming channel “Kuplinov Play”*. Available at: <https://www.youtube.com/channel/UCdKuE7a2QZeHPhDntXVZ91w>
27. Gitman I. *Streaming channel “guit88man”*. Available at: <https://www.twitch.tv/guit88man>
28. Shalchinov A. *Streaming channel “VooDooSh”*. Available at: <https://www.twitch.tv/voodoosh?lang=ru>
29. Sinotov V. *Streaming channel “silvername”*. Available at: <https://www.twitch.tv/silvername?lang=ru>
30. Levenko M. *Streaming channel “UncleBjorn”*. Available at: <https://www.twitch.tv/unclebjorn>
31. Artem's *Streaming channel “Artyom First”*. Available at: https://www.youtube.com/channel/UCYBuq_0n2yhYf8POE1FaAmA
32. Hafizov T. *Streaming channel “TravoMan”*. Available at: <https://www.twitch.tv/tpabomah>
33. *Twitch Tracker*. Available at: <https://twitchtracker.com/channels/ranking/russian/personality> (accessed February 20, 2024).
34. Ensslin A. Discourse of Games. Tracy K., Ilie C., Sandel T., eds. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction. Ch. Discourse of Games*. John Wiley & Sons, 2015, no. 05, pp. 406–411.

Поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024;
принята к публикации 15.07.2024; опубликована 28.11.2025

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 15.07.2024;
accepted for publication 15.07.2024; published 28.11.2025

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. А. Митенёва*
Технический редактор *С. С. Дударева*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 21.11.2025. Подписано в свет 28.11.2025. Выход в свет 28.11.2025
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 12.13 (13.0). Тираж 100. Заказ 117-Т

Издательство (редакция) Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.